

ОЛЬГА
ПАШНИНА

МИНИСТЕРСТВО
МЕРТВЫХ

Annotation

Обидно не то, что я умерла и не заметила, а то, что даже после смерти работать заставили. Так уж вышло, что на Земле я не представляла собой ничего особенного. Не спасла мир, не изменила чью-то жизнь и даже никого не вдохновила на подвиг. Поэтому высшие силы дали мне второй шанс. Министерство мертвых - последняя возможность для таких, как я. С утра отсидеть пары в колледже, изучая новый, полный магии, мир. Днем отработать хлеб и крышу над головой, помогая настоящему стражу мертвых. А вечером окунуться в омут интриг местной элиты, завоевать место под солнцем и доказать, что смертные девушки, в отличие от всяких наследников Повелителя Тьмы, достойны самого лучшего. Осталось понять, что вообще в этом мире может быть хорошего...

•

Annotation

Обидно не то, что я умерла и не заметила, а то, что даже после смерти работать заставили.

Так уж вышло, что на Земле я не представляла собой ничего особенного. Не спасла мир, не изменила чью-то жизнь и даже никого не вдохновила на подвиг. Поэтому высшие силы дали мне второй шанс.

Министерство мертвых - последняя возможность для таких, как я. С утра отсидеть пары в колледже, изучая новый, полный магии, мир. Днем отработать хлеб и крышу над головой, помогая настоящему стражу мертвых.

А вечером окунуться в омут интриг местной элиты, завоевать место под солнцем и доказать, что смертные девушки, в отличие от всяких наследников Повелителя Тьмы, достойны самого лучшего.

Осталось понять, что вообще в этом мире может быть хорошего...

Министерство мертвых. Невозможная принцесса

1.1

1.2
1.3
1.4
2.1
2.2
2.3
2.4
2.5
3.1
3.2
3.3
3.4
4.1
4.2
4.3
5.1
5.2
5.3
6.1
6.2
6.3
7.1
7.2
7.3
7.4
7.5
8.1
8.2
8.3
8.4
8.5
8.6
8.7
9.1
9.2
9.3
9.4

Министерство мертвых. Невозможная принцесса

1.1

Внимание: начиная читать эту книгу, помните - бесплатна она лишь в процессе +2 дня. Следите за продажами, чтобы успеть дочитать - они ежедневные. Приятного чтения!

Водитель такси напоминал мне Харона, перевозящего души мертвых через подземную реку Стикс.

Если бы кто-то задался целью придумать образ Харона двадцать первого века, естественно.

Седой, но ухоженный, в классическом черном костюме, он сидел за рулем с идеальной осанкой и в абсолютной тишине. Не было ни рассуждений о жизни, политике, ценах на бензин или мигрантах. В машине не играла музыка, а через закрытые окна не проникали звуки с улицы. Я не могла оторвать взгляд от необычного, почему-то немного пугающего, профиля мужчины. Да, он бы здорово сыграл саму Смерть в каком-нибудь сериале.

На город опустились ночь и туман. Не редкость для нашего захолустья. Мы ехали медленно, свет фар едва позволял увидеть хоть что-то. На несколько секунд я закрыла глаза.

Даже не помню, как поймала машину. Только непреодолимое, почти невыносимое желание уехать как можно дальше помню очень хорошо. Даже не знаю, куда меня везет водитель-Харон. И, если вдуматься, это довольно опасно. Никто не знает, где я, телефон остался дома, в пылу ссоры я даже не подумала его взять. В сумке немного денег, хватит на оплату такси и... что? Дешевый номер в мотеле? Койка в хостеле? Кажется, как-то так начинаются все репортажи о пропавших девушках.

«После ссоры с родителями девятнадцатилетняя Аида Даркблум ушла из дома и не вернулась. В последний раз девушку видели садящейся в машину без опознавательных знаков. Особые приметы: длинные русые волосы, спортивная фигура, шрам на правой руке, одета в джинсы и черную толстовку. Просьба всем, кто обладает какой-

либо информацию, связаться с родными по телефону XX-XX-XX, или через службу 9-1-1».

Бр-р-р. Я поежилась.

Это же не попутка. Я всегда вызываю такси через приложение, по нему легко отследят, если что-то пойдет не так.

«Стоп! Телефон ведь остался дома...».

Во рту пересохло. Я резко открыла глаза и выпрямилась.

- Извините, куда мы едем?

В боковое окно почти ничего не было видно, только туман, кусок дороги и что-то темное вдали. Кажется, мы ехали по мосту.

- Туда, где вам нужно быть, - отозвался водитель.

- А-а-а... где мне нужно быть?

- А вы не знаете?

- М-м-м... я... так странно, я не помню, что сказала вам, когда садилась. Не помню, куда хотела уехать. В отель? Или...

- Мы едем на вокзал, мисс Даркблум.

На вокзал. Что ж, это логично. Я психанула, сбежала из дома и еду на вокзал, потому что поезд – единственный способ убраться из проклятого города. Зря не взяла телефон. Можно было бы посмотреть, куда отправляются ближайшие поезда.

Я всегда хотела уехать. Слишком многое здесь напоминало о счастливой жизни, которой никогда больше не будет. От нее остались только красивый дом в дорогом районе, пара коньков и мачеха, вдруг с чего-то решившая, что моя жизнь принадлежит всецело ей. Она выбрала мне колледж, она заставила меня бросить спорт, она вычеркнула отца из нашего мира после его смерти.

- Вот теперь ты свободна, - пробормотала я. – Больше никаких обязательств. Никакой навязанной падчерицы. Наслаждайся.

Водитель если и услышал, то не подал виду.

Наконец мы остановились. Из-за тумана и темноты (когда-нибудь в городском бюджете появятся средства на освещение, но точно не сегодня) сложно было разглядеть, где станция, но раньше я часто бывала здесь и нашла бы зал ожидания с закрытыми глазами. Надеюсь, там есть кофе. И надеюсь, мне хватит денег на что-нибудь съестное, потому что организм уже дошел до стадии, когда от голода просто тошнит. Не помню, когда в последний раз ела. Утром?

- Мы приехали, мисс Даркблум.

- Спасибо. Сколько с меня?

В машине не было никакого счетчика.

- Вы уже расплатились со мной. Все в порядке. Удачи, мисс Даркблум.

- Спасибо... - Я нахмурилась, но распахнула дверь и вышла наружу.

За все это время водитель даже не обернулся. Когда я, оглядевшись, поняла, что совсем не знаю место, в котором очутилась, машины уже не было.

- С какой стороны ты меня привез?

Все вокруг напоминало самую обычную платформу. За ее краем виднелись рельсы, над головой от дождя защищал высокий купол. На ближайшем столбе обнаружили часы.

- Семнадцать-семнадцать? Да вы издеваетесь! Могли бы хоть часы починить.

Судя по тьме вокруг, времени не меньше восьми, а то и ближе к девяти. И народу уже никого, а в час-пик на станции не протолкнуться. У нас почти нет работы, многие ездят в соседний город, да и студенты как раз в это время возвращаются домой.

Ладно, к черту всех. Надо найти расписание, кассу, купить билет и дождаться ближайший поезд. Там смогу поспать, на кофе и сэндвич уже даже не надеюсь.

Только где вокзал?

Наугад, совершенно не помня, где располагался злополучный переход в здание вокзала, я побрела по платформе. Стук каблучков эхом проносился по пустому пространству. Туман немного рассеялся, оставив вместо себя промозглый холод. Жаль, не захватила плащ или куртку. Зря я не собрала никаких вещей, но если бы я попыталась это сделать, мачеха поняла бы, что я пытаюсь сделать. И вместо вокзала я бы оказалась заперта в своей комнате.

И вдруг впереди показалась фигура. Одинокий пассажир, ждущий поезда – то, что надо! Выясню, куда он собрался и где кассы.

- Извините! Извините, вы мне не можете?

Довольно привлекательный шатен в темном классическом костюме-тройке обернулся и посмотрел так, словно не ожидал меня увидеть. Даже сверился с часами, затем снова перевел на меня взгляд и нахмурился.

- Аида? Аида Даркблум?

- Мы знакомы?

- Еще нет. Я ждал тебя на час позже. Это странно.

- Почему? Ждали? А вы кто?

Он снова посмотрел на наручные часы, затем на часы на столбе.

- О, я опять забыл про часовые пояса. Ну, конечно, ты Аида Даркблум, и ты совершенно вовремя! Как себя чувствуешь, малышка?

- Э-э-э... нормально, а что?

- Тошнота? Головокружение? Замерзла?

- Да, немного, но...

- Это нормально. Скоро пройдет. Итак, на чем предпочитаешь добираться? Самолет, машину, парашан, дирижабль? Выбери дирижабль, а? Его никто никогда не выбирает, а мне ужасно любопытно.

- Добираться куда?

- В мир мертвых, разумеется. Ты что, не знаешь, что умерла?

1.2

Я рассмеялась. Немного наигранно и недоверчиво, потому что атмосфера вокруг совсем не располагала к веселью. Но часть меня все же надеялась, что мужчина рассмеется в ответ и скажет, что это он так пошутил. Но он смотрел совершенно серьезно.

- Нет. Я не в курсе, - посерьезнев, сказала я.

И зачем-то добавила:

- Извините.

- Ничего страшного. Стоит только оштрафовать подчиненного, как он тут же начинает саботировать процесс и скидывать свою работу на чужие плечи.

- Вы о чем?

- Неважно. Выбери, пожалуйста, транспорт, Аида. Это важно, поверь мне.

По коже прошелся мороз, и вдруг показалось что да, действительно важно.

- Хорошо. Поезд.

- Поезд? – Незнакомец нахмурился. – А почему?

- Мы же на вокзале, - пожала плечами я. – Логично, что отсюда уезжают на поезде.

Мужчина с интересом огляделся, словно впервые видел место, в котором находился.

- Надо же, и правда. Вокзал что-то значит для тебя?

Тут я уже не выдержала. Шутка затянулась. Я не умерла, я сбежала из дома и собираюсь уехать так далеко, как смогу. Найти работу, встать на ноги, и никогда больше не вспоминать о городе, в котором выросла.

- Знаете, что? Отстаньте от меня. Иначе я попрошу полицию вами заняться. Всего доброго.

- Ты где-то видишь полицию?

Я развернулась, чтобы уйти. До сих пор понятия не имея, где здание вокзала, просто хотелось оказаться как можно дальше от незнакомца. Выбросить из головы странную встречу.

- Там ничего нет, Аида, - крикнул он мне в спину.

Не знаю, почему, но я остановилась.

- Там пустота. Ты умерла и Харон переправил тебя через Реку Мертвых. Теперь у тебя только один путь – со мной. Поезд отвезет тебя в следующий этап. Здесь ты лишь потеряешь время и, в конечном счете, себя. Не уходи с платформы, Аида. Иначе я тебя не найду.

Кажется, я уснула в машине, где-то на мыслях о водителе-Хароне. А может, он все же оказался маньяком, и усыпил меня, чтобы зверски убить в ближайшем лесочке. А я сейчас вижу глюки от лекарств. Хотя в этом случае незнакомец даже не врет, я действительно почти умерла. Может, подсознание так пытается намекнуть, что садиться в чужую машину без приложения такси было не лучшей идеей?

Я все же дошла до края платформы, намереваясь вернуться туда, где остановилось такси. И тут же отпрыгнула в ужасе: из белесого тумана появилась рука. Жуткого красноватого цвета, она хаотично царапала бетонный пол в паре дюймов от моих ног.

- Я говорил, что не стоит. Вернись, пожалуйста, к поезду.

- Эт-то что? – От холода, пронзившего тело, я начала стучать зубами.

- Те, кто предпочел остаться здесь. Не доверившиеся проводнику души. Не войдешь в вагон – останешься с ними навсегда.

Обернувшись, я увидела поезд. Он прибыл совершенно бесшумно, не издав ни единого шороха. Без опознавательных знаков и светящихся табло, поезд казался одновременно до боли знакомым, и в

то же время каким-то... пародией на реальный. В нем определенно что-то было не так, но сколько бы я ни рассматривала, не могла понять, что именно.

В детстве почти каждые выходные мы с отцом садились на поезд и ехали осваивать новый городок. Бродили по улицам, изучали кафешки, придумывали истории про жителей. Иногда веселые, иногда добрые, иногда страшные или грустные. Возвращались затемно, к тому моменту я уже дремала, закутавшись в папину куртку, и он нес меня домой от самой станции, так осторожно, как мог, чтобы не разбудить. А я притворялась, что у него получается.

Мужчина сделал приглашающий жест. Я еще раз обернулась к туману, но рука уже исчезла, хотя на полу остались глубокие царапины.

Пусть это сон, бред, галлюцинация – мне не хотелось проверять, что будет, если шагнуть в туман. Поезд хотя бы примерно соотносится с первоначальным планом. А зомби или что там неуспокоенное лезло – нет.

Внутри поезд совсем не напоминал те, на которых мы ездили с отцом. Вместо удобных рядов сидений – потертые кожаные диваны вокруг деревянных столиков, вместо светодиодных ламп – канделябры со свечами. А еще ковры, тяжелые шторы на окнах и даже небольшой рояль в конце.

Мужчина выбрал один из столиков и кивнул:

- Садись.

Украдкой я ущипнула себя за запястье. Определенно больно. Но может ли быть больно во сне?

- Ты не спишь и не бредишь, и галлюцинаций у тебя нет.

- Откуда вы...

- Все думают одинаково. Все пытаются уйти. Все не верят.

Поезд медленно тронулся, оставляя платформу и туман позади.

- Но ты умерла, Аида. Придется в это поверить.

- Докажите! – потребовала я. – С чего мне вам верить? Порой люди, которые были под наркозом, рассказывают сказки и похлеще. Может, сейчас я лежу без сознания? Или кто-то подсыпал что-нибудь в мой бокал? Или я просто сплю, и вижу интересный сон, который потом запишу и превращу в книгу. Стану богатой и знаменитой, как

Роулинг... кстати, вот! Мы едем на поезде в таинственный другой мир. Все как в моих любимых фильмах.

- Мы едем на поезде, потому что поезда для тебя обладают какой-то эмоциональной ценностью. Подозреваю, фильмы тоже – отсюда и отсылки. Пока ты не ступила на порог нашего мира, реальность вокруг питается твоей смертной жизнью. Но подумай сама. Что последнее ты помнишь?

- Как поймала такси, чтобы поехать...

- Нет, что последнее ты помнишь до машины.

Я умолкла. Ссору с мачехой помню отлично, как выскочила из дома, на ходу натягивая куртку – тоже. А дальше...

- Ты не помнишь, как поймала машину. Как села в нее. Как проделала часть пути. Если ты уснула или отключилась в баре, то почему ты не помнишь, как пришла в бар?

- Потому что иногда кратковременная память дает сбои... - не очень уверенно произнесла я.

- Или потому что момент смерти человека всегда окутан туманом. Чтобы не травмировать и без того шокированную душу. Вот что я тебе предлагаю, Аида. Представь, что я прав. Да, это может оказаться сном или бредом, но ты все равно не можешь заставить себя очнуться. Так притворись, что веришь мне. Ты умерла. Что думаешь?

- Что это несправедливо, - пожалала плечами я.

Мужчина посмотрел на меня так, словно слышал подобные фразы каждый день: равнодушно и немного устало. Будто моя смерть для него – всего лишь работа, и в конце дня он забудет о девице, сидящей напротив, сойдет с поезда и пойдет в бар, чтобы выпить стаканчик-другой.

- Почему же?

- Мне всего девятнадцать. Я ничего не успела.

- А что такого ты спешила сделать, что не успела? Думаешь, мир не переживет, что ты не получила диплом средненького колледжа и не провела всю жизнь менеджером в супермаркете? Или что не рассталась с девственностью на выпускном? Или катастрофой для человечества станет твоя незакрытая кредитка? Кстати, чужая.

- Не чужая, а мачехи, - буркнула я, покраснев.

Он определенно знает обо мне если не все, то многое. Что говорит в пользу теории о бреде. И почему до сих пор не представился сам?

- Почему-то вы все считаете, что в ваших смертях есть трагедии. Будто то, что вы не прожили еще десять-двадцать-тридцать лет – ужасная несправедливость. Хотя на самом деле всем плевать. Миру плевать.

- Но не близким.

- Не им, - согласился незнакомец, и я даже приободрилась – нашли-таки точку соприкосновения!

Правда, потом он тут же снова вылил на меня психологический ушат холодной воды:

- К тебе это не относится, Аида. О твоей смерти никто не переживает.

На этом мы замолчали. Я сидела насупившись и сложив руки на груди, а мужчина безмятежно смотрел в окно, за которым, впрочем, ничего не было – только туман, густой и непроглядный.

- Как это случилось? – Я не выдержала первой. – Как я умерла?

- Понятия не имею, мне это не интересно. Да и тебе тоже. С этим пусть разбираются живые, у тебя свой путь.

- И куда же он ведет? – ехидно поинтересовалась я. – И почему его не видно?

- Потому что мы еще не перешли границу нашего мира. Сейчас я расскажу о нем побольше. Но сначала возьми печенье.

- Что? – не поняла я.

Вместо ответа незнакомец кивнул на дверь между вагонами, которая в следующую секунду открылась. Сначала показалась тележка со снеками и чаем, а следом за ней грузная женщина средних лет с абсолютно равнодушным выражением лица. Даже я бы сказала на нем было написано что-то вроде «задолбала работа».

Лишь при виде нас она немного оживилась.

- Сэм, ты сегодня лично?

- Да, Клара. Работаю внеурочно. Это Аида.

- Что будешь, Аида? – зевнула она.

- Эм... ничего, спасибо.

- Возьми, - вздохнул мужчина, чье имя я теперь узнала. – Чтобы успешно перейти границу, тебе нужно съесть что-то из нашего мира. Ты что, мифов не читала?

- Это в смысле зернышко граната?

- Граната нет, - ответила Клара. – Печенье будешь?

- Давайте, - со вздохом я махнула рукой.

Они все сумасшедшие.

Мне выдали пачку самого простого галетного печенья – и Клара с тележкой покатались дальше. Я не удержалась и вплоть до момента, когда за ней закрылась дверь, пыталась рассмотреть что-нибудь в соседнем вагоне. Там тоже едут души?

На вкус печенье оказалось похожим на пенопласт. И я не для красного словца сравнила: в детстве я отгрызла целый кусок от пенопластовой упаковки телевизора. Пережевывала белые гранулы, пока не спохватился папа и не отвез меня в больницу. Нас оставили там на ночь, мне не разрешали есть, а есть хотелось со страшной силой, и папа придумывал игры, чтобы отвлечь меня от голода.

- Мое имя – Самаэль, - сказал мужчина.

Это нехорошо. Точно не к добру.

1.3

- Когда человек умирает, его душа попадает ко мне, и я решаю, как с ней поступить – это если вкратце. Хотя на самом деле ко мне попадают единицы, в основном этой работой занимаются помощники.

- И почему я в числе этих единиц?

- Разумеется, потому что ты – избранная с уникальным даром. Существует пророчество, согласно которому от ужасного проклятия наш мир спасет юная девушка необычайной красоты и редкого ума. Хм... и правда, а что, собственно, ты тут делаешь?

- Очень смешно.

- Все были заняты по моему же приказу. Решил прогуляться сам.

- И запутались в часовых поясах.

- Знаешь, не помню в последнее время ни одной души, которую бы мне так хотелось отправить в аид.

Хм, забавно. Аид – похоже, так у них называется ад и мое имя – Аида. Немного нетипичное, надо сказать. Но мама ведь была актрисой. Им свойственны чудачества. Сейчас это прозвучало даже иронично.

- Значит, это не ад. И мы в него не едем.

- Не ад. А ты как думаешь? Куда ты попадешь?

- Мне кажется, я в целом неплохой человек, - пожала плечами я. – Наверное, в рай.

- Ты не хороший человек, Аида.

- Тогда зачем спрашиваете?! Что я такого сделала, что заслужила ад? Позаимствовала кредитку?! За это даже срока нет, а вы в ад отправляете!

- За это есть срок, вообще-то. Но я не сказал, что мы отправим тебя в ад. Все несколько сложнее. И вообще не относится ни к аду, ни к раю, ни к прочим концепциям загробной жизни. В нашей Вселенной, бесконечной и безграничной, есть два типа миров. Немагические – такие, как твой. И магические – как мой. Немагические миры самые ценные и прекрасные. Они уникальны. Земля – настоящее чудо. То, как она сформировалась, развилась, какой прекрасной и дарующей жизнь стала. Магические миры скромнее, хотя мы и научились создавать красоту для самих себя. Но все же ее не сравнить с красотой естественной.

Поняв, что не могу проглотить больше печенья, чем уже съела, я завернула остатки в пергаментную бумагу и положила на столик. Судя по тому, что Самаэль ничего на этот счет не сказал, я справилась с задачей.

- Испокон веков жители магических миров призваны хранить и оберегать немагические миры. К сожалению, мы не можем жить на Земле вечно, мы не созданы для такого мира. И ограничиваемся лишь короткими яркими жизнями, на которые способны наши тела. Ну а после смерти этих тел души возвращаются в родной мир, и мы оцениваем, как они справлялись со своей задачей. Хранили ли вверенный им мир? Или подталкивали его к гибели? Творили добро или множили зло? Нашли гармонию в красоте природы или погрязли в потреблении? Ну и так далее.

Сказать ему, что миссия провалилась, или пусть продолжает безмятежно мчаться в загробный Хогвартс на старом поезде с пенопластовым печеньем? Для чего бы ни заселяли Землю людьми, они определенно не продвинулись в ее сохранении. Откровенно говоря, я думаю, мы даже немного ее подпортили. Местами.

- Конечно, тех, кто справился с миссией, меньшинство. Они отправляются в Элизиум – колыбель всех душ, мир света, покоя и любви.

Зато теперь понятно, почему я мимо. Спасение мира, сохранение природы и все такое – точно не ко мне. Пожалуй, выражение «погрязла в потреблении» стоило бы вставить в резюме, оно очень четко

описывает ступень развития, на которой я находилась до того, как неизвестный маньяк в автобусе устроил мне встречу с Самаэлем. Или не маньяк, а кирпич. Или грипп. А может, я сдохла со скуки на очередной лекции или меня пришибло стеллажем в библиотеке.

- Самые темные и грязные души, неспособные быть хранителями, отправляются в Аид на вечные муки.

Он произнес это как-то... холодно, угрожающе и бесконечно серьезно. В аиде не шутят, это было ясно по взгляду Самаэля. Я хоть и постаралась сдержать реакцию, все же украдкой поежилась.

- Остальные, как правило, имеют нулевую ценность. Они немного творили добро, немного вредили своему миру, и вышли в ноль. Им дается еще один шанс, они перерождаются в новом мире и снова пытаются.

- И я...

Я бы не хотела переродиться. Наверное. В этой жизни я была симпатичной. Русая девушка с голубыми глазами – классический образ эмигрантки из России. А если я перерожусь в мужчину? Или в какого-нибудь аборигена с экзотических островов? Хотя уж они-то точно находятся в гармонии с природой и не оскверняют ее красотой айфоном.

- А ты – пограничное состояние. Ты не успела сгноить свою душу, однако уверенно к этому шла. Твои поступки, по большей части, не несли глобального вреда миру, который тебя отправили хранить. Однако они вредили душам вокруг тебя. Ты знаешь, что причинение физического увечья стоит куда меньше, чем нанесенная душевная рана? А ты, Аида, нанесла их многим. Мачехе, например.

- Ой, да я не так уж и много потратила с ее кредитки, тоже мне, душевная травма...

- Кредитка здесь ни при чем. Твоя мачеха любила тебя. Искренне о тебе заботилась. А ты? Грубила ей, сбегала, портила вещи. И за что? За то, что твой отец был счастлив с ней?

Я упрямо молчала, стиснув зубы. Любила... сложно вспомнить времена, когда про мачеху можно было сказать, что она меня любила. И все же, надо думать, моя смерть ее немного расстроит.

- Это ее убьет, - сказал Самаэль, явно подслушав мои мысли. – Ты была ее ребенком, Аида. Приемным, проблемным, порой ты доводила

ее до белого каления, но она никогда не простит себе, что ее последними словами тебе были «Лучше бы тебя никогда не было!».

- А вы можете сказать ей... ну, что я в порядке и все такое? Что миссия по спасению мира провалена, но меня хотя бы не будут варить в котле с табличкой «их переходный возраст перешел в старческий маразм»?

Самаэль покачал головой.

- Нет, это невозможно. К тому же мачеха – не единственный человек, которому ты причиняла боль. Вот возьмем, например, Олив Меннинг. Ты издевалась над ней два последних года.

- Эй, не я это начала! Она называла меня русской побирешкой! Она ненавидит детей мигрантов.

- Верно, однако кто сказал, что чужое зло дает тебе право творить свое собственное? Но что насчет твоего отца?

- Я любила его! – воскликнула я и вскочила, не справившись с желанием вцепиться ему в волосы за одну попытку усомниться в том, что я причинила боль отцу.

Только пусть попробует сказать, что я была плохой дочерью! Я любила его, я его обожала! До тринадцати лет я была счастливым ребенком. Мы ходили в походы! Вместе строили домик на дереве. Взяли собаку. Ездили к океану, в Гранд Каньон. Мечтали однажды полететь в Россию и увидеть страну, где я родилась. Мы были счастливы, и я была хорошим ребенком.

- Ты хотела, чтобы отец принадлежал только тебе, помнишь? Не давала ему заводить отношения. Скольких девушек он бросил, боясь навредить тебе? Сколько раз ты рушила его отношения? Это любовь, Аида? Такая любовь ранит сильнее ненависти.

Украдкой (хотя как спрятаться от того, кто сидит на расстоянии метра и смотрит в упор?) я вытерла глаза.

- Ладно, скажите сразу, сколько в вашем списке имен, и в чем я перед ними виновата.

- С тебя, думаю, достаточно. Я лишь наглядно продемонстрировал, что ты НЕ хороший человек. Однако всего этого недостаточно для аида. И, поскольку твои хорошие поступки не перевешивают плохие – честно, я даже потерял этот крошечный листочек с твоими добрыми делами – то ты остаешься здесь.

- В смысле? – не поняла я. – В поезде?

Может, так становятся проводницами? И теперь я буду катать тележку с невкусным печеньем, равнодушно взирая на новопреставившихся бедолаг?

Самаэль закатил глаза.

- Здесь, в этом мире. Не в поезде, глупая ты девочка. Несколько десятков лет ты проведешь в нашем мире. Будешь прилежно работать, учиться, изучать нашу историю, и по итогам работы либо отправишься на перерождение, чтобы попытаться еще раз, либо в аид – если и работа здесь тебя не изменит. По-моему, это достаточно справедливо.

Не знаю, насколько справедливо, но совершенно точно безумно. Я устало потерла глаза и подумала, что если уж умерла – то почему чувствую адскую усталость?

- И какую работу я буду выполнять?

- Пока не знаю. Посмотрим, на что ты годишься.

- А у меня будут магические силы?

- Нет, ты что, в «Гарри Поттере»?

- А драконы?

- Нет.

- А орки и эльфы?

- Нет.

- Академия магии?

- Нет.

- Истинные пары или родственные души?

- Все еще нет.

-оборотни? Вампиры?

Кажется, сегодня впервые в истории произойдет смерть после смерти, опровергая все мыслимые и немыслимые законы мироздания. Самаэль просто выкинет меня из поезда.

- И что в вашем мире интересного?

- То, что он – твой последний шанс спасти себя. Потому что в аиде тебе не понравится. У нас нет волшебных палочек, мантий, драконов, магических турниров и заносчивых блондинов с магической родословной. Зато есть Министерство Мертвых, которое отныне для тебя – дом и работа, награда и наказание. В первой половине дня будешь посещать занятия в колледже. Там тебя обучат всему, что понадобится дальше, помогут изучить новый мир. После обеда – работа в министерстве. Понятия не имею, какая. Может, будешь

помогать стражам, может, проводникам, или вообще к Харону прикрепят. Хотя он не любит ездить в компании. Как бы то ни было, чем усерднее ты будешь учиться, чем лучше работать и чем быстрее меняться, тем скорее отправишься на Землю вновь. Это для тебя лучший вариант, Аида. Вопросы есть?

Вопросов было много.

- Где я буду жить?

- Тебе предоставят комнату.

- Что я буду есть? У меня будет зарплата?

- Мертвым не нужна еда.

- Это очень грустно.

- Да, поэтому у нас есть возможности ей насладиться. Но на них придется заработать.

- Как я пойму, что отработка закончилась?

- Тебе сообщат.

- Я могу увидеть отца?

Самаэль поперхнулся воздухом, что было странно, если вдуматься. Наверняка многие души спрашивали о своих близких.

- Нет, - отрезал он.

- Почему?

- Потому что это против правил. И я понятия не имею, где твой отец и можно ли его разыскать. Наш мир огромен. К тому же есть вероятность, что он был лучше тебя, и сейчас продолжает свою миссию по спасению немагических миров. Я бы сказал, эта вероятность довольно высока, потому что очень небольшой процент душ попадает ко мне.

- А посмотреть это где-то можно? Чтобы я точно знала, что с ним все нормально.

Самаэль посмотрел на меня... как-то иначе. До этого он бросал в основном раздраженные взгляды, а сейчас к раздражению примешивалось сочувствие.

- Нельзя нигде посмотреть, Аида. Вы не родственники, уже нет. Вы – две души, бесконечно друг от друга далекие. Пока что твоя память о Земле еще свежа, но постепенно она будет блекнуть. Появится круг общения в новом мире, может, друзья. Затем ты вернешься на Землю, и начнешь новую жизнь. Не стоит цепляться за прошлую.

Я отвернулась к окну, чтобы не показывать слабость. Этому нечеловечески холодному мужчине, очевидно, сложно понять, что такое любить кого-то. Он легко проанализировал всю мою жизнь, сведя ее к набору плюсов и минусов, как будто мы в соцсети, а ее пользователи ставят мне лайки.

Спустя бесконечно долгие минуты Самаэль спросил:

- Он был хорошим человеком? Твой отец?

- Для меня да.

- Я спрашиваю не об этом...

- Я не знаю! – Я сорвалась почти на крик. – Понятия не имею, хранил ли он природу, спасал ли котят и чужие души. Не знаю, делал ли добрые дела и все такое. Он был мне папой. Водил меня в парк, кормить уток. Покупал мороженое. Читал на ночь сказки. Выгонял монстров из-под кровати и обещал, что купит лучшее платье для выпускного. Этого, как видишь, оказалось недостаточно, чтобы вырастить хорошего человека, так что я понятия не имею, зачли ли ему усилия.

Поезд резко остановился, и я понялась.

- Куда ты? – спросил Самаэль.

- Мы же приехали, так? Это наша станция?

Со вздохом он поднялся и, выходя из вагона, я услышала тихое, но отчетливое:

- Просто не будет. Это точно.

Новый мир (я до сих пор не была уверена, что не сплю) встретил прохладой раннего утра. Я вышла на перрон, огляделась, посмотрела на сизые облака, через которые робко пробивались солнечные лучи. А потом, повернув голову в другую сторону, я увидела вокзал.

1.4

Огромный, с роскошными витражами и остроконечными башнями. Свитыми из каменных веток, усыпанных шипами. Великолепный образец... даже не готической архитектуры, а какой-то... неземной.

- Как будто нейросеть попросили нарисовать фэнтези-вокзал, - пробормотала я.

Вход загоразивали горгульи, высотой в два человеческих роста. Великолепная картина на фоне утренних туч и робких лучей солнца.

А вот пронесшиеся над вокзалом, полные неуместного позитива, вопли немного испортили атмосферу таинственности и первые впечатления от магического мира.

- Магистр! Магистр Сонг!

Источником вопля оказался рыжий паренек, стоявший возле одной из горгулий. Он напоминал маленького шебутного щенка. Дружелюбного и эмоционального: когда парень махал, то трясся сразу весь, от потертых джинс до задорных рыжих кудрей. Сначала он мне понравился, но Самаэль уничтожил все дружелюбие на корню, когда мы подошли ближе.

- Аида, это Харриет, твой друг.

- А? – не нашла никакой более подходящей реакции.

Харриет с радостью пояснил:

- Когда новая душа попадает в министерство, ей назначают друга. Чтобы он помог адаптироваться, узнать мир получше.

В ответ на это я предпочла промолчать. Хотя очень хотелось спросить, почему у «друга» женское имя. Я думала, так называли девочек в Британии, а не парней в загробном мире. На вид ему было лет восемнадцать, не больше.

- А как вы стареете? Если я проведу здесь несколько десятков лет, то постарею же, да?

- Нет, ты останешься такой, как сейчас. Но, хочется верить, более умной.

Мы вплотную приблизились к горгульям и те, пока я искала вход в здание, вдруг расступились. Медленно и неохотно, словно провели без движения долгие сотни лет, горгульи сложили крылья, подняв в воздух клубы пыли – и открыли небольшой проем в стене, в котором виднелся самый прекрасный зал из всех, что я видела.

- А... - начал было Харриет.

- Лучше молчи, - посоветовал Самаэль. – Просто поверь.

Но я уже полностью отдалась во власть впечатлений от зала.

Ни страшные руки, тянущиеся из тумана, ни поезд на пустынной платформе, ни рассказ Самаэля не заставили меня поверить в то, что я действительно умерла и действительно нахожусь в мире мертвых.

А этот зал – да.

Весь его потолок был огромным куполом-витражем, сквозь который на мраморный пол лился разноцветный свет. Я рассматривала

картину, запрокинув голову, пока не затекла шея.

- Что это? – спросила я у спутников. – Что там изображено?

- Вельзевул коронуется наследника, - ответил Самаэль.

- Кто такой Вельзевул? Звучит знакомо.

- Вероятно, в ваших мифах и легендах много имен и историй нашего мира. Души рождаются на Земле с чистой памятью, но порой отголоски воспоминаний находят свое воплощение в искусстве. Видишь ли, в нашем мире живут не только души, которым требуется прийти в себя и переосмыслить свое существование, но и... м-м-м... еще одна раса. [Иные] – так их называют смертные. Те, кто по той или иной причине не может перевоплощаться и жить в немагических мирах. Посмотри на витражи в окнах.

Каждый изображал какую-то сцену, как я поняла, то ли из местных легенд, то ли из истории.

- В начале времен все было иначе. Души не осознавали своего предназначения хранителей, перерождались хаотично и едва не уничтожили несколько прекраснейших немагических миров. А иные были изгоями. Те, кто обладал способностью перевоплощаться и проживать жизни в других мирах, свысока смотрели на лишенных этого дара. И зачастую обходились с ними несправедливо. Это продолжалось до тех пор, пока не пришел Вельзевул, великий иной. Он открыл в подобных себе великий дар – видеть истинную сущность души, иметь над ней власть. Он создал Элизиум и Аид, он открыл душам их истинное предназначение. Он – наш страж, повелитель и творец законов.

Первые пять витражей, очевидно, изображали приход Вельзевула к власти и создание Аида и Элизиума.

- Черные, неспособные измениться, души отравляли собой само мироздание, - задумчиво продолжил Самаэль. – Вскоре их стало так много, что они вырвались на свободу, и едва не уничтожили все вокруг. Тогда Вельзевул спустился вниз, чтобы лично запечатать врата Аида. Он стал их бессмертным стражем. И назначил наместника, исполняющего его волю здесь. Сейчас Вельзевул правит миром, находясь у самих врат ада.

- Вот это значит удаленка, а не то, что они там пытались изображать, - хмыкнула я, вспомнив свои самые странные экзамены в жизни.

- Но однажды ему придется уступить свое место повелителя. Назначить наследника, не регента, а нового повелителя. Поэтому на витражах нас окружает то, что уже свершилось, а над нами – то, что грядет. Коронация.

- Только вот у повелителя три наследника, - хмыкнул Харриет. – И мы еще не знаем, кого он выберет.

- На протяжении всей нашей истории Вельзевул выбирал себе воспитанников, но до сих пор так и не передал никому власть, так что я бы не обольщался. Все, идем дальше, надо найти тебе комнату.

Город напоминал скорее гигантский лабиринт. Все улицы, переулки, тупики и дворы были частью одного огромного здания, вокзал в котором был лишь крошечной частью. Парки обступали высокие стены, в основаниях мостов сияли остроконечные башни, под ногами от чистоты сверкала с виду почти новенькая брусчатка.

- Что-то напоминает... - пробормотала я.

- Оксфорд, - кивнул Самаэль. – Построен по образу и подобию Мортрума – города мертвых. Точнее, города заблудших душ. Разумеется, сходство лишь отдаленное. Мортрум – сложное магическое сооружение. Ты можешь попасть в любую точку города, не выходя из здания. Но будь в нем осторожна и старайся передвигаться по улицам. Внутренние помещения порой чудят. Лестницы исчезают, проходы закрываются... в общем, не ищи приключения на ровном месте.

- А карты вы случайно не выдаете?

- Нет, - отрезал Самаэль, и я разочарованно вздохнула.

Но даже если я все еще бредила, подсознание постаралось. Огромный готический город-замок! Такое сложно придумать, вообразить в деталях еще сложнее. Естественно, мне тут же захотелось как следует по нему погулять, залезть во все закутки и темные углы. Но я благоразумно оставила эту мысль при себе.

Похоже, я угадала со временем: по пути нам не встретилось ни одной живой души, как бы забавно это ни звучало. Самаэль молча шагал чуть впереди, за ним бодро семенил Харриет, а вот я то и дело отвлекалась, рассматривая новые локации, такие непохожие на скучный провинциальный городок, в котором выросла.

- В вашем мире только один город? Или таких городов-замков много?

- Мортрум – уникальный город. Но вообще есть и другие.

- В них тоже живут души?

- Души, иные. Кто только не живет, - туманно отозвался мужчина.

Мы, наконец, свернули в сторону одного из двухэтажных корпусов Мортрума. Довольно невзрачный, но, как и весь город, колоритный, он оказался чем-то вроде общежития. Мне понравилось внутри. Пахло, как в старой часовенке, а длинный темный коридор с рядами одинаковых дверей напоминал... даже не знаю, пожалуй, действительно старинный колледж. Не хватало только табличек с номерами аудиторий и портретов великих ученых.

- Это – твое жилище на ближайшее время. Первые годы тебе придется провести здесь. Потом сможешь подыскать что-то получше. Твоя дверь – последняя, слева. Вот что, Аида. На тебя свалилось много всего. Полагаю, ты еще не до конца мне поверила, и часть тебя думает, что это сон. Дай себе время. Побудь наедине с собой. Обдумай все произошедшее и услышанное. У тебя есть несколько дней. Но будь осторожна, мысли о смерти могут навредить тебе. Тебя могут мучить кошмары, видения – это нормально, ты пережила сильное потрясение. Если станет невыносимо, обратись к Харриету. Он знает, как помочь.

- Ага! – просиял рыжий. – Я погиб на «Титанике». Я определенно много знаю о стрессе.

- Он все тебе покажет, проведет экскурсию, - кивнул Самаэль. - Через несколько дней я жду тебя на разговор. Покажу колледж и определю фронт работ. А сейчас я должен идти. Есть вопросы?

Вопросов был миллион, но я решила, что время для них пока не пришло. Соблазн упасть в постель и закрыть глаза в надежде, что я открою их за столом в колледжской библиотеке или в собственной комнате, или даже в раздевалке катка, был огромный. Дождавшись, пока Самаэль уйдет, я повернулась к Харриету.

- Тебе что-нибудь нужно? – спросил он. – Помощь?

- Да. Мне нужно, чтобы ты от меня отстал.

- Что?

- Ну... как бы тебе объяснить... Спасибо тебе за компанию и готовность помочь, я это ценю. Но я не люблю, когда мне навязывают друзей и заставляют с кем-то общаться. Мне не нужна нянька и уж тем более не нужен психолог. Если я заблужусь – спрошу у кого-нибудь на

улице, но вообще в следующий раз просто нарисуйте карту. Все, приятель, спасибо и удачи!

С этими словами я похлопала его по плечу, открыла дверь новой комнаты и застыла на пороге.

- Точно не нужна моя помощь? – фыркнул Харриет.

- Да твою ж... мертвую задницу, - уклончиво ответила я.

Небольшая комнатуха с крохотным окном в потолке могла бы сойти за жилье на первое место (живя с мачехой я бы согласилась и на такую, лишь бы съехать), если бы не была завалена хламом. Какие-то коробки, мешки, одежда, книги, старое пугало – вещей было столько, что я даже не сразу заметила шкаф, письменный стол и кровать.

- Это что за помойка?!

- Видимо, прошлый хозяин...

- Был мусорщиком?! Кстати, что с ним случилось?

- Отправился дальше. Точно не знаю, куда, нам не говорят.

- Уверен? По-моему, он все еще может быть где-то тут, просто под завалами не видно!

Харриет фыркнул и прислонился к косяку. Я кое-как, переступая через стопки газет и тюки, набитые тряпками, прошла на середину комнаты, чтобы оценить масштабы катастрофы, и поняла: катастрофа – слишком мягкое описание того, во что превратили комнату.

- А что, убираться перед прибытием новых жильцов не принято?

- Порой на это не остается времени. Ты не знаешь, сколько времени должен провести здесь. В любой момент твой страж может сообщить, что пора двигаться дальше. Никто не дает время собирать коробки. Так нужно, чтобы мы искренне старались стать лучше. Ну и не привязывались друг к другу. Когда знаешь, что в любой момент можешь уйти без прощания, стараешься не привязываться.

- Получается?

- Увы. Но Самаэль старается и в колледже этому посвящен цикл лекций. Всем новеньким именно поэтому назначают друзей. Нас обучают правильно вводить новичков в курс дела и при этом не сближаться слишком сильно. Так что, помочь? Нужно разобрать здесь все, рассортировать по коробкам, решить, что стоит уничтожить, а что еще послужит. Можешь и себе оставить, если хочешь.

Я хмыкнула. Перспектива целый день (или что тут у них) разгребать чужой хлам не вдохновляла. Но и жить на мусорке, выкопав

норку для сна, я не привыкла.

- Есть идея получше.

С этими словами я начала методично выбрасывать хлам в коридор. Сначала все, что валялось сверху, затем коробки и мешки. Связки с книгами шли последними, и парочку я все же оставила себе.

Постепенно комната приобретала более-менее опрятный вид. Старая, но добротная, мебель оказалась покрыта слоем пыли. Полки местами покосились, а каменные стены замка с самой постройки не видели ремонта. Но на первое время сойдет. Сейчас немного отдохну, а потом все вымою.

- Надо же, я думала, после смерти будет что-то крутое, - бормотала я, выкатывая старый ковер. – Яркий свет или небесные врата. А не расхламление и уборка. Почему посмертие напоминает обычные выходные с мачехой?

Все это время Харриет суетился, бегая вокруг и причитая:

- Аида, так нельзя! Аида, что ты делаешь?! Это против правил!

- Вот что, названный друг, - запыхавшись, я села на освобожденную из плена мусора кровать. – Я не просила приводить меня сюда. И не собиралась умирать в девятнадцать. То, что меня, не спрашивая, поселили в эту комнату не значит, что я буду прибираться за кем-то бардак. Вот вам лайфхак: чтобы следующий жилец не мучился, неделю сортируя мусор, не превращай комнату в помойку!

- Но что мне делать со всем этим?! – Он растерянно обвел руками гору в коридоре.

- Это твой хлам?

- Нет.

- Тебе поручали его разобрать?

- Нет, но...

- Ты обязан следить за тем, как я чищу зубки и укладываюсь в кроватку?

- Нет!

- Тогда какие вопросы? Ты, как настоящий джентльмен, попрощался со мной и ушел. Что было дальше, не знаешь.

- Аида, это неправильно...

- Неправильно – после того, как я недавно умерла, зная, что у меня болит голова, тошнит и пошатывает, отправлять меня два дня сортировать чужие вещи. Можно было хотя бы дать выспаться и все

осмыслить! Слушай, я совершенно серьезно, мне очень плохо. Можно я лягу и пару часиков вздремну?

Возмущенный донельзя, парень развернулся и унесся, как безумный рыжий вихрь, оставив меня у двери в новое жилище.

- Зуб даю, жаловаться побежал, - хмыкнула я.

Но даже не испугалась. К этому моменту единственным желанием было закрыть глаза и провалиться в сон в надежде, что когда проснусь, мир снова станет нормальным.

2.1

Тут я должна была сказать, что мне приснился страшный сон, из которого я узнала, что пробудилось древнее зло. Мне бы никто не поверил, а древнее зло дочистило зубы, принарядилось и явилось в новый мир, причинять зло и ненависть.

Но, увы, я спала крепко и без сновидений. Подложив под голову свернутые джинсы и свернувшись клубочком, потому что без одеяла оказалось прохладно. Но все же это был самый крепкий сон в жизни.

Точнее, в смерти.

Проснувшись, я поняла, что за окном уже стемнело. Сколько же я проспала?

Хотелось есть. Еще один минус в логику существования посмертия. Зачем душе еда? Неужели нельзя придумать магический мир, в котором девушкам не нужно убираться, готовить и умирать каждый месяц с грелкой в постели?

Я не имела ни малейшего понятия, где искать еду. Наверное, с этим мог помочь Харриет, но с утра я достаточно однозначно выразила нежелание дружить по приказу. И рыжий паренек куда-то пропал. Хотя то, что мне еще не прилетело за своеобразные методы уборки – отличный признак того, что из Харриета еще можно сделать человека.

Сидеть в комнате до скончания веков, пока кто-нибудь не вспомнит о новенькой мертвой девочке, не улыбалось, и я оделась, кое-как пригладила растрепавшиеся волосы пятерней и выскользнула из спальни.

Хлам все еще валялся перед дверью, но мне удалось бесшумно его обойти, и уже через несколько секунд я оказалась на улице. В лицо ударил холодный, пронизывающий насквозь, ветер. Я сделала несколько глубоких вдохов, наслаждаясь принесшим бодрость

воздухом. Посмотрела на небо, ожидая увидеть звезды, но вместо подмигивающих белесых огоньков наткнулась взглядом на совершенную тьму.

- Конечно, в мире мертвых нет звезд. – Я негромко вздохнула.

В отличие от утра, к вечеру народ выполз из норок и неспешно прогуливался по улицам. Всюду тусовались компашки самых разных возрастов, то и дело мимо проносились какие-то очень деловые мужчины и женщины в темно-красных форменных костюмах. Я вышла к самой оживленной улице, оказавшейся набережной, и ахнула: в темной воде безмятежной реки отражались звезды, которых не существовало.

Приглядевшись, я поняла, что это вовсе не звезды, а крошечные огоньки, неспешно плывущие по течению. Зрелище настолько меня заорожило, что в жажде рассмотреть огоньки как можно ближе, я едва не свалилась в воду, и лишь какой-то парень в последний момент схватил меня за шиворот.

- Эй, ты дурная?! Смерть надоела?!

- Что, прости?

Я даже засмотрелась, правда. Парень оказался дуже хорош. Высокий, с черными, как смоль, волосами, небрежно зачесанными назад. Пожалуй, черты его лица можно было назвать правильными: прямой нос, тонкие губы, четко очерченные скулы и подбородок. А еще он был круто одет. Правда круто, так... по-фэнтезийному: во все черное, включая длинное пальто, неброско, но очень дорого, даже невооруженным взглядом понятно. На груди поблескивал большой круглый амулет – единственная яркая черта в его облике.

- Ты новенькая? – Я поняла, что беззастенчиво пялюсь.

- Да. С утра преставилась.

Тонких губ коснулась едва заметная усмешка.

- Это Стикс, - сказал он, опершись на перила. – А те огоньки – души, плывущие по жизненному пути. Когда огонек гаснет, душа переходит в наш мир.

- Красиво.

- Да, наверное.

- А ты когда умер?

Я сначала ляпнула, а потом спохватилась:

- Прости, это, наверное, бестактный вопрос.

- Немного. Но не в моем случае. Я никогда не жил в мире смертных и никогда не умирал. Я родился здесь.

- Такое возможно?

- Конечно. Далеко не все отправляются в немагический мир. Некоторые лишены этой привилегии. Или проклятия... что скажешь?

- Для меня скорее проклятия. В два года я потеряла мать, в шестнадцать – отца. Жила с мачехой, которую ненавидела, а потом умерла и даже не знаю, как. Непохоже на привилегию.

- Может, в следующий раз повезет.

- Раз ты местный, то хорошо ориентируешься и много знаешь, да? – спросила я.

Он словно понял, что у меня на уме, но не стал отрицать.

- Мне нет равных. Я знаю об этом мире все. И за определенную плату расскажу тебе.

Рассмеявшись, я покачала головой. Разумеется. Миры вроде как разные, а законы в них одни.

- Мне нечем тебе платить. Я же новенькая, помнишь?

- Но выпить-то ты со мной сможешь? Здесь неподалеку есть неплохой бар. Разрешишь тебя угостить – я разрешу воспользоваться моими знаниями.

- А вот такая сделка мне уже нравится.

2.2

Парень протянул руку.

- Дэваль Грейв.

- Аида Даркблум.

- Будем знакомы, Аида...

При звуках моего имени его глаза странно блеснули. А может, это лишь вспыхнуло и погасло отражение чьей-то души.

Дэваль не соврал, и бар действительно оказался недалеко, вход в него прятался в небольшом тупике города-замка. Я не впервые оказалась в подобном заведении (и это наверняка добавило моей душе отрицательных баллов), но впервые очутилась в настолько необычном баре.

Изнутри он напоминал не то склеп, не то мрачный костел. Высоченные потолки, несколько уровней каменных лестниц, ниш и

выступов, на которых стояли столики и диваны. Узкие остrokонечные окна и все те же витражи, правда, на этот раз с абстракциями.

Вдоль стен мерцали яркие малиновые огни, чем-то напоминающие неон, только парящие в воздухе.

Гремела ритмичная инструментальная музыка. Вокруг сновали девушки с подносами и посетители. Некоторые из них были одеты так, словно явились на готическую костюмированную вечеринку, а некоторые совсем как я: в джинсах, футболках и кедах. За частью столов я увидела молодых ребят в уже знакомой красной форме. Дэваль проследил за моим взглядом и пояснил:

- Это любимый бар сотрудников министерства. После работы часто заходят сюда расслабиться.

- И это люди запрещают мне ковыряться в носу, - фыркнула я. – Разве пить после работы – это то, что делает душу хорошей?

- Оставь эти пафосные бредни, - фыркнул парень. – Что будешь пить?

- Кьянти. Есть у вас такое? И к нему что-нибудь мясное.

- Все, что пожелаешь. Идем за столик.

Я собиралась было занять любой свободный стол, но Дэваль неожиданно взял меня за руку и повел к одной из ниш в стене, где сидел еще один парень. В чем-то они даже показались мне похожи, разве что второй выглядел младше и растрепаннее – иссиня черные волосы длиной до плеч были растрепаны, словно он только что зашел в бар, побывав в урагане.

- Это Дарий, - сказал Дэваль. – Мой брат. Дар, это Аида. Возьми нам выпить. Аида хочет кьянти и закуску. Мне как обычно.

Я даже растерялась от приказного тона, холодной ленцы в голосе Дэваля и – сильнее всего – от того, что Дарий беспрекословно поднялся и направился в сторону бара без единого возражения, лишь коротко и равнодушно мне кивнув.

- Итак, что ты хочешь знать? – спросил Дэваль.

- Все. Что это за место, почему вообще существуют два мира, что за Элизиум и Аид, кто такой Вельзевул, кто вообще решает, чья душа хорошая, а чья нет, что я тут буду делать, почему я по-прежнему хочу есть и спать, я же мертвая? И...

Я осеклась, вдруг поймав себя на мысли, что могу снова попытаться...

- И как мне найти другую душу?

Именно этот вопрос зацепил парня. Он смерил меня задумчивым взглядом и откинулся на спинку дивана.

- Душу? Ты хочешь найти здесь кого-то, кто уже умер?

- Да. Или узнать, что с ним стало. Если... ну, если он уже отправился дальше.

- И что это за душа?

- Мой отец.

Дэваль, как мне показалось, посмотрел с уважением. А может, в темноте бара я приняла желаемое за действительное. Мне очень хотелось найти отца, и я цеплялась за любой намек от мироздания на то, что это возможно.

- Я покажу тебе кое-какое место, где можно раздобыть информацию, - наконец произнес парень. – После ужина.

- Спасибо.

Дарий вернулся с подносом, на котором стояли две тарелки с мясными закусками и два бокала с совершенно прозрачной жидкостью. Похоже, в этом мире не водится кьянти, но если это водка, то я пас.

Однако, чуть пригубив напиток, я почувствовала знакомый вкус сухого, чуть кисловатого, красного вина. Должно быть, у меня на лице отразилась вся гамма эмоций, потому что Дэваль рассмеялся.

- Это чистая эссенция желаемого. Принимает тот вкус, какой захочешь. Может быть кофе или вином, а может – честолюбием, страстью или яростью. Только ты решаешь, что сегодня у тебя в бокале.

- А ты что выбрал? – спросила я, замороженная его взглядом.

- Когда-нибудь я тебе расскажу, - совершенно серьезно ответил Дэваль.

- Ой да хватит, - подал голос Дарий, о котором я успела забыть. – Вы же не персонажи книги про шпионов, просто идите уже в постель.

Пока я придумывала, как бы так едко ответить, Дэваль лишь небрежно махнул рукой – и брат заткнулся. Это избавило от необходимости придумывать остроу. От напитка в голове появилась приятная легкость, а близость информации об отце пьянила сильнее любого вина.

- Так что это за мир? Я до сих пор не могу поверить в то, что мертва.

- И не надо, - отмахнулся Дэваль. – Дай угадаю: тебе рассказали про высшее предназначение, про людей, хранителей Земли и все такое. Самаэль всем впаривает это ерунду.

- Ты знаешь Самаэля?

- Его знают все. Не слушай его. Наш мир совсем не такой, каким его представляют новичкам. И все эти пафосные речи о сохранении не магического мира - лишь способ управлять тупыми массами. Будь выше этого.

- Тогда какой ваш мир?

Мясо таяло во рту, таинственный коктейль дарил приятную легкость, и если это все же был сон, то с момента знакомства с Дэвалем он стал определенно неплох.

- Паршивый в основном, - фыркнул он.

Сделал большой глоток коктейля, посмотрел на танцующую толпу в центре зала, и продолжил:

- Ладно, давай начнем сначала. Давным-давно в этом мире, полном магии, зародилась жизнь. Мир был прекрасен и чист. И первое время мы жили, не зная ни в чем нужды. Наслаждались благами, доставшимися по праву рождения, природой, источниками силы, красотами и умиротворением. Ну и, разумеется, в таких условиях успешно размножались. И нас стало много. Так много, что от прежнего рая не осталось и следа. Большая часть мира превратилась в каменные джунгли типа этого города-замка. Часть мира, выжженная дотла, провалилась вниз, в подземелья, став Аидом. Уцелел лишь один кусочек первозданной красоты, названный Элизиумом. Лишь в последний момент мы сообразили, что творим со своим миром и остановили уничтожение.

- И отправились на Землю, поклявшись не повторить ошибок?

- Не перебивай. Не совсем. Наши маги действительно обнаружили рядом еще один пригодный для проживания, а главное совсем пустой мир. Землю. Мы тут же попытались его заселить, но оказалось, что в новом мире действуют совсем другие законы. В нем нет магии, источников, а еще нет бессмертия. Лишенный подпитки родного мира, человек старел и умирал, а при переходе терял память об истоках. Мы тяжело осваивали Землю. Ценой проб и ошибок строили общества,

государства, вместе меняли мир там, а здесь искали способы быть не паразитами, а хозяевами обоих миров. Но, увы, без притока магии на Землю невозможно жить так, как мы привыкли. А приток магии ее убивает. И тогда власть захватил Вельзевул.

- Я видела витражи на станции. И Самаэль рассказывал ваши легенды.

- Да, часть из нас не обладает способностью перерождаться на Земле. А значит, погибнет этот мир – с ним погибнут иные. Душам было плевать, они искали способ навсегда остаться на Земле, ведь она своей красотой воплощала все то, чего мы лишились. Но Вельзевула не устраивало такое положение дел, и он захватил власть.

Я прикусила язык, чтобы не съязвить. Но черт возьми! Эти люди берутся судить, как я прожила жизнь и кому навредила, а сами ничем не отличаются от собратьев с Земли. Только войны не палками и пушками, а магические.

- С прихода к власти Вельзевула хаосу пришел конец. Первое, что он сделал: заточил самые темные души в Аид, не дав им и дальше уничтожать миры. Затем закрыл Элизиум, ставший последним пристанищем хороших душ. Остальные отправились на Землю, и отбор продолжился уже там. Лучшие попадают в Элизиум, худшие – в Аид, среднячки отправляются обратно или работают здесь, чтобы обеспечить работу этой огромной магической машины. По замыслу Вельзевула, снова и снова отсеивая темные души, мы сохраним оба мира и в конечном счете будем жить припеваючи.

- Ты, похоже, не очень-то в это веришь? – спросила я.

- А ты?

- Ну... мы определенно в начале пути. Но почему бы и нет? Вдруг сработает.

- Те, кто пошел за Вельзевулом, так и думали. Но вот мы здесь, и вместо двух райских миров бежим в колесе, кое-как сохраняя баланс. А Вельзевул выбирает наследника. Невольно закрадываются определенные мысли. Может, сказка про Элизиум – лишь способ удержать власть иных?

Дэваль вдруг неожиданно поднялся, так и не допив коктейль. Следом поспешно вскочил его брат.

- Идешь? – спросил меня парень.

- Куда?

- В место, откуда ты сможешь начать поиски.

2.3

- Я поняла, но что это за место? Какой-то архив? Это законно?

- Нетерпелива, как и все недавно вернувшиеся, - нарочито театрально зевнул Дэваль. – Скоро увидишь. Тебе понравится.

Мы вышли из бара и двинулись вдоль набережной, куда-то в сторону вокзала. А может, мне только казалось, что мы идем туда. Им действительно не помешает карта. Всю дорогу Дарий угрюмо молчал, а вот Дэваль щедро делился знаниями.

- Министерство мертвых занимается распределением душ. Кто-то отправляется на Землю, кто-то – возвращается с нее и ждет решения о дальнейшей судьбе. Есть судьи, они как раз и оценивают, достойна ты Элизиума или еще нет. Есть стражи, они следят, чтобы сосланные в Аид души отправлялись по назначению и не вырывались на свободу. Есть магистры – они преподают в колледже и обучают эту толпу.

- И все? Весь мир – огромное министерство?

- Нет, разумеется. Ты забыла, что среди нас много иных? И они не собираются отдавать свой кусочек Элизиума.

- Хорошо, а деньги? Мы не расплатились в баре. Только не говори, что у вас все общее и справедливо поделенное. Судя по тому, что я видела на Земле, нам просто нужны внешние стимулы, чтобы вести себя прилично.

Я не стала упоминать, что уж кому-кому, а мне они нужны в тройном размере.

- Денег у нас действительно нет, - согласился Дэваль. – Но мы нашли способ лучше. Ты имеешь право на привилегии только если работаешь. Работаешь – можешь позволить себе жилье получше, заходить после работы в бар или посещать театр. Работаешь плохо – лишаешься части привилегий. Вот и все.

- Звучит жутко, - скривилась я. – Так поэтому мне досталась каморка по соседству с многодетной семьей тараканов? Потому что я еще нигде не работаю?

- Ага.

- А ты где работаешь?

Дэваль усмехнулся.

- А кто сказал, что я работаю?

- М-м-м... дай подумать. – Я сделала вид, будто напряженно размышляю. – Ты угостил меня в баре, неплохо одет и причесан. Непохоже, чтобы ты жил под мостом.

- У меня богатая семья.

- Сам сказал, у вас не существует денег.

Он посмотрел очень серьезно, я даже немного смутилась.

- Деньги – это не богатство, Аида.

А затем умолк, дав понять, что развивать эту тему нет смысла – все равно ответов не получу.

- Значит, судьи решают, кто хороший, а кто нет? А если они ошибаются?

- Они не ошибаются, - улыбнулся Дэваль. – Поверь.

Вскоре мы свернули с набережной куда-то вглубь, на узкие темные улицы, освещенные лишь тусклыми фонарями. Здесь было куда меньше прогуливающихся, и я ощутила себя не в своей тарелке. Одна, с двумя мрачного вида парнями.

- А умереть здесь можно? Удариться головой, например или подхватить смертельную болячку? Или раз уже умер – живи спокойно, бейся на здоровье?

- Вообще мы бессмертны. От удара головой ты не умрешь, но будешь чувствовать боль. Мало приятного. Убить нас тоже сложнее, однако... способы есть. Тебе не стоит лезть в эти дебри. Так ты быстрее в Элизиуме не окажешься.

Улочки неожиданно для меня превратились в огромный крытый павильон, полный зелени и аттракционов. Зрелище одновременно красивое и пугающее: среди пышных деревьев виднелись колесо обозрения, какие-то качели, карусели, скульптуры и ларьки.

Когда-то парк наверняка был прекрасен. Я могла представить залитые сиянием аттракционы, детский смех, запах попкорна и сладкой ваты. Сердце забилось быстрее: вспомнилось, как папа водил меня в лунапарк. Жаль, что здешний оказался заброшен. Природа отвоевала свое, обвила плющом ржавое железо, отеснила деревьями проходы к каруселям. Превратила роскошный парк в наглядную иллюстрацию того, что ждет Землю, если ее хранители продолжат в том же духе.

- Что здесь случилось? – спросила я. – Почему парк забросили?

- Никто не знает, - ответил Дэваль. – Когда-то это место любили. А потом он как-то сам собой превратился вот в это. Периодически кто-то пытается возродить его, но пока безуспешно. Мне здесь нравится. Успокаивает.

Я украдкой покосилась на его брата, молча следовавшего за нами, но Дарий выглядел абсолютно равнодушным.

- И зачем мы здесь? Я думала, ты покажешь мне место, где можно поискать информацию об отце.

- Покажу, - кивнул Дэваль. – Не бойся. В архиве ты ничего не найдешь, Самаэль же не дурак. А ты не единственная душа, которая скучает по родным. Идем.

Он вновь схватил меня за руку и потащил куда-то вглубь парка, подальше от приглушенного шума центральных улиц, мимо карусели с порванными цепями, что раньше давали ни с чем не сравнимое чувство полета. Грустное зрелище разбитых детских надежд.

- Постой, а как же дети? Я правильно все поняла: душа отправляется на Землю и там рождается ребенок. Затем он вырастет и становится либо хорошим человеком, либо плохим. Старее, умирает – ну, или его переезжает автобус – и вот он здесь. А если умирает ребенком? У вас нет детей здесь?

- Думаю, тебе лучше спросить у Самаэля, - холодно откликнулся Дарий. – Объяснять такие вещи – его работа, в конце концов.

Я даже вздрогнула, не ожидая, что молчаливый послушный брат Дэваля вдруг подаст голос.

Через весь парк, петляя между аттракционами, пролегла старая железная дорога для вагончиков. Должно быть, это было что-то вроде обзорной экскурсии по парку: ты садился в яркую кабину, и она неспешно возила тебя по всему празднику жизни, соблазняя заглянуть в каждый его уголок.

Сейчас дорога заросла травой, хотя с виду пострадала не так сильно, как некоторые карусели.

Вскоре обнаружился и паровозик. Побитые временем кабинки еще стояли на рельсах, но уже вряд ли были способны куда-то ехать. Казалось, словно после очередного рейса пассажиры вышли, а паровозик так и остался в конечном пункте навсегда.

Рельсы вели дальше, куда-то в темные недра шатра с выцветшей надписью «Лабиринт настоящего ужаса» - еще одним любимым

многими аттракционом.

Не мной.

В детстве я умоляла папу дождаться первого вагончика. Мы могли отстоять две или три очереди, только чтобы быть первыми и занять то самое место, где не мешали чужие головы. Где ощущение сердца, уходящего в пятки, самое сильное.

Поддавшись порыву, я подошла к вагончикам и забралась в самый первый. Металл жалобно звякнул, но я вдруг почувствовала прилив сил, словно парк истосковался по благодарным посетителям.

Закрыв глаза, я положила руки на перила и дала себе волю представить, что найду здесь папу, и однажды мы придем в парк, чтобы прокатиться на всех его аттракционах. Непременно в первом вагончике.

Раздался противный скрежет. Запястья обвилось что-то холодное, сдавив слишком сильно, до боли. Я открыла глаза и увидела кандалы, выросшие словно из ниоткуда и приковавшие меня к поручням.

- Эй! Дэваль! – Я обернулась, чтобы позвать на помощь. – Что это такое?!

На его губах играла усмешка.

- Это же лабиринт страха. Жертва не должна убежать.

2.4

- Очень смешно! Выпусти меня или найди того, кто откроет эту рухлядь.

Парень подошел ближе. Хотелось верить, чтобы освободить меня, но чутье подсказывало, что скорее позлорадствовать.

- Я же тебе обещал показать место, где ты сможешь найти отца. Удачной поездки, Аида!

- Когда я освобожусь, тебе конец! – рыкнула я, безуспешно дергая руками.

- Кто сказал? – Дэваль склонился так, что я почувствовала его дыхание на шее. – Что ты освободишься? Ищи папу хорошо, Аида. У тебя всего одна попытка.

Он обладал поистине нечеловеческой силой. Казалось, ему не составило труда подтолкнуть паровозик, который весил, наверное, с тонну. Вагончики нехотя сдвинулись с места, наполнив пространство

заброшенного парка скрежетом. А затем бодро покатались к темному нутру шатра.

- Да что я тебе сделала?!

Вместо ответа Дэваль издевательски помахал рукой. Мне показалось, Дарий стыдливо отвел глаза, когда я на него посмотрела, но потом полы шатра сомкнулись за последним вагончиком, и я осталась совсем одна в пугающей тишине.

- Ну разумеется, - вздохнула я, - симпатичный парень приглашает тебя в бар только чтобы связать и поиздеваться. Ты что, не ходила в старшую школу?

Можно сказать, еще повезло: в нашей, например, неудачников поили на какой-нибудь вечеринке, раздевали до трусов и оставляли в учительской, в ожидании, когда бедолага проснется с жутким похмельем и обнаружит, что до момента позора всей жизни остались считанные минуты.

А я даже одета. Высвободиться, правда, не могу, руки намертво прикованы к поручням. И вагончик катится в какие-то непонятные места. А так все супер.

Лабиринт страха мира мертвых ничем не отличался от стареньких аттракционов мира живых. Все те же ростовые фигуры привидений, оборотней и кровожадных монстров, все те же затянутые паутиной углы. Жутко, но не столько от антуража, сколько от заброшенности.

Музыка если и была, давно утихла. Света почти не было, редкие свечи слабо мерцали вдоль стен. Вагончики неспешно катились по железной дороге с таким скрежетом, что я не сомневалась: скоро кто-нибудь услышит, придет проверить, вытащит меня и как следует втащит Дэвалю, будь он проклят.

Может, мы встречались в земной жизни, и я испортила ему жизнь?

Нет, вряд ли, он вроде как иной.

Может, он просто ненавидит всех, кто способен на перерождение, и гадит, как умеет? Вполне вероятная версия.

Вскоре выяснилось, что умеет он все же неплохо. Сначала антураж вокруг изменился неуловимо, едва-едва. Реже стали появляться скелеты в драных плащах, щедро декорированные решетками, потеками крови и паутиной стены сменились темным камнем, напоминающим своды пещеры. В один момент вагончики

свернули с основного пути на одно из боковых ответвлений и нырнули в узкий коридор.

Теперь мы ехали ощутимо быстрее, под уклоном. Я всерьез испугалась, побелевшими пальцами вцепившись в поручень. Ничем не сдерживаемый, поезд набрал сумасшедшую скорость, а потом резко – я больно ударилась коленкой – остановился.

И сковывающие запястья кандалы исчезли, словно их и не было.

- Конечная, - пробормотала я. – Приехали.

Пахло сыростью и плесенью. Где-то вдали капала вода. Звонящая тишина казалась неестественной, пугающей и тревожной. Как будто подземный темный мир замер, почуввав чужака.

Я осторожно вылезла, пытаясь рассмотреть во тьме хоть что-то. Самым очевидным решением было бы подняться назад по путям, благо я не так долго ехала, чтобы не запомнить дорогу. Но что-то толкало вперед. Туда, во тьму неизвестности, где нечто притягательное манило и звало.

Аида – пронесся по подземелью свистящий шепот.

- Беги отсюда, дура! – мне хотелось услышать собственный голос, чтобы убедиться, что он еще существует.

Что я не стала бесплотным призраком странного мира. И все происходящее сейчас – реальность.

Сделав несколько неуверенных шагов вперед, я услышала шепот снова. Уже отчетливее, настойчивее.

- Есть здесь кто-нибудь?

Если кто и был, то предпочел не ответить.

За первым же поворотом оказалась лестница, уходящая далеко вниз. Достаточно широкая и добротная, чтобы я решилась спуститься. Вдоль массивных каменных ступеней горели тусклые свечи, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся чем-то вроде резных кристаллов. Золотое, с легким красным отливом, пламя внутри них придавало лестнице немного зловещий вид.

Странно, но животного страха, заставляющего бежать сломя голову от неизвестности и темноты, не было. Сердце стучало в груди, немного дрожали руки, но любопытство гнало вперед.

Лестница заканчивалась массивной каменной дверью, усыпанной неизвестными символами, будто нацарапанными чем-то острым. По бокам расположились две каменные горгульи, такие же, как мы видели

на вокзале. Их копыта преграждали путь к двери, но едва я приблизилась, изваяния с видимым усилием, издавая грохот, рокот и поднимая в воздух клубы пыли, расступились и опустили орудия.

- Это приглашение?

Разумеется, горгульи не могли ответить.

Постояв еще несколько секунд и не сумев уговорить себя возвращаться назад, я осторожно коснулась холодного камня.

Медленно, словно их не открывали уже много веков, двери открылись, впуская меня в огромный залитый серебристым светом зал.

Он поражающе воображение размерами и величием. Ввысь вздымались острые пики колонн, соединенных витражами. Проходя через цветные стекла свет распадался на сотни зайчиков, разукрашивая пространство в магические цвета. В дальнем конце зала, на небольшом постаменте, я заметила одинокую мужскую фигуру.

Я не почувствовала явной угрозы от него, но поняла, что невольно нарушила уединение. Потому что он обернулся и застыл.

- Здравствуйте... - осторожно произнесла я.

- Что ты здесь делаешь?! – Его голос пронесся по залу, затерялся в высоких сводах потолка.

- Я... наверное, заблудилась.

- Это место невозможно найти случайно.

- А что это за место? И... может, представитесь?

Фигура медленно поднялась, спустилась с постамента и приблизилась. Это оказался мужчина. Высокий, метра под два роста, довольно жуткий, но не внешне – я бы даже назвала его вполне симпатичным блондином. Но все в его облике, начиная от странных, залитых бесконечной тьмой, белков глаз, заканчивая излишне вычурным серым камзолом с уже знакомой – я видела похожие символы на двери – вышивкой, наводило на нехорошие мысли.

Я решила не прикидываться идиоткой.

- Вы – Вельзевул, так?

На его лице будто бы промелькнуло удивление. Достаточно сложно понять эмоции собеседника, если у него нет глаз как таковых.

- А ты – Аида Даркблум.

- Вы меня знаете?

- Я знаю обо всех душах, что предназначены нашему миру. Ты не должна здесь находиться. Это запретное место.

- А что это?

Дальняя стена, та, перед которой я и нашла повелителя мертвых, мерцала, напоминая застывший во времени водопад.

- Граница между Аидом и миром мертвых. Темный Предел. Последний рубеж, разделяющий тех, кто еще способен заслужить свою Элизиум и тех, кто обречен на вечные муки. Там, - он указал на мерцающую стену, - за завесой, самое страшное место во всей Вселенной. Однажды ступив на темную землю, ты потеряешь шанс на свободу. Станешь одной из темных душ. Кто привел тебя сюда, Аида?

Я упрямо поджала губы. Нет уж, отдавать привилегию отомстить Дэвалю я не намерена. Разберусь с паршивцем сама, без вмешательства высших сил.

Но Вельзевул ждал ответ.

- Я набрела на заброшенный парк наверху. Села в вагончик, чтобы полюбоваться, а он вдруг поехал и привез меня сюда.

- Из парка нет выхода в это место.

- Я не вру. Припарковалась прямо у лестницы, можете проверить.

- Дело не во лжи, - усмехнулся Вельзевул. – А в том, что тебе как-то нужно выбраться.

- Вы меня просто отпустите?

- А что я с тобой должен делать? Сожрать? – хмыкнул он и сразу стал казаться намного человечнее. – Ты не заслужила отправиться в Аид. Но...

Он подарил мне долгий внимательный, пронзающий насквозь, взгляд.

- Уверенно идешь этой дорогой. Может, мироздание привело тебя сюда неслучайно?

Я пожала плечами, чувствуя, как начинаю злиться. Почему каждый в этом мире считает своим долгом напомнить, какой стервой я была? Почему нельзя просто – раз уж вы дали человеку второй шанс – забыть о прошлом и смотреть на настоящее?

Хотя в настоящем я выкинула чьи-то вещи в коридор, отказалась дружить с позитивным пареньком и пила в баре с парнем, который отправил меня на ржавом поезде прямиком в ад.

- Вот именно, - сказал Вельзевул.

Я подскочила.

- Вы читаете мысли?!

- Только те, что слишком громко думают. В твоём случае – все. Ты очень громкая и заметная, Аида. Любишь привлекать к себе внимание. Напоминаешь мне моего сына.

- Он тоже здесь?

- Мои дети предпочитают жить наверху, со смертными и иными. Уверен, ты уже познакомилась с Дэвалем.

- А... Сын Вельзевула, - разочарованно протянула я. – То есть убивать его совсем нельзя, да?

- Совсем – нельзя. Немного разрешаю. Идем, без моей помощи ты не выберешься. Но я даю шанс на ошибку лишь однажды, Аида. Оказавшись перед Пределом во второй раз, ты будешь должна в него войти.

Я поежилась и поспешно кивнула. Перспектива оказаться в аду откровенно пугала. Хотя... посмотреть хоть одним глазком, как оно, там, страшно хотелось. Но я вспомнила, что Вельзевул читает громкие мысли и постаралась думать о чем-то другом.

Например о том, как убью Дэваля, когда выберусь.

- Почему ваш сын меня не влюбил? Я ведь его даже не знаю.

- Боюсь, что я тоже. Много лет назад я отделился от детей. Спустился сюда, нести службу Стража Предела. Я почти не выхожу из этого зала. И Дэваль, вероятно, обижен. Но такова судьба наследника Вельзевула.

- А Дарий? Он тоже ваш сын?

Следом за повелителем я прошла к узкой дверце в дальней стене. Несколько мгновений нас окружала крошечная тьма, а потом вдоль узкого тоннеля зажглись алые свечи.

- Младший, - кивнул Вельзевул. – Для новенькой в нашем мире ты удивительно быстро познакомилась с моими детьми.

Или они познакомились со мной. Не просто же так Дэваль ко мне подошел. А если у него такое хобби – ловить по ночам девиц и запускать их в ад, то с таким повелителем нам хана раньше, чем Земле.

Но это мысли я тоже оставила при себе. Впрочем, возможно, это только я так думала.

Невольно вспомнился дом. Что сейчас делает мачеха, интересно? Похороны уже прошли? Был ли на них кто-то из тех, кого я называла

друзьями? Вот это уж вряд ли. Может, кто-то с катка зашел попрощаться. По льду я буду скучать. Увы, моя карьера профессиональной фигуристки не сложилась. Всегда был кто-то талантливее, кто мог быстрее, выше, сильнее. Мне лишь пару раз удалось выступить на чемпионате страны, а потом умер отец, и жизнь безвозвратно изменилась. Я еще ходила на тренировки, которые мачеха исправно оплачивала, но никто уже всерьез не ставил мне программы, не следил за весом и не рассчитывал на мое участие в соревнованиях. И мне было плевать.

Запишут ли тренера, которого я разочаровала, в список моих плохих поступков?

И все же я буду скучать по катанию. По тому, как легко скользят наточенные лезвия, как тело само ведет тебя в танце, по короткому ощущению полета в прыжке. Лед - то небольшое, что оставалось со мной до конца.

Мы шли недолго, не больше десяти минут, но при этом постоянно петляя. Порой я не замечала очередной тоннель до тех пор, пока Вельзевул не указывал на него. Пришлось признать правоту повелителя: одна я бы не выбралась. Остановившись перед очередной дверью, Вельзевул сказал:

- Здесь я должен тебя покинуть. Ты не заблудишься, если не станешь сходить с лестницы. Отнесись к этой просьбе серьезно, Аида. Эта часть нашего мира довольно опасна. Второй раз я на помощь не приду.

- Как-то я по дороге сюда не заметила, - нервно улыбнулась я. – Если не считать опасными ростовые куклы монстров в лабиринте.

- Порой во тьме таится всякое... - загадочно отозвался повелитель и подпихнул меня к лестнице.

Уже когда я, кивнув в знак благодарности, поднималась на первые ступени, в спину мне донеслось:

- И в лабиринте нет ростовых фигур. И никогда не было.

Ладно, я прониклась!

Так прониклась, что даже не помню, как взлетела по довольно длинной лестнице. Массивная дверь поддалась с трудом, а потом в лицо ударил холодный ночной воздух. После непроглядной тьмы подземелий глаза не сразу привыкли к яркому свету: оказалось, я

вылезла в небольшом дворике, одном из тысяч в огромном городе-замке.

Самаэль определенно знал, о чем говорил, когда советовал передвигаться по улицам. Вот так перепутаешь дверь, и вместо бара отправишься в ад.

К слову, он-то меня и встречал. А вместе с ним суетящийся Харриет и мрачно-недовольный Дэваль. Кажется, кому-то влетело. И, кажется, влетит мне.

Но вместо того, чтобы устроить показательную порку, Самаэль тяжело вздохнул:

- Харриет, проводи Аиду домой. Завтра утром ты должна быть в колледже без опозданий. Пожалуйста, постарайся не вляпаться в очередные неприятности. Я надеюсь, ты сделала выводы из сегодняшнего инцидента.

Мне бы как послушной девочке, усвоившей урок, потупиться и сказать «Да, Самаэль», и я честно так и собиралась поступить. Но при виде Дэваля хорошая девочка куда-то исчезла и уступила место обычной.

Проходя мимо парня, я остановилась и посмотрела в наглые бесстыжие глаза. Едва заметно, чтобы не бесить Самаэля, он усмехнулся. Смотрел с вызовом, мол, ну и что ты мне сделаешь? Хотя гораздо интереснее был вопрос «Что я уже тебе сделала?».

- Это война, - улыбнулась я. – И тебе лучше в нее не ввязываться.

- Посмотрим.

Что может быть безумнее, чем вступить в противостояние с сыном Вельзевула?

Ответ – все, что случилось потом.

2.5

- Впечатляет? – Самаэль Сонг устало опустился в кресло.

Единственным источником света в кабинете был затухающий камин. Повелитель слишком много времени проводил у Предела, яркий свет причинял ему боль. А вот на Самаэля полумрак оказывал усыпляющее действие. Впрочем, лишь потому что он смертельно устал.

- Ты несправедлив к ней. Какой еще могла вырасти девочка в таких условиях?

- Доброй, скромной, вежливой и благодарной.

- Я думал, работа в министерстве выбила из тебя наивность, мой мальчик. Она не беспомощна. В нашей ситуации это не так уж и плохо. Что она сделала с его вещами?

- Выбросила в коридор, не посмотрев.

Вельзевул с удивлением хмыкнул. Кажется, ему даже понравилась реакция Аиды на хлам в ее комнате. Самаэль не всегда понимал его, да и не особо стремился.

- Дэваль может стать проблемой, - сказал повелитель.

- Дэваль уже проблема, если ты не заметил. Он не собирается мириться с ее присутствием. И начал он не с невинных шалостей. Он мог ее убить.

- Думаю, он понимал, что так просто не выйдет. Но ты прав. Пора заняться его воспитанием.

- Я так понимаю, - Самаэль усмехнулся, - ты имеешь в виду, пора мне заняться его воспитанием.

- Уверен, у тебя в арсенале множество способов.

Однажды он бросит все и уедет. Куда-нибудь, как можно дальше отсюда. Прочь от министерства, от душ и иных, от Вельзевула и Дэваля. Пусть закрыт путь на Землю, он найдет в этом мире нетронутый уголок, и наконец-то вдохнет полной грудью.

Не сегодня.

- И еще... - Вельзевул на несколько секунд замолчал, словно колебался. – Сделай для девочки каток.

- Потакая ее капризам ты рискуешь превратить Аиду в монстра.

- Она же мое дитя, - грустно улыбнулся Вельзевул. – Как я могу удержаться?

Со вздохом Самаэль поднялся. Скоро вернутся Дарий и Дэваль. Ему еще предстоит озвучить братьям, какие веселые месяцы их ожидают в наказание за издевательствами над Аидой. И что-то подсказывает, что повеселятся все. Даже как-то несправедливо: Самаэль ей ничего не сделал, а тоже будет страдать.

- Береги сестренку, сын, - напоследок сказал Вельзевул.

Самаэль лишь отмахнулся. Иногда он понимал брата в его злости на отца. Они все испытывали одинаковые чувства. Разница лишь в том, что Дэваль не научился с ними мириться.

3.1

В выходке Дэваля был один плюс: решив, что страданий с меня достаточно, Самаэль передал комплект постельного белья и слегка потасканные одеяло с подушкой. А вот хлам из коридора не убрали, так что пробираясь в темноте к своей камерке, я несколько раз наступила на что-то громкое, на что-то хрупкое и на что-то мягкое. Не удивлюсь, если где-то в этой куче обнаружится и что-то живое.

Ночь на нормальной постели, под теплым одеялом, после сразу двух (а если считать не только смерть и знакомство с Вельзевулом, но и комнату, заваленную хламом, то трех) стрессов, прошла великолепно. И хоть я так и не поняла, почему бессмертие и способность перерождаться в ином мире нам выдали, а умение обходиться без сна и еды – нет, наутро почувствовала себя почти счастливым человеком.

Пока в дверь не постучали.

- Надеюсь, это кофе и круассан, а недохлая крыса от Дэваля, - вздохнула я, сползая с постели.

На пороге мялся Харриет.

- А, это ты.

- Уже встала? Хорошо. У нас пол часа до занятий, тебе еще надо познакомиться с магистром Сонг, взять учебник, ну и вообще немного осмотреться. Вот, одевайся. Отсюда недалеко, но скоро зарядит дождь. Хочу успеть до него.

- А под крышей пройти нельзя?

Харриет пожал плечами.

- Я никогда не пробовал. В городе много закрытых дверей. В некоторые коридоры не стоит соваться.

- Да, я помню. Что это такое?

Парень настойчиво протягивал мне какой-то сверток.

- Форма. Все студенты колледжа должны носить форму, чтобы в министерстве каждый знал – это новенькие.

Внутри свертка, вопреки моим ожиданиям чего-то ужасного вроде клетчатой юбки, дурацких гольфиков и рубашки, обнаружилось вполне сносное малиновое платье-кейп по фигуре. Там, где плечи переходили в рукава с разрезами, была приколотая небольшая брошь с причудливым символом, похожим на те, что я видела внизу.

- Что он значит?

- Не знаю. Это древний язык иных.

Жаль, в комнате не было зеркала. Я поежилась: в узком платье было непривычно и неудобно.

- Какой смысл в такой форме?

- Министерство Мертвых – сердце нашего мира. В нем должен быть порядок. Тебе еще нужно собрать волосы, за распущенные магистр Сонг сделает выговор.

- Самаэль? – фыркнула я. – Ему, кажется, только повод дай.

Но взяла шпильки и принялась делать пучок, благо действие за годы выступлений в спорте было отточено до совершенства.

- Не Самаэль, - Харриет покачал головой, - а Селин. Магистр Селин Сонг. Она – директор колледжа.

- Сестра?

- Жена.

Я присвистнула. У мрачного главы министерства есть законная супруга. Любопытно взглянуть.

- То есть у вас есть семьи?

- Конечно.

- И вы ходите на свидания? Целуетесь? Занимаетесь сексом?

Парень слегка покраснел, но стоически выдержал мой допрос.

- А почему нам этого не делать?

- Ну... не знаю. Вы же бессмертные души. Вас должно волновать, как попасть в Элизиум или как не отправиться в Аид. А вы: жены, свидания, секс. А дети? У вас рождаются дети?

- Очень редко, - мне почудилась в голосе Харриета грусть. – Повелитель считает, мы наказаны за то, что сотворили со своим миром. И не достойны плодиться.

- Жестоко. Так, я готова, идем.

Мы вышли на улицу, под накрапывающий дождик. Я старалась не поскользнуться в новых балетках на брусчатке, а Харриет несся так, словно спасался от стаи голодных волков. Злобно сопя ему в спину, я мрачно думала, не связана ли его нелюбовь к воде с гибелью на «Титанике». Но вновь – как-то часто это в последнее время выходит – решила не делиться идеями вслух.

- Слушай, а я все равно не понимаю, как у вас тут все устроено. Вот смотри, есть душа. Раз вы не можете делать детей, значит, душа появилась давно, так?

- Ну?

- Душа отправляется на Землю, где живет жизнь смертного. Потом умирает, возвращается сюда, и вы решаете ее судьбу, так?

- Да-а-а...

- Душа помнит о своей жизни здесь? Я вот ничего не помню, и все вокруг для меня шок. Почему? Это мое первое воплощение на Земле? Так это не сходится с тем, что у душ не рождаются дети. Почему моя внешность осталась такой же? А ты? Ты прожил несколько жизней или одну?

- Лучше задай эти вопросы магистру Сонг, - как-то слишком поспешно отмахнулся Харриет. – Она умеет объяснять.

- Ладно. А сколько мне вообще здесь торчать? Время здесь течет как и на Земле, или иначе?

- Оба мира живут по одному времени.

- То есть ты здесь уже... э-э-э... сколько лет? Когда затонул «Титаник»?

- Аида, говорить о чужой смерти не этично! – взорвался парень. – Давай ты ускоришь шаг, я ненавижу дождь!

- Платье узкое, - пробурчала я. – Надень такое же, потом поговорим.

Но, к счастью, вскоре мы свернули к одному из корпусов с огромной вывеской «Колледж Мертвых» над центральной дверью.

В следующее мгновение на меня обрушился гул десятков голосов. Студенты заполнили огромный холл. Сидели на подоконниках, общались, смеялись, о чем-то перешептывались, зубрили учебники и судорожно переписывали друг у друга задания. Девушки в платьях, похожих на мое, парни в черных костюмах – очередное подтверждение тому, что все миры принадлежат мужчинам.

- А ты почему не в форме? – Я повернулась к Харриету, который явился с утра в светлой рубашке и джинсах, судя по потертостям, пережившим крушение вместе с хозяином.

- А я и не студент. Я давно закончил колледж. Я всего лишь должен все тебе показать, довести до класса и забрать после занятий, чтобы ты не заблудилась. И, знаешь ли, это не то чтобы почетная обязанность после того, как ты вчера ясно дала понять, что не желаешь дружбы со мной.

- Надо же, какие мы чувствительные, - фыркнула я.

Широкая лестница, с уже знакомыми (но абсолютно неподвижными) горгульями у основания, вела наверх, в учебные классы и библиотеку, где мне выдали учебник без названия, небольшую тетрадь, ручку и расписание.

- Ого, все серьезно, - пробормотала я.

- До обеда ты в колледже. Учишься, прилежно выполняешь задания, осваиваешься. После обеда – работаешь в министерстве. Я встречу тебя после занятий и покажу, куда идти. Все понятно?

- Да, мой господин.

Харриет снова покраснел. Это даже мило.

Итак, я в колледже мира мертвых. У меня в расписании история, управление энергиями, теория стражи и еще куча каких-то подозрительных предметов, а вокруг – совершенно незнакомые лица. Вряд ли позитивно настроенные. Я же помню Дэваля.

- Ладно, найдем для начала кабинет общих лекций под номером восемь, - пробормотала я.

Харриет унесся на работу: оказывается, он впахивал в министерстве как положено, с утра и до вечера. Странный все же парень. Погиб на «Титанике» больше ста лет назад и до сих пор висит здесь. Не любит воду (хотя это объяснимо). Носит женское имя (хотя это не так уж страшно). И послушно выполняет приказы Самаэля, таскаясь за мной даже имея вполне явную нескрываемую обиду.

Очень странно.

Я бродила по колледжу, слегка опасаясь в поисках нужного кабинета снова забрести в аид. «Тренировочные залы», «Лаборатории», «Крыло практических занятий» и, наконец, «Крыло общих лекций». Из-за восьмой по счету двери доносились приглушенные голоса. Взглянув на часы, висевшие на стене, я убедилась, что до занятия осталось несколько минут, и заглянула в аудиторию.

- Можно? – спросила я.

Красивая рыжеволосая женщина лет тридцати на вид сидела за преподавательским столом и быстро что-то строчила в тетради. Такой же, как держала я. Она подняла голову и улыбнулась.

- Аида Даркблум?

Я почувствовала, как ледяной ветер пронзает насквозь.

Я уже видела ее раньше. Я говорила с ней. Я...

3.2

Дверь захлопывается у меня за спиной с оглушительным грохотом.

- Не беспокойся! – язвительно кричу я. – Больше ты меня не увидишь!

Сбегаю по лесенкам и несусь прочь от проклятого дома, осточертевшей мачехи. Будь проклята эта женщина! До ее появления моя жизнь была идеальной. Был жив отец, мы ни в ком не нуждались. Мачеха – как черная метка над некогда счастливой семьей. Если бы кто-то подарил мне хоть одно желание, я бы загадала, чтобы этой женщины никогда не существовало.

Тыльной стороной ладони я вытираю набежавшие на глаза слезы. Телефон остался в доме, там же и куртка. Я ежусь от промозглого холода и накрывшего город туманом. Не лучшая погода для побега из дома, но вернуться смерти подобно. Пока я размышляю, как быть дальше, рядом останавливается тачка.

- Подвезти? – спрашивает миловидная рыжеволосая женщина.

- У меня нет денег, извините.

- Поэтому и предлагаю, - улыбается она. – Проблемы дома?

- Вы же не коп? И не из службы опеки?

- Нет. Всего лишь преподавательница малоизвестного колледжа. Заезжала в ваш городок по работе. Кажется, собирается дождь. Так тебе нужна помощь? Садись.

Мне так не хочется идти пешком или застрять посреди города в непогоду, что я с готовностью обхожу машину и прыгаю на пассажирское сидение. Красотка терпеливо ждет, пока я пристегнусь, а потом трогается с места.

- Куда тебе?

- Плевать, - выдыхаю я. – Лишь бы подальше.

- Не лихо? Семья может бесить, знаю по себе, но это ведь семья.

- Ты что, предложила помощь, чтобы меня воспитывать?

Она смеется и на секунду выпускает руль, чтобы поднять руки, сдаваясь. Я прислоняюсь лбом к холодному стеклу и отрешенно наблюдаю, как первые капли дождя неторопливо стекают вниз, оставляя дорожки.

- Голодная?
- Нет, спасибо.
- Не хочешь рассказать, что стряслось?
- И снова нет.
- Как знаешь.

Мы молча едем прочь, оставляя позади мое прошлое. Я пытаюсь понять, что буду делать дальше, как буду строить свою жизнь, но голова слишком тяжелая. Глаза закрываются, как будто... словно...

- Вы что... вы что-то сделали... почему я так...

Мысли путаются, а тело не слушается, охваченное дикой слабостью.

- Прости, Аида, так нужно.
- Я не называла вам...

Я проваливаюсь в темноту, бесконечно долго падаю вниз. А потом – это как яркая вспышка – сознание возвращается. И в этот же момент я чувствую, как холодная сталь острого ножа пронзает кожу, врезается в плоть, наполняя сердце кровью.

Встречаю взгляд холодных зеленых глаз, в которых мелькает легкое удивление.

Чувствую привкус крови во рту и теплая алая струйка стекает из уголка губ на светлую рубашку.

Затем тьма возвращается. Адская, ни с чем не сравнимая, боль стихает. Полет продолжается так долго, что когда я в следующий раз открываю глаза, долго не могу понять, где нахожусь. Стекло машины, к которому я прижимаюсь, отрезвляюще холодное. На город опустились ночь и туман.

Водитель такси напоминает мне Харона, перевозящего души мертвых через подземную реку Стикс.

- Меня зовут Селин Сонг, я – директор Колледжа Мертвых. Проходи, занимай любое понравившееся место. Тебе уже выдали расписание, Аида?

Я молчала, оцепенев под заинтересованными взглядами будущих однокурсников.

- Аида?
- Да. Мне выдали расписание. – Я не узнала собственный голос. Селин Сонг, как ни в чем ни бывало, улыбнулась.

- Тогда садись, и я начну. Ты последняя прибывшая в своей группе. На перерыве познакомьтесь друг с другом, пообщайтесь. Ближайшие несколько лет вы будете видеть друг друга почти каждый день. Добро пожаловать в Колледж Мертвых. Многие из вас обескуражены, растеряны или даже напуганы. Поэтому первое занятие я хочу посвятить ответам на ваши вопросы.

О, у меня миллион вопросов. Только не знаю, какой из них задать первым.

Почему ты меня убила?

Как уйти отсюда и никогда не возвращаться?

Есть в вашем мире хоть что-то хорошее?

- Для начала вы должны избавиться от ощущения, что мертвы. Не воспринимайте себя эдакими бесплотными существами. Вы – все еще вы. Да, ваша жизнь изменилась. Вы покинули привычный мир и очутились в новом, с другими законами и правилами, но здесь не страна призраков. Земля – лишь одна форма существования, после которой следует другая. Представьте себя ребенком. Вы растете, наслаждаетесь детством, изучаете большой мир. А потом вдруг обнаруживаете себя взрослым. Мир вокруг другой, хоть и неуловимо похожий, жизнь изменилась безвозвратно. Смерть – лично очередной этап взросления. Вы здесь, вы все еще дышите, чувствуете, развиваетесь. Можете влюбляться, дружить, ненавидеть (хотя не советуем, мы же пытаемся сделать вас достойными Элизиума).

Раздались робкие смешки. Я даже не рассмотрела толком однокурсником, просто не могла отвести взгляд от Селин. У Самаэля определенно есть вкус. Рыжеволосая, с шикарной фигурой и ангельским успокаивающим голосом. К концу каждой фразы она снижала тональность, и мне хотелось вцепиться ей в волосы. Совершенно иррациональная, не поддающаяся контролю, ненависть. И ноющее ощущение там, где должен был остаться след от ножа.

- Вы переехали. Повзрослели. Изменились. Но вы живы, и ваш путь еще не закончен. Отсюда вытекает следующая истина. Несмотря на то, что вы бессмертны, и в конечном итоге либо обретете покой в Элизиуме, либо вечные муки в аиде, окончательная смерть все же существует. Избегайте, пожалуйста, вод реки Стикс – ее течение унесет вас туда, откуда нет дороги назад. Держитесь подальше от подземелий, в некоторых скрыты тайные тропы в аид. И...

Селин широко улыбнулась.

- Не нарушайте правила министерства. Мы рады помочь вам преодолеть новую ступень на пути к Элизиуму. А теперь задавайте все свои вопросы.

При этом Селин посмотрела на меня (показалось, будто с некоторой опаской, но я вполне могла принять желаемое за действительное).

Пока я боролась с бушующими внутри эмоциями, народ заговорил одновременно. Оценив обстановку, Селин подняла руку и стала давать слово по очереди, начиная с задних рядов.

- Почему мы ничего не помним о прошлых жизнях? Как узнать, были ли они?

- Таковы законы нашей вселенной. Переход из магического мира в немагический сопровождается потерей памяти. Когда вы уходите отсюда на Землю, то начинаете все заново. Когда возвращаетесь с Земли, обладаете лишь воспоминаниями о последней жизни.

- Тогда странно говорить о бессмертии, - фыркнул какой-то парень с первого ряда. – Если я не помню, какие жизни прожил, это уже не я, а каждый раз новая личность.

- Стираются лишь воспоминания. Опыт остается. Вы никогда не задумывались, почему некоторые из вас боятся воды, а некоторые – высоты? Почему кто-то любит блондинов, а кто-то – партнеров старше себя? Почему одному нравится сладкое, а другому...

- Полусладкое, - фыркнул кто-то и аудитория взорвалась нервным хохотом.

Селин вежливо улыбнулась. Но явно сдерживаясь, чтобы не закатить глаза.

- Вы – это не память о том, какую жизнь вы прожили. Вы – это набор качеств, эмоций, страхов. Снова и снова вы оказываетесь на Земле, снова и снова пытаетесь использовать свой предыдущий опыт и стать лучше. Но жизнь меняется, вы меняетесь, меняются обстоятельства. Наши миры – два сложных организма, находящихся в симбиозе. Для этого и существует министерство: мы направляем души, помогаем им приобрести опыт, нужный для того, чтобы попасть в Элизиум и обрести вечное счастье.

Я как будто в секте. Надеюсь, сейчас нас не попросят раздеться и потрахаться в знак верности духовному гуру?

- А не проще ли прямо всем говорить, что от них требуется? Потому что пока отбор как-то не работает. Мы все стремительнее катимся к концу Земли и человечества.

- Это не прихоть Вельзевула, уважаемые студенты. Это законы, на которые мы не можем повлиять. Наши миры связаны, но каждый из них живет по своим правилам. Здесь мы бессмертны и обладаем памятью прошлой жизни. Там – уязвимы и живем в неведении. Здесь мы пытаемся сохранить оба мира и выстроить справедливое государство. Там – живем, как умеем, проявляя истинную сущность. Худшие из нас отправляются в аид. Лучшие – в Элизиум. Однажды настанет момент, когда восторжествует справедливость, таково слово Повелителя Вельзевула. И я рекомендую вам уяснить это раз и навсегда. Еще вопросы?

- От чего зависит внешность? – милостивая блондинка с копной мелких кудряшек, отчаянно смущаясь, грызла карандаш. – Я видела ровесников и стариков, людей средних лет, почти подростков. Даже здесь, в этом классе, мы выглядим так, словно после школы дружно поступили в колледж. Но ведь люди умирают в разных возрастах.

- Мы стараемся подбирать группы по возрасту. Чтобы вы не чувствовали себя одиночками. Для этого же министерство назначило вам друзей, которые помогут разобраться во всем в начале пути.

- А дети? Где дети, они ведь тоже смертные?

Селин помрачнела. Она то ли не ожидала, что этот вопрос прозвучит, то ли надеялась, что никому не придет в голову его задать.

- Когда я сказала, что души бессмертны и смерть – лишь этап взросления, я... немного сгладила углы. К сожалению, для перехода в магический мир нужна энергия. Внутренняя сила, магия. Тем, кто умирает раньше определенного возраста, ее не хватает. Для них это действительно конец.

- И какой это возраст? – тихо спросила кудряшка.

- Девятнадцать лет и три месяца. Минимальный срок жизни, за который получится набрать нужное количество энергии.

Я стиснула зубы еще крепче, хотя казалось, крепче уже некуда. Надеюсь, здесь есть хорошие преставившиеся во цвете карьеры, стоматологи, потому что один мне вскоре понадобится!

Меня не просто убила эта женщина.

Она сделала это в первый же возможный день.

Но для чего? Хотела, чтобы я оказалась здесь как можно скорее. Почему? Вряд ли Селин Сонг скажет. Но я все равно найду ответы.

- А близкие? – Парень в очках рядом со мной скрупулезно записывал все в тетрадь, и я украдкой скривилась. – Я могу найти бабушку и дедушку? Они должны быть где-то здесь.

- Это одно из основных правил министерства. Да и нашего мира в целом. Никаких родных. Никаких поисков. И никаких попыток связаться. Во время пребывания здесь вы можете встретить знакомых с Земли. Но лишь отдаленно. Кассира из супермаркета поблизости, плотника, чинившего вашу крышу, адвоката, представлявшего вас в суде. Не более. Попытки разыскать кого-то из родных приведут к отправке в аид. Это очень серьезное нарушение.

А она хорошо знает мир Земли. Прямо как будто сама там побывала.

- Еще вопросы? Нет? Тогда оставлю вас познакомиться. Сегодня у вас будут вводные лекции по основным дисциплинам. А с завтрашнего дня начнете полноценно учиться. Если понадобится – я у себя в кабинете на самом верху, поднимайтесь по лестнице, и не ошибетесь. Удачи вам.

И когда она уже захлопнула папку, я подняла руку. Селин замерла, лишь длинные тонкие пальцы чуть подрагивали.

- Аида?

- Мы вспомним свою смерть?

Вопрос застал ее врасплох. Из-за пасмурной погоды за окном и тусклого освещения мне могло показаться, но она слегка побледнела.

- Обычно души не помнят, как умирали.

- Но можно вспомнить? Есть какие-то способы, ритуалы?

- Насколько мне известно, нет. Такие воспоминания не приводят ни к чему хорошему. Тебе не нужно травмировать себя.

- Но меня убили.

А вот теперь я увидела точно: едва заметно, тут же взяв себя в руки, Селин вздрогнула.

- Жаль, что тебе пришлось через это пройти. То, что ты не помнишь свой главный кошмар – благо, Аида. Цени это.

- Но мой убийца на свободе, ведь так? Безнаказанный.

- Души, оборвавшие чужую жизнь, обречены отправиться в аид.

- А если нет? Сейчас тот, кто это сделал, на свободе, ведь так? Дышит, чувствует, развивается, - я повторила ее же слова. – Это несправедливо. У меня отняли шанс. Я могла многое сделать. Да, я была не очень хорошим человеком, и поэтому сейчас сижу перед вами, но я могла измениться, мне было всего девятнадцать! Я не была злой, у меня был шанс заслужить Элизиум на Земле, а меня его лишили! И я должна забыть, не пытаться вспомнить и смириться?

Селин долго молчала. Так долго, что я почти решила, что победила в нашей маленькой словесной дуэли. Но чуда не случилось. Я всегда проигрывала.

- Ты плохо начала, Аида Даркблум. Ненависть и жажда мести – не те чувства, которые здесь поощряются. Научись с ними справляться. Или...

Она смерила меня насмешливым взглядом.

- Хотя бы скрывать их. Всем доброго дня.

Стуча каблуками так, словно на месте паркета Селин представляла меня, директриса вылетела из аудитории, с грохотом захлопнув дверь. Я все же ее задела.

3.3

Нет, а Самаэль был прав насчет меня. Из шести человек (или не совсем человек), с которыми я познакомилась в новом мире, двое меня ненавидят – и я от них не отстаю. А может и трое: что думает Дарий, я так и не узнала. Еще двое точно тяготятся моим обществом. Остается только Вельзевул. Он единственный отнесся по-человечески, несмотря на то, что человеком и не был.

Определенно успех.

Некоторое время мы все молчали. Кто-то осмысливал услышанное, кто-то флегматично и сонно смотрел в окно, кто-то не стесняясь положил голову на парту и засопел. Знакомиться никто не спешил. И я не стала.

Только блондинка с кудряшками лучилась неприличной энергией. Она несколько раз пробежалась по аудитории, а потом остановилась возле меня.

- Ты правда хочешь узнать, кто убил тебя?

Если бы меня кто-то спрашивал. Память услужливо, в нужный момент, подкинула весь спектр воспоминаний, вкупе с ощущениями и

эмоциями. Теперь с этой информацией как-то придется жить.

- Было бы неплохо. Не люблю неизвестность. А ты предпочитаешь не помнить?

- А я знаю, что случилось. – Девушка улыбнулась немного виновато. – И не хочу подробностей. Мы с ребятами поехали на озеро. Среди них был парень, которого я просто обожала с первого класса. Он начал подкалывать, что я не умею плавать, и я решила доказать, что это не так.

- А ты умеешь плавать? – спросила я.

- Ну я же здесь. Сама-то как думаешь?

Я рассмеялась. Кудряшка мне понравилась. На Земле у меня не было подруг, я понятия не имела, о чем можно говорить с девчонкой своего возраста. Но если вы обе умерли, темы находятся сами собой.

- Шарлотта Гринсберри. – Она протянула руку.

- Аида Даркблум.

- Что думаешь об этом месте?

Шарлотта уселась рядом.

- Странное. – Я пожала плечами. – Немного пугающее. Но интересное.

- Согласна. Я здесь уже месяц, и до сих пор хожу с открытым ртом. Волшебный мир. Лучший из тех, о которых я думала.

- Ты живешь в общежитии? Как-нибудь можем пересечься.

- Нет, - Шарлотта слегка замялась, - у меня квартира в западной части города. Разрешили перебраться совсем недавно. Посчитали первые результаты на работе впечатляющими.

Значит, за месяц можно съехать из клоповника. Отличная новость, Шарлотта – определенно ценное знакомство.

- А где ты работаешь? – спросила я. – То есть, понимаю, что в министерстве. Но пока не понимаю, что мы там будем делать. И какая здесь вообще бывает принудительная работа.

- Ой, вариантов море! Во-первых, это стражи. Те, кто стерегут темные души. Но туда жесткий отбор. Мы можем быть только помощниками стражей, но и то в порядке исключения. Работа опасная и сложная. Есть проводники – они переводят души через Стикс.

- Харон, - кивнула я.

- Ага. Еще есть бумажная работа, работа с новыми душами, наставничество. Министерство следит, чтобы Стикс не выходила из

берегов, чтобы миру не вредили новые души, чтобы в Элизиум не проникли извне. Еще есть архив, в нем миллиарды историй душ, все воплощения, и там нужно поддерживать порядок...

- Погоди, погоди! Здесь есть архив, в котором собраны все истории душ? И можно узнать судьбу той или иной души?

- Да. Только если тебя допустят. Твой наставник должен разрешить. А они никогда не разрешают. Хочешь найти имя убийцы?

- Типа того, - пробормотала я.

В прошлый раз желание поделиться тоской по отцу привела меня напрямик к воротам ада. Кто знает, вдруг Дэваль с его выходкой – наглядный урок, а Шарлотта – засланный Самаэлем шпион, чтобы проверить, как урок усвоен? До поры до времени планы по поискам отца стоит держать втайне даже от тех, с кем пытаешься подружиться.

- А где здесь добыть еду? Надо выходить?

- Если это твой первый день, то право обедать вне колледжа ты еще не получила. Столовая в подвале.

- Кла-а-асс, - уныло протянула я. – Жилье нормальное не заслужила, есть могу только в подвале, без няньки выходить не допускается. А мир любить и хранить я уже должна.

- Какой няньки? – спросила Шарлотта.

Ее голос звучал равнодушно, но мне показалось, за спокойствием она прячет что-то еще. Не любопытство, нет. Что-то, пока еще мне непонятное.

- Да, Самаэль Сонг выдал мне соглядатая. Чтобы не выпускал из виду и наставлял на путь истинный. Боятся пропустить момент, когда можно будет отправить меня в ад. Так что теперь Харриет ходит за мной...

- Харриет? – перебила Шарлотта.

- Да, вы знакомы?

- Нет! – поспешно, даже слишком, ответила она. – Просто думала, это женское имя.

- Ага, я тоже. Он странный, но вроде милый. Сойдет. Погиб на «Титанике». Может, раскручу на пару интересных историй.

- Да. Очень интересно.

- После занятий могу познакомить. Он обещал проводить меня в министерство.

- Боюсь, не получится. Я работаю в другом месте. Мы патрулируем Стикс в поисках готовых к переходу душ. После лекций я сразу побегу к наставнику. Иначе он реально отправит меня в ад.

Мы еще немного поболтали, обсудили расписание, дружно сошлись на том, что на Земле уроки истории были самыми унылыми занятиями на свете, а в новом мире представляют определенный интерес. Составили рейтинг лучших актеров Земли (Шарлотта выступала за Тимоти Шаломе, а на моей вершине оказался Дэвид Теннант). Придумывали, с какими известными личностями не прочь здесь столкнуться. И с легкой грустью делились планами на жизнь, которой лишились.

- Я стала бы врачом. Всегда мечтала быть врачом.

- А на кого ты училась?

На вид Шарлотте было лет семнадцать, но, как мы выяснили, погибни она в семнадцать, ее бы здесь не было.

- А... Я искала возможности.

Что ж, не всем отец оставил наследство, которое можно потратить на учебу или примитивно промотать. Впрочем, мачеха никогда не позволила бы мне воспользоваться деньгами папы. Если она не промотала их при моей жизни, то наверняка справилась с этим сейчас.

Мне хотелось спросить, почему Шарлотта здесь, а не в новой жизни или в Элизиуме. Что плохого совершила в жизни хрупкая миловидная блондинка. Но пока я раздумывала, этично ли будет задать такой вопрос (Харриет сказал, что нет, но я ему как-то не слишком доверяю), двери аудитории распахнулись, и в класс вплыло... нечто.

Силуэт напоминал высокого и очень худого человека, но на этом сходство заканчивалось. Бледная, отливающая синевой, кожа обтягивала жуткий скелет человека с огромными, лишенными век и ресниц, глазами. Впалые скулы придавали ему сходство с иллюстрацией из пособия по анорексии. Существо было одето в классический черный костюм-тройку, отчего мозг отказывался верить глазам. Оно сложило руки на груди, и я заметила, что на руках у существа по три длинных пальца.

- Страж Даркблум. Для вас что, существование немагических миров, кроме Земли, тайна? Иначе по какой причине вы так беззастенчиво меня рассматриваете?

У него оказался низкий, с легкой хрипотцой, голос.

- Вообще да, - осторожно ответила я. – Я не знала, что бывают другие... миры.

- Поздравляю вас с этим открытием. Впредь постарайтесь удивляться менее... демонстративно. Итак, мое имя – магистр Прайор Тордек. Я обучу вас важнейшей науке нашего мира – управлению энергией.

Вся группа замерла и затаила дыхание. Я украдкой косилась на соседей. Для них, кажется, магистр Тордек не стал неожиданностью, в шоке пребывала только я. Но даже их заморозил гипнотический взгляд черных, как ночь, блестящих огромных миндалевидных глаз существа. То, что он говорил, казалось совсем неважным. Я с трудом заставила себя вслушаться в слова и ощутила, как сердце забилось чаще в волнительном предвкушении:

- Я не стану рассказывать вам сказки про Элизиум и страшилки про Аид, это все находится в ведении ваших наставников. Моя задача заключается совершенно в другом. В каждом из вас спит энергия. Кто-то называет ее магией, кто-то – иначе. Никто не знает, когда в вас пробудится сила, данная предками. Никто не знает, какой она будет. Никто не знает, сумеете ли вы ее обуздать. Однако...

Он выдержал паузу, наслаждаясь эффектом.

- Основная ваша задача, цель жизни в этом мире – уничтожить в себе этот дар. Запечатать магию навсегда, забыв об ее существовании. Ибо только так вы сумеете сохранить свою жизнь.

Я осторожно повертела головой, наблюдая за реакцией однокурсников. Кто-то по-настоящему испугался, а кто-то выглядел так, словно услышанное не было ему в новинку. Да, конечно, некоторым наверняка достались нормальные провожатые, которые хорошо объяснили здешнее мироустройство. А меня сначала огорошил новостью о смерти Самаэль, смутил притворным дружелюбием Харриет, и окончательно запутал Дэваль. И теперь я вообще ничего не понимаю. Зачем уничтожать магию, если ее наличие само по себе волшебство?

- Теперь, когда я привлек ваше внимание, надеюсь, хотя бы на время занятия, расскажу подробнее.

Итак, краткая история мира мертвых (который Селин Сонг упорно называла миром живых) в изложении Аиды Даркблум.

Когда-то мир был не менее прекрасен, чем старушка-Земля. Даже более, ведь в нем была магия. И населяющие его создания ни в чем не знали нужды. Хотелось бы сказать, что они жили в мире и гармонии, но нет: как и смертные, они воевали, отбирали друг у друга ресурсы, размножались – в общем, круто проводили время.

И мир начал погибать.

Тогда самые сильные маги взяли все в свои руки. И запретили всем воевать.

На удивление сработало: никто не хотел жить в радиоактивной пустыне (это точно те же самые маги, что сейчас перерождаются на Земле?). Войны прекратились, разрушение мира замедлилось... но не остановилось.

И тогда люди начали изучать законы мироздания, природы, магии. Обнаруженное повергло их в шок: маги, оказываются, черпают жизненную силу мира. Чем больше колдовства – тем быстрее погибает мир.

Тогда маги собрались еще раз и запретили всем колдовать. А что, рабочий же способ.

Вот только одна проблемка. Войн не было, численность населения росла. Запретили магию – все стали бессмертны. Энергия-то внутри тоже есть, на что ее расходовать? Только на поддержание собственной жизни.

И мир снова стал погибать. Ему, оказывается, не нравится, когда на поверхности много всяких людишек и не только.

Тогда маги что? Правильно, снова собрались. Только запрещать больше было нечего. И они начали исследовать иные миры, на которые никогда не хватало сил, интереса и мозгов. Оказалось, что большинство жителей этого мира обладают даром перерождаться в иных мирах. Проживать там жизнь, затем возвращаться и перерождаться снова. И маги решили, что это выход. Души отправлялись в немагические миры (их и правда существуют десятки), проживают там жизнь и все довольны. Миров всем хватает.

- Урок истории был усвоен. Мы поклялись не допустить гибели ни одного из наших миров. Для этого существует система оценивания. Лишь лучшие из лучших могут остаться в родной колыбели. Худшие из худших становятся вечными узниками погибших земель. Ну а остальные возвращаются в немагические миры. Или, как вы, получают

шанс на искупление. Впрочем, об этом вам подробнее расскажет магистр истории.

И вот тут мы подходим к главному. Так как память души при переходе в немагический мир обнуляется, мы забыли обо всем, что нам там назапрещали древние маги. В том числе и о том, что магия убивает мир. Поэтому в колледже нас научат, как ее запечатать и никому не навредит.

- Страж Даркблум, у вас какие-то претензии или вопросы?

Магистр... Забыла-как-его-там меня сильно пугал. Во-первых, я еще не привыкла к тому, что вижу перед собой живого... ну пусть будет инопланетянина. Во-вторых, от него прямо таки исходила враждебность. Я ему не нравилась. Интересно, почему?

- Вопросы... да, парочка есть. Что бывает с теми, кто отказывается запечатывать магию?

- Они отправляются в аид.

- А Вельзевул? У него тоже нет магии?

Как-то же он правит миром. Не на честном слове.

- Повелитель и наследники – особый случай.

Ага, значит, Дэваль у нас вне системы. Отчасти это объясняет его поведение. Не объясняет только неожиданную злобу по отношению ко мне. Но, может, магия отравляет не только мир, но и того, кто ею пользуется?

- А еще исключения есть?

- Нет, - отрезал магистр. – Никаких исключений. Еще вопросы у кого-нибудь есть?

Народ притих. А я с упорством барана тянула руку. Если бы у магистра были веки – он бы закатил за них глаза. Но природа обделила его таким ценным органом, поэтому он просто раздраженно думал обо мне нехорошее.

- Слушаю вас.

- Почему вы называете меня стражем?

- Потому что в стражи вас определил Самаэль Сонг. На этом все? Я могу продолжить?

- Пожалуйста, - вздохнула я.

Где жить выбрать нельзя. Магией пользоваться нельзя. Кем работать выбрать нельзя. Что здесь можно-то?

В конце пары мы получили первое в загробной жизни задание.

- Прежде всего обратитесь к прошлому. Возьмите тетрадь и запишите все, что вызывало у вас злость в жизни на Земле. Все, что до сих пор вызывает злость. Все, о чем больно или страшно думать. Любые темные чувства. Нагрубили в очереди, бросил любовник, погиб любимый питомец – все, что вспомните. Честно, без утайки, прикрас и лжи.

При этом он обвел взглядом аудиторию и на несколько секунд задержался на мне.

Что, у меня на лбу написано «собирается врать напропалую, пока не получит желаемое?».

Потом была жутко скучная пара, что-то вроде правоведения. Где мы под диктовку записывали все местные законы. Нельзя причинять вред другим душам вокруг, нельзя хулиганить, нельзя воровать. И прочие скучные вещи. К счастью, дальше нас мучить не стали и отпустили на все четыре стороны с наказом завтра вернуться на новый круг ада. Точнее, в новый учебный день.

Шарлотта унеслась так быстро, что я испытала легкое сожаление: надеялась, мы вместе перекусим. Хотя зачем ей обедать в каком-то подвале с новой знакомой. У нее впечатляющие успехи на работе, она может пойти в ресторан.

- Выпишите все, что вас бесит, - бурчала я, уныло плетясь к лестнице. – Коротко и ясно: все!

- Вижу, ты в отличном настроении, - услышала я голос Харриета.

Названный друг уже ждал в холле. Со скучающим видом прислонившись к стене он исподтишка наблюдал за стайкой хорошеньких студенток. На точеных фигурках форменные платья смотрелись удивительно хорошо.

- Кошмар, - вздохнула я. – Ваш мир меня ненавидит.

- А, первая лекция Тордека, - понимающе кивнул он. – На всех производит впечатление.

- Кто он? Что за раса?

- Я точно не знаю. Вокруг нашего мира шесть или семь немагических миров. Часть из них непригодна к заселению, ибо обладает собственной жизнью. А вот мир Тордека хоть и отличается от нашего, оказался вполне себе ничего.

- Но почему он выглядит иначе?

- Таковы законы мироздания. Жизнь многообразна и удивительна.

- Ого, да ты философ.

Поскольку есть в подвальной столовой не особо хотелось, я с готовностью устремилась вслед за Харриетом в министерство. Во мне теплилась робкая надежда, что столовая там хотя бы с окнами и мне разрешат в ней поесть.

- Тордек назвал меня стражем. Сказал, что Самаэль так решил. А как это определяют? По каким-то внутренним способностям?

- Да нет, новеньких прикрепляют к наставникам. Самаэль – страж, хоть и отошел от дел, чтобы возглавить министерство. Значит, ему проще обучать тебя быть стражем.

- А если я не захочу? Или мне не понравится? Я вот готовить не умею. В школе у нас были уроки по кулинарии. Учитель всегда говорил, что в моем случае готовка - это уголовное преступление. Ну вот не дано. Вдруг мне не дано быть стражем?

- Раз в год ты имеешь право менять специализацию. Но год придется продержаться.

- Ага, а если буду халтурить – отправят в аид, - саркастически добавила я.

Но Харриет серьезно кивнул:

- Верно.

Министерство Мертвых, его головной филиал, занимало сразу несколько корпусов в самом центре города-замка. К главному входу вела широкая лестница, венчавшаяся двумя знакомыми горгульями, преграждавшими посторонним вход. Я насчитала пять этажей и несколько внутренних двориков, пока мы шли к лестнице. Харриет уверенно вел меня, лавируя между спешащими куда-то людьми. Лишь когда из толпы донеслось мое имя, я замедлила шаг.

- Аида! Аида Даркблум!

Обернувшись, я увидела Харона – того таксиста, в чьей машине я очнулась после того, как Селинг Сонг воткнула нож мне в сердце.

- Аида, рад вас видеть!

Сейчас Харон выглядел поживее. Не таким холодным и пугающим.

- Как вы? Освоились? Надеюсь, я вас не напугал.

- Вообще немного напугали. Но я не в обиде. Вы же на принудительной отработке. Как и я.

- Бросьте, - улыбнулся мужчина, - не все так печально. Поверьте, в этом мире много радостей. Кстати...

Он воровато огляделся, убеждаясь, что никто не подслушивает и наклонился ко мне:

- Вообще это строго запрещено, но... за определенную плату я могу достать вам с Земли любую вещь.

- Любую? А что взамен? У вас же здесь нет денег.

- Желание. Обычно люди должны мне желание.

- О, это не ко мне, я не фея и не джинн.

- Не волнуйтесь, речь не идет о чем-то серьезном. Просто маленькая услуга, которая, возможно, однажды мне от вас потребуется.

Предложение звучало слишком соблазнительно, чтобы просто от него отмахнуться. Закусив губу, я смотрела на Харона, размышляя о том, можно ли ему доверять. Пожалуй, не стоило, но ведь он единственный, кто не давил на больные мозоли, а просто выполнил свою работу. Перевез мертвую девочку через реку Стикс.

- Ладно. Есть кое-что.

Я наклонилась и шепнула ему на ухо пару слов.

- Хм. Самаэлю это не понравится.

- В том и интерес.

И, подмигнув, я взбежала по ступенькам к двери. Горгульи расступились, открывая проход в самое сердце нового мира.

В Министерство Мертвых.

3.4

- Самаэль?

Он обернулся. Голос Селин вырвал его из раздумий. Внизу, на переполненной людьми площади, Аида Даркблум о чем-то беседовала с Хароном. В этом не было ничего особенного, проводники часто испытывали к перевезенным душам определенную привязанность. Зная Харона и его историю неудивительно, что мертвая сиротка задела его за живое.

Но он уже немного изучил сестру. Она скорее фыркнула бы и отмахнулась, чем стала по-светски беседовать с Хароном на улице. Так о чем разговор?

Самаэль повернулся к супруге. Что-то в ее голосе ему не понравилось.

- Ты бледная. Что-то случилось?

- Скажи... ты со мной только из-за дара? Из-за того, что я могу проникать в миры смертных?

- С чего вдруг ты завела этот разговор?

- Самаэль... Она знает. Аида Даркблум знает, что я ее убила.

- Чушь.

- Я видела в ее глазах! Она узнала меня, едва увидела! Ты бы слышал, что она говорила... не прямо, но и намеков оказалось достаточно. Как это возможно? Они никогда не помнят! Не вспоминают!

- Я уверен, что тебе показалось.

- Тебе плевать, да? – Селин нервно рассмеялась. – Главное, чтобы я выполняла приказы. Тебе плевать, что теперь в нашем мире есть душа, которая видит во мне свою убийцу. Скажи, почему она нужна здесь? Зачем ты заставил меня ее убить? Кто она такая, ты можешь быть со мной откровенным, я твоя жена, в конце концов!

Она сорвалась на крик и, кажется, сама испугалась. Самаэль с трудом совладал с раздражением. Странно. Обычно жена не вызывает у него подобных эмоций.

- В тебе говорит усталость. Ты перенапряглась. Энергии слишком много.

Он подошел и взял ее за руки. Селин не отстранилась, но и не шелохнулась, не прильнула к нему, как делала обычно.

Возможно ли, что она права? Что Аида ее вспомнила?

Нет, исключено.

- Скоро Маскарад Мертвых, помнишь? Тебе обязательно станет легче после него.

- Мы пойдем туда? – Голос жены стал мягче.

- Разумеется.

- Но ты ведь так много работаешь.

- Я же не могу отправить тебя туда одну.

- Иногда мне кажется, что можешь...

- Только не на маскарад, Селин. Только не на маскарад. Это наша ночь. Никто не помешает тебе расслабиться и восстановиться. Никто.

Аида Даркблум может говорить все, что захочет. Во дворце Вельзевула в ночь маскарада ее не будет.

Лучше бы ее не было в этом мире.

Но некоторые вещи неподвластны даже старшему сыну Повелителя Мертвых.

Особенно ему.

4.1

- Основная задача стража: хранить наш мир от прорыва темных душ из аида. Для этого нужно держать под контролем все переходы и отслеживать появление новых. Этому и будешь учиться. Вопросы?

Самаэль Сонг сидел передо мной. За большим столом со столешницей из черного мрамора, лениво откинувшись на спинку, словно мы не обсуждали мое будущее, а по-светски беседовали.

- Вопросы есть?

- Да.

- Жаль, - совсем не притворно вздохнул Самаэль. - Слушаю.

- Почему меня назначили стражем?

- Потому что я - твой наставник, а я страж. Так мне будет проще тебя обучать.

- А почему вы мой наставник?

- Все остальные заняты.

В это верилось слабо, но для вида я кивнула.

- Хорошо, а поподробнее? Что значит держать под контролем переходы и отслеживать новые? Как они появляются. Мне что, стоять с ружьем на входе или заставить жильцов окрестных районов скинуться на шлагбаум? Между прочим, домовые чаты - точно адское изобретение.

- Остроумно, - произнес Самаэль так, что будь на моем месте кто-то менее черствый, поклялся бы никогда в жизни больше не шутить.

Министерство Мертвых встретило меня суетой, гомоном и абсолютным равнодушием. Повсюду сновали стражи, проводники и магистры. Первых легко можно было определить по черной форме и алым значкам-воронам, вторые выглядели достаточно по-Земному, ну а магистры таскали с собой папки с ученическими работами и все время куда-то спешили.

Я уже привыкла к местной архитектуре: высоким узким окнам с витражами, темному камню, горгульям и массивным влсвечам. Даже нашла в ней некоторую эстетику, хотя эта псевдоготика слегка давила, напоминая, где именно я нахожусь.

Не став бесцельно бродить по зданию, я выловила первого попавшегося стража и быстро выяснила, где кабинет Самаэля Сонга. Он даже слегка удивился, когда я вошла. Впрочем, быстро принял привычный равнодушный вид и начал выдавать инструкции.

- Аид - это часть нашего мира, скрытая за Пределом. Магическая граница не дает темным душам вырваться на волю. Однако Предел - это не ворота и не забор. Это тонкая энергетическая материя. Обычно она скрыта от посторонних глаз, и попасть извне без решения суда в аид невозможно. Но местами Предел истончается. Появляются прорехи или просветы. Их-то и контролируют стражи. Увы, мы не до конца изучили наш древний город-замок, поэтому в некоторых его закоулках прорех особенно много.

- И души вырываются на свободу?

- Нет, для них поиск прорех - непростая задача по... м-м-м... многим причинам. Но теоретически такая возможность есть. Поэтому нужно бороться.

- А что будет, если души вырвутся?

- Ничего хорошего. В нашем мире они жить не смогут. Отправятся на Землю, множить зло. Не волнуйся, уже много лет ни одной душе не удавалось прорваться. Стражи знают свое дело.

Я невольно поежилась. Аид - страшное место. Тщательно охраняемая тюрьма, заключенные в которой заперты навечно. По какой такой злой иронии меня назвали именно так?

Папа говорил, я названа в честь бога подземного мира Аида, из древнегреческой мифологии. В детстве я обожала эти мифы. Впрочем, папа думал, это из-за захватывающих сюжетов. А я просто обожала, когда он их мне читал.

- А что делает Вельзевул? Я видела его у Предела. Он тоже охраняет прореху?

Самаэль кивнул:

- Одну из самых больших. Повелитель много лет назад отправился в добровольное изгнание, посвятив себя сдерживанию тьмы.

А потом на ржавом вагончике приехала я, и владыке мертвых пришлось подрабатывать воспитателем.

- И что я буду делать? Как мне эти прорехи сдерживать?

- Не все сразу. Сначала изучи это. Темные области не изучены, соваться туда опасно! Отнесись серьезно, я буду проверять все, что ты выучила. От этого зависит твоя жизнь.

Мерцание свечей создавало немного зловещую атмосферу. Мужчина в кресле напротив не шутил. И мне не хотелось.

- Если темная душа коснется тебя - ты отправишься в аид за ней следом.

Не в силах выдержать прямой взгляд, я посмотрела на листы, что дал Самаэль. И сердце забилося чаще: это оказалась карта города! И не простая, а бесценная!

Помимо доброй половины не изученных областей на карте были названия.

"Колледж".

"Министерство".

"Святылище Лилит".

"Архив Душ".

Архив. Место, где есть информация о папе.

- Что-то не так? - спросил Самаэль, заметив мою реакцию.

- Нет. Все в полном порядке.

- Тогда иди в приемную и подбери там себе стол. Возможно, придется разгрести хлам после прошлого помощника. Подпиши табличку для стола и займись изучением карты. Через час жду тебя в тренировочном зале.

- Тренировочном? – нахмурилась я. – А что в нем тренируют?

- Вот и выясним, что именно тебе нужно тренировать, - туманно отозвался Самаэль. – Все, иди. У меня много работы.

Мгновенно потеряв ко мне интерес, Самаэль уткнулся в бумаги. Что вызвало еще больше вопросов. В мире мертвых есть бюрократия? Хотя конечно есть, раз есть архив. Но магический мир мог бы быть немного более... магическим?

Нет, вокруг достаточно чудес для девочки с Земли. Но когда я размышляла о других мирах, то представляла себе бескрайние просторы, как в «Аватаре» или волшебные леса – «Властелин колец».

На худой конец роскошные магические школы типа Хогвартса. Ну или межзвездные корабли и бластеры.

А не запутанную сеть замковых коридоров, декорации к сериалу про Дракулу и... пыльный стол, заваленный бумагами.

В холле, куда вела еще одна дверь из кабинета Самаэля (я поднялась по южной лестнице, а холл располагался в северной части крыла), полукругом оказались расставлены небольшие столы. Тускло светили настольные лампы, то тут, то там, валялись листы бумаги. Свободным оказался лишь один стол. Как я поняла, мой.

За столами сидели ребята в черном. Они, похоже, были уже полноценными стражами, в отличие от меня. И в малиновом платице я смотрелась слишком вызывающе.

- Всем привет. – Я осторожно прошла к столу. – Я Аида.

Ответом стала звенящая тишина.

- Ого, как приятно встретить общительных людей, - фыркнула я.

Не очень-то и хотелось. Это меня знакомство с Шарлоттой так воодушевило? До сих пор не замечала за собой страсти к общению. Я привыкла быть одна. Сначала весь мир был замкнут на отце, он был другом и напарником по шалостям. Потом папа умер, и я осталась одна, так и не смогла пустить на его место кого-то другого. Какой смысл менять устоявшийся порядок после смерти?

И все же, пока разгребала мусор на столе, не могла отделаться от мысли, что мир мертвых встречает новичков как-то странно. Отовсюду доносятся нравоучения, осуждения. Не так жила, не то делала, мир не хранила, добро не творила. Отрабатывай, вымаливай прощение, бойся ада, слушайся стражей.

А если посмотреть на добрые дела мира мертвых, то получается что?

Поселили в коробке из-под рояля.

Отправили на скрипящем вагончике прямо в ад.

Приказали уничтожить в себе магическую силу.

Усадили за пыльный стол.

- А-а-апчхи! – не выдержала я.

Все взгляды устремились в мою сторону, причем показалось, что с осуждением.

- Извините, - буркнула я.

Еще и чихать не разрешают.

В груди бумаг и старых пустых папок нашлась пустая табличка. Украдкой я покосилась на стол соседа.

«Бен Андерс, страж Предела» - гласила его табличка.

Еще минут пять ушло на то, чтобы откопать карандаш, а потом я занялась тем, что выводила на чистом листе «Аида Даркблум, помощница стража Предела». Хотя понятия не имею, как называется моя должность и есть ли она вообще. Но звучит красиво.

Потом, как и велел Самаэль, я направилась в зал для тренировок. Понятия не имела, где он находится, но воспользовалась привычным способом: выловила кого-то в коридоре и устроила допрос с пристрастием. Где вообще Харриет, это разве не его обязанности?

Тренировочному залу отвели целое крыло. Вдоль длинного коридора располагались двери с именами наставников. Самаэль Сонг, конечно, тренировал своих птенчиков в самом конце коридора, там, куда ушел умирать странного вида жухлый фикус. Я осторожно сунула нос за дверь и, убедившись, что никакая темная тварь не собирается выпрыгнуть из тьмы, вошла.

Раздевалка ничем не отличалась от школьной. Шкафчики (правда, не железные, как у нас, а деревянные, отполированные тысячами рук до блеска), скамейки, душевые. Понадобилось обойти все помещение дважды, чтобы найти свое имя. Пока я размышляла, где взять ключ и куда его потом девать, шкафчик со скрипом открылся.

- А, точно, магия, - вздохнула я.

На нижней полке лежал сверток со спортивной формой. Все того же малинового цвета (к концу пребывания здесь от этого цвета, чувствую, начнет тошнить) облегающие удобные штаны и майка без рукавов с воротником-стойкой. В комплекте шли удобные ботинки, черные перчатки без пальцев, повязка на голову и почему-то каппа, при виде которой я слегка напряглась.

Но послушно переоделась, заинтригованная донельзя, и вышла в сам зал, представлявший собой обычную пустую комнату. Не было ни гантелей, ни разметки, как в школьном спортзале. Видавший виды паркет, узкие окна, старая люстра со свечами под потолком и серые каменные стены. Скучно.

Сначала я просто ждала, пялясь в окно на внутренний дворик, где ровным счетом ничего не происходило.

Потом решила размяться и немного потянуться: вдруг заставят прыгать, бегать или отжиматься? Тело с удовольствием вспомнило старые привычки и хоть и немного поболело, быстро разогрелось. Я даже рискнула сделать несколько одинарных прыжков, в очередной раз испытав тоску по льду, конькам и ощущению полета, когда каждая мышца в напряжении. Когда после короткого мига, в котором ты паришь надо льдом, наступает стремительная развязка, и ты чувствуешь себя королевой, раскрываясь на приземлении. Всматриваясь в реакцию зала, замершего на прыжке. В ожидании аплодисментов.

Фигурное катание – то немного, о чем я скучаю. И о чем жалею. Может, стоило уделять ему больше времени. Может, сейчас я бы вспоминала свои победы, а не трагедии.

Потом стало скучно даже прыгать. По ощущениям я просидела в зале больше часа. И, решив, что Самаэль не допустит прогула, направилась к выходу, намереваясь свернуться клубочком на лавочке в раздевалке и подремать.

И тут что-то сбило меня с ног.

4.2

Резко, грубо, с такой силой, что я приложилась спиной об пол. Из легких выбило воздух, несколько секунд казалось, что сердце остановилось, и я умерла. Потом вспомнилось, что умерла вообще-то еще раньше, и я вновь задышала.

Надо мной с хмурым видом стоял Самаэль.

- За что?! – хрипло просипела я.

- Ты всегда должна быть готова.

- К удару в лицо?!

Строго говоря, он бил в грудь, но от этого было совсем не легче. Как он вообще подкрался так незаметно?! Я бы слышала шаги!

- К тому, что темные души в любой момент могут попытаться прорваться. Им, знаешь ли, не нравится вечность сидеть в аиде. Они обладают плотью и силой. И не станут щадить тебя или ждать, когда ты соберешься.

- А нельзя было сначала прочитать лекцию, а потом бить? – возмутилась я.

Самаэль только усмехнулся и протянул руку.

Но едва я ухватила и подтянулась, чтобы подняться, он снова одним движением уложил меня на пол, окончательно добив.

- Любое прикосновение темной души – смерть для тебя. Как только душа касается стража, он отправляется в аид. Позволишь к себе прикоснуться – станешь одной из них. Будь всегда начеку, сестренка.

С этими словами Самаэль снова протянул мне руку, но на этот раз я встала без его помощи, потирая ушибленный зад. Навык падать у фигуристок прокачан с малых лет, но в нашем виде спорта за девочками в коньках не бегают маньяки с бейсбольными битами. Хотя, надо думать, такое фигурное катание собирало бы стадионы.

- Быть стражем – это не спать у ржавых ворот и не делать пасы руками, вызывая древнюю светящуюся магию. Это физически и морально невыносимая работа. Темные души коварны, Аида Даркблум. Они ненавидят тебя. Они мечтают тебя уничтожить. Представь самых отъявленных злодеев твоего немагического мира. Маньяков, убивающих детей. Садистов, мучающих жертв. Диктаторов, истребляющих народы. Все они там, за Пределом, и ты – последний рубеж на их пути к хаосу. Они не должны ступить за Предел и не должны тебя касаться, ибо страж – квинтэссенция их ненависти и злобы. Можешь сама додумать, что сделают со стражем, попавшим в аид. Не думай, что души – это какие-то эфемерные сущности, призраки, отголоски, нет. У них есть плоть. Они сильны. И они будут счастливы, заполучив тебя себе.

Глаза Самаэля потемнели, а у меня по коже прошелся мороз. Я действительно представляла себе души в виде бесплотных призраков, тянущих руки сквозь ржавую решетку. И как-то не ожидала, что меня будут пытаться утащить во тьму и там сожрать.

- А можно выбрать другую работу? Я всегда мечтала быть журналистом. У вас есть газета? Обещаю писать про тебя и Вельзевула только хорошее. Может, пару раз назову Дэваля козлом, но даже в вашем мире должны быть маленькие радости.

- Аида, перестань паясни...

Самаэль не договорил. Уж не знаю, что он хотел сделать: снова меня уронить или похлопать по плечу, но я успела первой. Не ожидая подсечки от хрупкой невнимательной (и совершенно не праведной!) девицы, многоуважаемый министр совсем не по-министерски шлепнулся на пол. Правда, выучка Самаэлю все же не отказала, и в

последний момент он ухитрился-таки зацепить и меня, так что падали вместе.

Но я приземлилась на мягкое. Витиевато выругавшееся, но мягкое.

- Папа научил меня постоять за себя, - хмыкнула я, наслаждаясь выражением удивления на лице Самаэля. Так что позволю себе настаивать: сначала лекция, потом – практика. А не наоборот.

Мужчина усмехнулся, продолжая смирно лежать. Я не сразу сообразила, что практически сижу на его бедрах, но прежде, чем подняться, добавила (исключительно из вредности, ну и чтобы последнее слово осталось за мной):

- И я тебе не сестренка. Братишка.

А потом раздались аплодисменты.

Подняв головы, мы увидели в дверном проеме Дэваля. Сегодня наследник Вельзевула пребывал в приподнятом настроении. Гаденькую улыбочку так и хотелось стереть со смазливового лица. Наверняка он потратил на укладку всю первую половину дня. Проклятый сноб. Как только вспоминаю его лицо и почти наяву слышу ехидный голос, от бессилия сжимаются кулаки. Ненавижу таких, как он! Ненавижу еще со школы. Мажорчики, уверенные, что им все можно. Конечно, Дэвалю не грозит ни ад, ни рай, он – избранный, урожденный Иной. Наследник повелителя. Однажды займет место отца.

Поняв, что со злостью пялюсь на гада, я все же сползла с Самаэля и поднялась. Дэваль продолжал хлопать.

- Да, братик, вот что такое старость. Тебя уложила на лопатки... - Он презрительно скривился. – Это.

- Это у тебя в штанах, - буркнула я. – Хотя, судя по твоему поведению, там ничего так и не выросло. Что, завалил экзамен и больше не самый любимый сыночек?

Я осеклась, но не потому что лицо Дэваля потемнело, на этого придурка мне было плевать, а потому что его насмешливое «братик» только дошло.

- Так вы братья? – Я повернулась к Самаэлю. – Ты тоже сын Вельзевула?

Сама не заметила, как перешла на ты. Впрочем, Самаэль не возражал. Правда, и отвечать мне не собирался, он словно не замечал,

что я еще стою в зале. Между ним и Дэвалем определенно чувствовалось напряжение. Конкуренция? Ревность? Кажется, братья не ладят.

- Считаешь, что можешь лучше? – холодно поинтересовался Самаэль. – Выходи.

Парень лениво повел плечом.

- Выходи, я сказал. – В голосе Самаэля прорезались стальные нотки. – И покажи, на что способен.

На всякий случай я отошла как можно дальше, не сводя глаз с братьев.

Теперь их сходство было видно невооруженным глазом.

Высокие. Темноволосые. Отлично сложенные. Самаэль более тренированный, широкоплечий и мощный. Дэваль изящнее, грациознее. Не менее развит, просто... иначе. Я даже задумалась, уж не разные ли у них матери.

Они кружили вокруг друг друга, как два ворона, примериваясь для первого удара. Самаэль излучал титаническое спокойствие. Дэваль едва сдерживал ярость. Воздух между ними дрожал от напряжения. Я затаила дыхание, почувствовав, что вот-вот грянет гром.

И он грянул, да еще какой!

Они сошлись в схватке, стремительной и смертоносной.

Наверное.

Потому что лично я толком ничего и не видела, лишь хаотичнодвигающиеся темные фигуры. Казалось, они оба, Самаэль и Дэваль, превратились в тени, пляшущие на стенах. Нет, они не стали призраками и не изменились, но двигались настолько бесшумно и красиво, что я стояла, открыв рот.

Я, человек, вживую видевший на льду Ким Ю На, Каролину Костнер и Юдзуру Ханю. Я, катавшаяся на одном льду с чемпионками мира из России.

Я никогда не видела такого владения телом. Как будто законы физики вдруг перестали работать.

Кажется, словно ни Самаэль, ни Дэваль, не были способны испытывать усталость. И, когда первый шок прошел, я задумалась. Что ты такого выкинуть?

Школьный психолог сказал бы, что я привлекаю внимание сбегая с уроков и саботируя занятия. Папа тяжело бы вздохнул и потрепал

меня по голове. Мачеха закатила скандал.

А что сделает Самаэль, когда поймет, что пока он преподавал урок борьбы с темными душами брату, его подопечная тихонько свалила?

Ничего хорошего. Но почему-то мне было весело.

Да, их бой, напоминающий танец, поразил меня в самое сердце. Но все же совсем немного, капельку, чуточку...

Он напоминал драку двух петухов перед нахохлившейся курицей.

И это сравнение никак не шло из головы. Хотелось хихикать.

Я быстро переоделась, выскользнула из тренировочного крыла и сбежала по ступенькам вниз. Нет, я не собиралась сбежать насовсем. Просто решила перекусить, пока единственная доступная столовая не закрылась. Потом вернусь и сделаю удивленное лицо. А что, вы уже закончили? А я решила вам не мешать.

В холле меня окликнули.

- Мисс Даркблум!

Оглянувшись, я увидела Харона со знакомой коробкой в руках. Сердце забилось чаще.

- Уже?! – ахнула я, подскакивая к нему.

- Я быстро работаю.

- Нереально! Господи, как круто! Харон!

В коробке лежали новенькие белоснежные свежезаточенные коньки. И хоть я скучала по старым, пожелтевшим, разношенным, изрезанным лезвиями и обклеенным дурацкими стразами, я все равно едва сдержала слезы, прикоснувшись к прохладной коже.

Единственное, о потере чего я жалею. Единственное, что у меня осталось.

- Жаль, здесь нет катка... - прошептала я.

Но даже на гвоздике на стенке эти коньки будут приветом из дома. Из немагического мира, которому я не смогла помочь. Да и не хотела.

- Катка, безусловно, нет. Но, думаю, вам стоит выйти наружу, - как-то странно усмехнулся Харон.

- Ты о чем?

- Ни о чем.

Склонившись, он галантно поцеловал мою руку, а потом вложил в нее коробку – и пришлось обхватить ее обеими руками.

- Всего доброго, мисс Даркблум. Помните об оплате. Желание все еще за мной.

Сначала я растерянно смотрела, как Харон растворяется в толпе стражей, а потом, ведомая любопытством, побрела к выходу.

Очутившись на набережной, поняла: что-то случилось. Народ вывалил на улицу, сгрудился у перил и смотрел куда-то вниз, в темные воды Стикса. У меня с трудом получилось пробиться в первые ряды.

- Невозможно...

- Такого никогда не случилось!

- Если это чья-то магия, Вельзевул испепелит его на месте...

- А это безопасно? Что будет с душами?

Оказавшись у перил, я ахнула.

Стикс замерзла.

Покрылась толстой коркой идеально гладкого мерцающего льда, под которым по слабым отблескам угадывались плывущие по Реке Мертвых души.

При виде льда перехватило дыхание, а кончики пальцев закололо от нестерпимого желания достать коньки из коробки. Вероятно, не стоило этого делать, но я не удержалась. Пока всеобщее внимание было приковано к Стиксу, отошла в сторонку и быстро переобулась. А потом перекинула ноги через перила, повисла на руках и мягко опустилась на лед.

Кто-то наверху ахнул, ближайший мужчина неуверенно протянул руку, словно предлагая помочь выбраться.

Но я уже скользила вдоль набережной, осторожно пробуя лед. Сердце пропускало удары. Если лед окажется тонким, если я провалюсь...

Но, кажется, мне повезло. Лед выглядел прочным. Идеально гладкий, он скорее напоминал стекло. Но как же легко скользили лезвия!

Я проехала туда и обратно вдоль набережной, привыкая к лезвиям. Харон постарался на славу. Я вообще не рассчитывала, что он добудет нормальные коньки. А он принес ботинки с максимальной жесткостью и отличные лезвия, сгодятся даже для прыжков.

Но прежде надо размяться.

Кросс-роллы, чоктау, твиззлы и другие страшные заклинания привлекли сначала внимание ближайших зрителей – тех, кто видел, как я спустилась на лед, а затем и остальных. Как делала всегда, я проигрывала в голове любимые мелодии, давая себе импровизировать.

Тренеры почти не разрешали на тренировках произвольное катание, всегда требуя четкую последовательность упражнений. Но как-то давно, еще когда верила в свое будущее в спорте, я собиралась стать постановщиком.

Обожаю это ощущение абсолютной власти над лезвиями. Идеальные геометрические фигуры: спирали и круги. Движения рук, повторяющие узоры на льду. Разгон, разворот, вращение. Либела... нет, не в этом платье.

В движении разлетались волосы и рукава, наверняка это придавало катанию особый шарм, хотя мне приходилось внимательно следить, чтобы ни за что не зацепиться и не упасть.

С непривычки, от новых коньков, адски болели ноги. Но я все равно каталась и каталась, пока не почувствовала, как силы окончательно меня покидают. Пока в голове не осталось ни одной любимой мелодии. Пока замороженные зрелищем иные и мертвые не выдохнули, поняв, что танец странной девицы на льду подходит к концу.

И вот тогда я в последний раз набрала скорость. Выпрямилась, готовясь к прыжку. Вошла в дугу и прыгнула, закрутив себя в воздухе. Пролетев добрую пару метров. Мягко, почти по-кошачьи, опустившись на лед и несколько раз повернувшись вокруг оси сразу после выезда.

Раздались аплодисменты, изрядно удивившие.

Они что, никогда не видели фигуристок? Или тот, кто умеет прыгать аксель, попадает сразу в рай, и только со мной система дала сбой?

Но я все же поклонилась. Как учили тренеры: одной стороне зала, повернуться – и повторить для второй.

Грудь тяжело вздымалась, неожиданная нагрузка далась непросто.

И там, среди толпы бурно обсуждающих меня людей (и не только), я увидела Дэваля. Они с Самаэлем, похоже, уже закончили тренировку. И сейчас парень, вокруг которого само собой образовалось пустое пространство, мрачно смотрел на меня, не отрывая взгляд. От него веяло холодом сильнее, чем ото льда у меня под ногами. Тяжелым холодом, смешанным с ненавистью. В очередной раз я спросила себя «за что?» и снова не нашла ответов.

Дэваль словно ненавидел меня лишь за сам факт существования. И, в отличие от остальных, не хлопал, лишь тонкие губы скривила

презрительная усмешка.

Но я не собиралась отводить взгляд. Ответила ему лишь легким кивком. А затем раздался голос его брата:

- Впечатляющее представление, страж Даркблум. Ты закончила? Может, вернешься к обязанностям?

А вот и начальство, не оценившее перфоманс.

- Твой перерыв закончился, - сказал Самаэль. – Останешься без обеда по собственной вине.

- Да и плевать. – Я устало улыбнулась. – Это того стоило.

4.3

Мне не досталось не только обеда, но и ужина. Когда я закончила разгребать стол и от корки до корки прочла брошюру «Инструкция Стража Предела», на город-замок опустилась тьма. Столовая давно закрылась. Надежда поужинать где-то еще растаяла почти сразу же, когда на одной из улиц мне открылась унижительная и печальная картина.

Какой-то парень безуспешно ломился в двери ресторанчика. Снова и снова они закрывались перед его носом, выталкивая его на улицу.

- Я ничего не сделал! Не заслужил!

В сердцах он пнул несчастную дверь, но та осталась глуха к мольбам и оправданиям.

- Что? – рыкнул парень, заметив, как я пялюсь. – Не прогуливай работу, жрать будет нечего!

И я поспешила ретироваться.

Какой-то у них неправильный справедливый мир. Значит, изводить любовниц отца – страшный грех, а не давать человеку после работы еды – справедливая система загробного мира?

- Кажется, у кого-то белое пальто запачкалось, - фыркнула я.

За пятнадцать минут катания я стерла себе ноги, и это стало неприятным открытием. Нет, не мозоли: разносить новые профессиональные коньки – это всегда боль, кровь и мат. А вот то, что даже после смерти нельзя избавиться от неприятных ощущений, печалило. Хотя я и так это знала. Но до последнего надеялась.

Так что я шла по мокрой от дождя мостовой, в одной руке держа пару форменных балеток, а в другой – новенькие коньки. От воды

мозоли саднило, но я ни за что не променяла бы минуты счастья на льду на здоровые ноги. Я как будто одним глазком заглянула туда, в счастливое прошлое.

Жаль, папа не видел, как я каталась на льду замерзшей реки. Он улыбнулся бы, вспомнив о нашем первом походе на каток. Город каждую зиму устраивал его на замерзшем озере.

Стикс, к слову, вернулся в исходное состояние. Ничто не напоминало о толстой корке льда со следами от лезвий. Несмотря на пьянящее счастье, я немного грустила: случится ли подобное еще хоть раз? Мне так и не удалось выспросить у Самаэля, часто ли подобное происходит. Он наотрез отказался со мной разговаривать, до конца дня скрывшись в кабинете.

Когда я подошла к общежитию, ночь уже вступила в свои права. Я поспешила войти в здание, чувствуя себя немного неуютно на пустой улице. Жизнь билась где-то вдали, в самом центре. А здесь... порой казалось, что я одна живу в старом крыле с заваленными хламом комнатами.

Я вытащила ключ, привычно окинула взглядом гору чужого барахла, и замерла, не успев взяться за ручку.

К двери на толстую острую кнопку с медным наконечником была приколотта открытка из черной, приятной на ощупь, бумаги.

Малиновые буквы внутри гласили:

«Для Аиды Даркблум.

Страж!

Ожидаем тебя на ежегодном «Маскараде Мертвых» в Канун Дня Всех Святых.

Помни о правилах:

1. Строжайше запрещено говорить о приглашении
2. Все, происходящее на Маскараде, остается между приглашенными
3. Получи максимум удовольствия... или погибнешь».

5.1

Что с ним стало?

Он всмотрелся в отражение и нервно рассмеялся. Волосы растрепаны, под глазами залегли круги. Сейчас он куда меньше тренируется и в разы меньше работает. Медленно катится в аид.

Еще недавно Дэваль Грейв был лучшим из Стражей Предела.
Так повелось с самого начала.

Самаэль Сонг – прекрасный начальник, организатор, наставник.
Глава министерства, старший сын и гордость Повелителя Мертвых.

Дэваль Грейв – наследник, лучший страж, самый одаренный из детей Вельзевула.

И Дарий. Младший, самый слабый, зато один из немногих, кто умеет чувствовать искусство. Редкий дар для проклятых иных.

В какой момент он так изменился? Когда из хладнокровного стража, не позволившего ни единой темной душе себя коснуться, он превратился в юнца, сводящего счеты с девчонкой? Взрывающегося от одного взгляда на нее.

Дэваль Грейв считал, что видел все проявления человеческой мерзости. Он отправлял в аид маньяков, диктаторов, убийц и насильников. Порой они молили о пощаде, порой проклинали. Все без исключения жаждали утянуть его в свой мир тьмы, сделать одним из мечущихся от ужаса душ. Единственное, что Дэваль испытывал к проявлениям смертных эмоций: презрение. Души сделали свой выбор. Променяли шанс на Элизиум на ублажение своих внутренних демонов.

Он был выше их. Лучше. Сильнее.

До появления девчонки.

Незадолго до ее смерти отец собрал их и объявил:

- Скоро в нашем мире появится девушка. Аида Даркблум. Она нужна нам, она – ключ к Элизиуму. Она моя дочь и ваша сестра.

Потом мир перевернулся.

Сестра.

Сестра.

Он повторил это слово тысячу раз, но ревность, посаженная отцом, превратилась в ненависть.

О, да, Дэваль Грейв ненавидел сестру. За то, что появилась так внезапно. За то, какие чувства вызывала у Повелителя. Какие он никогда не испытывал к своим сыновьям. За то, что служила прямым доказательством измены. За то, что существовала.

Он пытался убедить себя не трогать ее, забыть, сделать вид, что Аиды Даркблум не существует. Но все же поперся к Стиксу, увидел ее – и с тех пор не мог выбросить из головы.

Аида.

Он катал имя на языке, пробуя на вкус. Аид ассоциировался с гнилым и темным местом. С самыми жуткими кошмарами. Никак не с хрупкой девчонкой.

Такая дерзкая, самоуверенная. Ничуть не похожая на них. Словно кто-то задался целью создать максимальную противоположность наследникам Вельзевула.

Русая, невысокая, с нахальной улыбкой. Совсем худая и маленькая, невинный ангелочек внешне. И настоящая стерва внутри. Жаль, отец успел перехватить ее внизу. Сестричке бы понравилось в аду. Там ее давно ждут.

В ярости Дэваль смахнул с умывальника флаконы, а затем что было сил ударил по зеркалу.

Он не обманывал сам себя. Аида Даркблум – наследница Вельзевула.

Не он.

Ненависть к новоявленной сестре сильнее разума, сильнее силы воли. Стоит закрыть глаза – и ее силуэт, скользящий по льду, овладевает разумом. Длинные ноги, тонкая талия, грудь, рисующие замысловатые узоры руки.

И снова виток отвращения, но уже к себе.

Дэваль помнил, как жадно смотрел на капельку, стекающую по ее бокалу на полные губы и ниже, по шее до контуров ключицы. Как наслаждался ее страхом в том старом парке и частью себя страстно желал, чтобы она начала умолять.

А она с проклятиями уехала вниз, вернувшись еще сильнее и наглее. Да она объявила ему войну!

Дэваль устало прислонился лбом к зеркалу.

От прежнего стража не осталось и следа. Ему на смену пришел истеричный подросток.

Пора развеяться. Прийти в себя, выбросить из головы Аиду Даркблум. Вспомнить, кто он такой и какая кровь течет в его венах. Иной. Страж Предела. Сын Повелителя Мертвых и Лилит. Дэваль Грейв, единственный, кто может как спуститься в аид, так и подняться в мир смертных.

Нет ничего лучше, чем выпустить пару темных душ и хорошенько повеселиться, загоняя их обратно.

В голове вдруг возник образ презрительно усмехающейся Аиды.

Но усилием воли Дэваль заставил себя о ней не думать.

5.2

- Что ты знаешь о Маскараде Мертвых? – спросила я у Шарлотты, когда утром мы пили кофе в подвале колледжа.

Оставшись без обеда и ужина, наутро я встала за три часа до начала занятий, голодная как волк. И как только столовая в цоколе открылась – влетела за едой, попутно размышляя, что природа могла бы и продумать этот момент. Почему после смерти так хочется есть? Кажется, истории о зомби – отголоски опыта жизни в магическом мире.

На удивление почти сразу же ко мне присоединилась Шарлотта. Мы облюбовали дальний столик, добыли завтрак и сели болтать.

Столовая производила гнетущее впечатление. От каменных стен веяло холодом, в крошечное окошко под самым потолком едва пробивался утренний свет. Ассортимент не радовал разнообразием: блины, каша, мясной рулет, чай, кофе и огуречная вода. Но лучше, чем ничего, и надо сказать, приготовлено было весьма прилично. Только грузная женщина на раздаче зыркнула как-то странно, но я лишь пожала плечами.

- Немного. Это закрытая вечеринка в доме Повелителя. Приглашаются только избранные и никто не знает, по какому принципу. О ней никто особо не распространяется, сама понимаешь, это ведь Вельзевул.

- Если честно, не понимаю, - ответила я. – Что такого секретного?

- Туда приглашают не последних людей. Самых сильных стражей, глав министерств, приближенных Повелителя. Не все из них будут рады сплетням о себе. Люди имеют право на конфиденциальность. В отличие от Земли, здесь к ней относятся строго.

Не последних людей? И зачем же пригласили меня?

- А почему ты спрашиваешь? – с легким подозрением в голосе спросила Шарлотта.

И я поспешила оправдаться:

- Просто услышала в министерстве разговор двух стражей. Обсуждали грядущий маскарад.

- Было бы круто хоть раз туда попасть, - мечтательно вздохнула Шарлотта. – Может, однажды...

- Ладно, забудь о вечеринке. Расскажи мне о Дэвале Грейве.

Подруга поперхнулась кофе и вздрогнула.

- Не связывайся с ним!

- Хм. Боюсь, уже поздно. Но все же поподробнее. Что за фрукт, чем знаменит? Как одолеть?

- Сын Вельзевула, наследник.

- Это я знаю. Как и Самаэль, и Дарий. Было у царя три сына. Старший умный был детина, младший был ни так, ни сяк, средний вовсе был дурак, - перефразировала я старую русскую сказку из числа тех, что читала мама.

- Нет, - Шарлотта помотала головой и кудри рассыпались по плечам, - не как Самаэль. Самаэль – старший, глава министерства. Правая рука Вельзевула. Очень сильный страж. У него огромный авторитет! Дарий – младший. У него редкий талант, он очень круто рисует. Обычно иные не способны к созиданию, но Дарий – приятное исключение. А Дэваль... его называют будущим Повелителем. Он гениален. Он не сильный страж, он лучший. Запечатывает прорехи одной левой. Его имя – страшилка среди темных душ.

Шарлотта мечтательно вздохнула, а потом прозаически закончила:

- Но характер кошмар. Меняет девчонок, как перчатки. Считает всех своими слугами. Знает, что хорош, и пользуется этим. Как и тем, что никто и никогда не посмеет ему возразить.

Я нервно рассмеялась и, под недоуменным взглядом Шарлотты, подняла руку.

- Ты что, серьезно? Ты уже успела нажать врага в лице Дэваля Грейва?

- Он первый начал. Понятия не имею, что я ему сделала. Подвалил познакомиться, угостил в баре, а потом... в общем, знакомства не вышло. Я ему пообещала веселую жизнь.

Теперь подруга смотрела с сочувствием. И все-таки средняя и старшая школа – отличная подготовка не только ко взрослой, но и к загробной жизни. Те же мальчишки-мажоры, которым все можно. Аутсайдеры за дальними столиками. Напыщенные взрослые, толкающие речи об экологичном общении и демонстративно не замечающие ни буллинга, ни деления на касты среди учеников. И даже школьный бал есть, пусть и назван Маскарадом Мертвых.

Идти или не идти?

Вечеринка у Вельзевула – это интересно, но вдруг мое приглашение – еще одна шутка от Дэвала? И он будет с удовольствием ржать над тем, как меня выставят на улицу?

В приглашении четко написано: запрещается рассказывать о нем кому либо. Правило бьется с рассказом Шарлотты, но вдруг все не так просто?

И не пойти обидно. Невыносимо любопытно увидеть, как развлекается местная элита! Одного ее представителя я уже видела, его развлечения мне не понравились. Может, другие удивят более приятно.

- Слушай, - спросила я, когда мы шли на занятия. – А если мне нужна одежда? Где добыть? Раз денег нет, то и магазинов нет?

- А тебе разве не выдали?

- Мне что, все время ходить в форме? Я же не в тюрьме! А если я хочу погулять с подругой? Выйти на пробежку перед сном? Сделать уборку? Или... не знаю, сходить на свидание, на вечеринку?

- Попроси у наставника разрешение взять что-нибудь в салоне.

- То есть магазины все же есть?

- Нет, скорее нечто вроде библиотеки, только с одеждой и другими принадлежностями. Если тебе что-то нужно, то можешь взять. Если разрешат, конечно.

- Класс, - вздохнула я. – Прямо коммунизм.

- Твой сарказм совершенно неуместен. Такая система решает множество проблем. Все эти деньги, цены, богатые и бедные – такая ерунда! Нам нужно учиться быть лучше. Чтобы как можно скорее попасть в Элизиум. Знаешь, что говорит мой наставник?

- Наверняка что-то очень нравоучительное.

- Сюда попадают разные души. Всем им дан второй шанс. Те, кто не способен измениться, отправляются в аид, с ними все просто. Те, кто может стать лучше, отправляются в немагические миры. А вот те, кто цепляются за этот мир: заводят семьи, друзей, дома, наполняют их вещами, они навсегда остаются здесь. И теряют способность перерождаться, а значит и шанс что-то для себя изменить. Не будь такой, Аида. Не позволяй этому месту стать твоим домом.

- Не пей, не кури, сексом не занимайся, сдохнешь злой, зато здоровой, - пробурчала я, но Шарлотта не услышала. Или сделала вид.

А ведь до сих пор никто так и не сказал мне, что собой представляет Элизиум. По обрывочным представлениям это такое

место с травкой и облачками, где бродят ошалевшие от счастья души. Надо будет выяснить поподробнее, а то, может, и стремиться туда не стоит?

Повезло, что я познакомилась с Шарлоттой. Харриет куда-то пропал, а без нее я никогда бы не нашла аудиторию для занятий по теории Предела.

- Это что такое? – спросила я.

- Изучаем работу стража. Вне зависимости от специализации мы должны знать, как работают стражи, проводники, судьи и так далее. Теория Предела, теория Стикса, теория Фемиды. Три основных предмета. Плюс управление энергией. История и право – общие для всех новичков. Ну и физическая подготовка. Прыжки из мира в мир очень вредны, телу нужно привыкнуть. Вот и все. Еще есть дополнительные занятия, но они будут доступны только если докажешь, что справляешься с программой.

- И откуда ты все знаешь?

- Наставник в первый день все подробно объяснил.

- Повезло.

- Да. Он замечательный. Очень помог мне принять все произошедшее и начать с оптимизмом смотреть в будущее. Надо будет вас познакомить. Может, и тебе поможет.

Я хотела было ответить, что смотреть в будущее с оптимизмом проще, когда тебе не угрожают ежечасно айдом, но благоразумно промолчала. Шарлотта не виновата в моем дурном настроении. В нем вообще не виноват никто, кроме меня самой.

Я просто не могу смириться с тем, что мертва.

Что не будет колледжа, путешествий, ледовых шоу. Что в самом лучшем раскладе я забуду обо всем, что любила и проживу новую жизнь. Что человек, оборвавший мое существование, разгуливает по коридорам колледжа и делает вид, будто все в порядке. Что несмотря на огромный мир, я никогда не найду в нем отца.

5.3

- Доброго утра, стражи и слушатели, - раздалось из коридора.

Шарлотта возбужденно пискнула, и в следующее мгновение я поняла, почему: в аудиторию вошел никто иной как Самаэль Сонг

собственной персоной. Окинул взглядом парты, удовлетворенно хмыкнул и сел за стол.

- В этом году курс теории Предела буду вести у вас я. Радостного в этой новости ничего нет, поздравлять не надо. Рекомендую подготовиться. И уяснить раз и навсегда: раздолбайства я не потерплю, объяснять дважды никому ничего не буду. Лекции не пропускать, задания выполнять, к экзаменам готовиться. Понятно?

Раздался очень нестройный и очень неуверенный хор голосов. Не то чтобы мы ждали от магистра Сонга песен, плясок и объятий, но можно было начать лекцию как-то помягче.

- Теперь все дружно встали и разделились. Те, кого записали в стражи, садятся по правую сторону. Кто слушает курс в рамках общего образования – по левую.

Некоторое время царила суматоха. Кто-то перепутал право с лево, кто-то забыл, к какой специализации приписан. Мы с Шарлоттой оказались по разные стороны аудитории, и я загрустила. Рядом с ней я чувствовала себя увереннее: если что, всегда можно было спросить. А теперь надежда только на себя. И, судя по взгляду, Самаэлю это нравится. Кажется, он для этого нас и рассадил.

- Первое и самое важное: стражи всегда работают в паре. Никогда. Ни в каких обстоятельствах. Ни за что. Вы не должны оставаться одни.

Мы притихли.

- Это основной закон стражей. Незыблемое правило, нарушать которое нельзя!

Надо ли говорить, что я это сделала буквально через несколько недель?

Впрочем, это стало не самой большой моей глупостью в жизни после смерти.

Итак, работа стража делится условно на несколько частей. Первая – работа в министерстве. Самая безопасная, зато легко можно получить на орехи. Стражи в министерстве следят за просветами в Пределе и своевременно о них сообщают. Как именно они это делают, Самаэль не объяснил, сказав, что это тема будущих лекций.

Затем сообщение об опасности прорыва темных душ получают стражи на местах. Их задача – держать опасные точки под контролем и, если что, запикивать душ обратно. Мы, конечно, живо представили

что-то вроде нашествия зомби, когда твари лезут через все щели снося все на своем пути, но Самаэль поспешил разочаровать:

- Для душ, запертых во тьме, не так-то просто выйти к прорехам. Как правило они дезориентированы и почти полностью безумны. Редкие случайно забредшие души не в счет, справиться с ними легко и просто. Ну а в случае массового прорыва, вам на помощь тут же придут сотни стражей. Но это не значит, что можно сидеть и ковырять в носу. Страж, работающий в кабинете, рискует шансом на новую жизнь. Страж, находящийся у Предела может обречь себя на вечные муки. Кхм... Да, Аида.

Я единственная, кто решился засыпать магистра Сонга вопросами.

- То есть души там, внизу, заперты навечно?

- Я так и сказал.

- И они не погибают?

- В исключительных случаях. Но далеко не каждый страж обладает силой убивать. И это не приветствуется.

- А это какое-то магическое место?

- Не понял вопроса. – Самаэль нахмурился. – Что ты имеешь в виду?

- Ну... вы его когда создавали, посчитали объем, площадь и все такое? Просто людей на Земле – больше восьми миллиардов. И злодеи как-то не переводятся. Не получится ли так, что однажды темных душ станет столько, что они задавят вас... то есть нас числом? Вы ведете учет?

- Да, мы ведем учет, - мрачно отрезал Самаэль.

И как-то я ему не поверила.

Потом нам рассказывали о всяких правилах типа «не дайте им вас коснуться» и «не оставайтесь одни».

- Не прикасайтесь к Пределу вы, ради всех миров! И двигайтесь четко по маршрутам.

Проще сказать, что можно делать, будучи стражем. А можно лишь подчиняться приказам и не задавать вопросов. Хотя про вопросы это я додумала, их задавать никто не запрещал.

- Тебе не страшно? – спросила Шарлотта на перерыве. – Ведь одно касание – и ты окажешься в аиде.

- Не знаю. – Я пожала плечами. – Мне кажется, все вокруг так часто упоминают аид, что я уже перестала воспринимать его как что-то ужасное. К тому же мой наставник – Самаэль. Уж он-то не позволит ни одной темной душе ко мне приблизиться.

Шарлотта посмотрела с интересом и загадочно заулыбалась, но я поспешила ее разочаровать:

- Не может же глава министерства ударить в грязь лицом и профукать стажерку. Его собственные подчиненные на смех поднимут.

- Думаешь?

Мы подскочили, а Шарлотта еще и взвизгнула от неожиданности. Самаэль подкрался бесшумно.

- А может, у нас как у машинистов поезда, за потерянного стажера компенсация и пара дней отпуска? Это все-таки стресс.

- Тогда приятно отдохнуть.

- Увы, - Самаэль притворно вздохнул, - не получится. Если тебя туда засосет, куда больший стресс будет у темных душ. Полезут на свет, как комары. И попросят политического убежища.

- Ой как смешно! – скривилась я. – Чувство юмора у вас семейное.

- Не то слово, - усмехнулся Самаэль, а затем повернулся к Шарлотте. – А вы...

- Гринсбери. Шарлота Гринсбери, проводник. Точнее, помощница. Работаю на Стиксе.

- Не слышал, но уверен, что справляетесь замечательно.

Шарлотта покраснела от смущения, а я почему-то испытала досаду. Мог бы и меня похвалить. Хотя я не справляюсь никак, я вообще сбежала с тренировки.

Может, мне и правда стоит поискать того, кто поможет смириться с тем, что отныне этот мир – мой дом. А когда время в нем подойдет к концу, Аида Даркблум исчезнет. И на ее место придет совершенно другая девушка (черт, я даже не знаю, девушка ли!). Да, с отголосками опыта Аиды, но другая. Не я. Я – умру, хотя все вокруг будут считать это продолжением жизни.

Всю следующую пару мы изучали технику безопасности на наглядных примерах. Я бы назвала эту лекцию данью уважения человеческой тупости. Стражи погибали, на спор касаясь Предела,

засыпая на посту, устраивая вечеринки и пьянки там, где устраивать их было не положено.

- Самоуверенность всегда приводит вас в аид, - сказал Самаэль. – Как только вы смотрите на темную душу и чувствуете власть над ней, как только ощущаете превосходство. Как только превращаетесь в бога, владеющего чужой судьбой, вы уже в аду. Это ваш первый шаг. Свернуть и спастись не удалось никому.

На этой оптимистичной ноте нас отпустили дальше, на урок истории и физподготовку. А потом, когда Шарлотта снова унеслась к наставнику, меня поймал Харриет. Он вызвался проводить меня до рабочего места и даже галантно забрал сумку, чем немного растопил лед между нами – я все еще не доверяла навязанному другу.

- Ну что, как первые дни в колледже и в министерстве?

Как? Понаблюдала за дракой двух наследников Повелителя Мертвых, каталась на коньках по замерзшей реке, получила странное приглашение на маскарад, о котором нельзя рассказывать, отсидела пары и жутко хочу есть. А еще вынашиваю план проникновения в архив, чтобы узнать о судьбе папы и, возможно, отыскать его.

- Нормально.

- Не слышу в голосе энтузиазм. Веселей, Аида! Это начало твоей новой жизни!

Вот только я не просила лишать меня старой. Но Селин Сонг почему-то решила, что вправе это сделать. И теперь вокруг меня развешана паутина лжи. Или лапша, что больше соответствует происходящему.

- Первые дни всегда непросто, - по-своему истолковал мое молчание Харриет. – Вот что, давай сегодня после работы развеемся. Сходим в бар, посидим, выпьем.

- Давай, заодно повеселишься с того, как мне по носу хлопнет дверью. Я вчера видела, как какого-то бедолагу не пустили поесть.

- Именно поэтому я предлагаю пойти со мной. Со мной тебя пустят. Соглашайся! Будет весело. Неподалеку есть бар, в нем все наши зависают после работы. Тебе надо вливаться в коллектив.

- Хорошо. Пойдем.

- Кстати, что у тебя такое тяжелое в сумке? Камень на случай встречи с Грейвом?

Еще один шутник.

- Коньки.

Себе я сказала, что надеюсь на замерзший Стикс снова, но на самом деле просто не хотела оставлять сокровище без присмотра. Вряд ли Харон согласится добыть мне еще одни. У него столько желаний не найдется.

- Ты напрасно цепляешься за прошлое, - покачал головой Харриет.

- Больше цепляться не за что.

Горгульи на входе привычно расступились. Показалось, одна из каменных статуй будто оскалилась в улыбке. Но когда я присмотрелась, каменное лицо было совершенно неподвижным.

Стражи в загробном опенспейсе снова не обратили на меня никакого внимания. То ли у них здесь новички не задерживались и коллектив не считал нужным знакомиться, то ли девчонок не жаловали, то ли Самаэль специально отбирал резюме душ-интровертов. Пожав плечами, я села за свой стол, и стала изучать карту.

Увы, но лист со схемой улиц и корпусов не дал ровным счетом никакого представления о том, как попасть в архив. Есть ли там охрана? Получится ли соврать что-нибудь убедительное? И где искать нужную информацию, если вдруг окажусь внутри. Какая там система? Каталог? Как хранятся данные? Этот мир не слишком-то похож на технологический, я до сих пор не видела ни транспорта, ни средств связи.

Кстати, о мире.

- Даркблум, зайди, - раздалось из кабинета Самаэля.

Несколько стражей с интересом на меня посмотрели.

- Переоденься в форму, - скомандовал наставник. – И захвати в буфете внизу немного воды.

- Зачем? Снова будешь швырять меня об пол?

- Ты можешь просто выполнять приказы?

- Если скажу «да», расскажешь, что будем делать?

- С каких пор мы перешли на ты?

- С тех самых, когда твой брат пытался меня убить, а ты назвал сестренкой, поваляв по полу. Что? Я умерла во цвете лет, отношений с мужчинами ближе у меня еще не было.

Показалось, Самаэль готов был что-нибудь в меня кинуть. Вообще порой я думала, что бешу его едва ли не больше, чем Дэваля. Просто

Самаэль взрослее и сдержаннее. И что же я так всех раздражаю? Это моя суперспособность, что ли?

- Мы пойдем к одной из прорех Предела. Чтобы ты своими глазами взглянула, с чем предстоит работать.

Я едва не подскочила от восторга. Пожалуй, стоило испугаться или занервничать, но я, к собственному удивлению, испытала приятное будоражащее предвкушение. Предел! Я снова увижу Предел!

Сама не знаю, почему мерцающая завеса так врезалась в память. И почему вдруг к ней нестерпимо потянуло. Но, пока я ждала воду в буфете, едва ли не подпрыгивала от нетерпения.

Самаэль ждал у лестницы, но, к моему удивлению, повел не к выходу, а куда-то вниз, по многочисленным узким коридорам и старым лестницам.

- Аид – это только подземелья? – спросила я.

- Нет, в некоторых местах он захватывает и поверхность, но Предел защищает остальной мир.

- А откуда вы вообще знаете, как там все выглядит? Что души дезориентированы, что там темно и запутанно? Если никто оттуда не возвращается.

- Это закрытая информация, - ответил Самаэль.

- В смысле?

- В смысле, у нас тоже есть секретные документы, разведка и все такое. Эти вопросы целиком и полностью во власти Повелителя.

- Ага. Ладно, а что за пределами города? Ведь это место – не весь мир, так? Иначе он довольно грустный и крошечный.

- Юг – это Элизиум. Он закрыт Светлым Пределом. Завеса, защищающая райский уголок от тех, кто его недостоин. Север – безжизненные холодные земли, ничего интересного там нет. Мортрум находится в оптимальной зоне. Между нами, югом и севером – тысячи, или даже десятки тысяч, мелких городков. В основном в них селятся иные, однако иногда туда получают назначение и души. Твоя подруга работает на Стиксе, ей повезло, что нашелся наставник в черте города. В остальном ничего интересного там нет.

Выходит, общество разделено на две условные расы. Души – те, кто умеет переезжать (пусть и на время) в другие миры. Иные – те, кто этой способности лишен. Власть сейчас у иных, поэтому души пашут в надежде заработать место в раю, а иные... Иные рулят процессом.

- Почему образуются прорехи?

- Мы не знаем. Истончается магия, может, это естественный процесс. Пока никто так и не понял.

Может, не стоит запечатывать всех магов? И тогда найдется какой-нибудь толковый, кто сможет разобраться? Жаль, никто не спрашивает моего мнения.

- Итак, Вельзевул спустился в ад, лично сторожить Предел. Иные, приближенные к нему, решают судьбы душ. Души хранят Землю. Все?

- Да. Примерно так.

- А мне можно посмотреть остальной мир?

- Зачем?

- Не знаю. Интересно. На Земле люди в выходные выезжают на природу, к озерам, на море. В деревню или в кемпинг. Выбираются на пикник, чтобы отдохнуть от городской суеты. Посещают достопримечательности.

- Вот только наши достопримечательности, - хмыкнул Самаэль, открывая очередную дверь, ведущую в темный коридор, - в основном архитектурные. Наша природа скудна и однообразна. Невысокие деревья, мало кустарников, травы, совсем нет цветов. Единственная река, питающая земли – Стикс. У нас нет морей и прекрасных озер, высоких гор, водопадов. Только города. Мортрум, город-замок. Виртрум – парящий город. Анимартрум – город на Стиксе. Ну и, пожалуй, Малум – мертвый город, единственный древний, сохранившийся до наших дней. Остальные даже не имеют названий. Ты сможешь посетить эти места, но прежде нужно себя зарекомендовать.

- Да, а не то городские ворота дадут мне по лбу, я поняла, - вздохнула я.

Вот что интересно: во все помещения и коридоры Самаэль входил первым. Можно было списать все на недостаток воспитания, ведь его отец спустился в ад и забил на сыновей, предпочтя охранять магическую шторку. Но в министерстве наставник придерживался ровно противоположных принципов. Значит, не так уж и редко души выбираются на свободу.

Слабый свет я увидела еще за несколько поворотов до зала с прорехой в Пределе. Вопреки всем законам физики, свет струился по коридору, огибая углы. Блестящие частички зависли в воздухе, словно

приглашая окунуть в них руку и взболтать, как шиммер в ванне, но я, помня о предостережении не касаться Предела, не рискнула.

- Знакомься, один из просветов или прорех – как удобнее, - сказал Самаэль.

В глубине огромного подземного зала слабо мерцала завеса. Совсем не такая яркая, как виденная мной после спуска в вагончике. Но даже при виде этой я ощутила, как внутри все перевернулось. На миг почудились темные, сотканые из тьмы, руки, тянущиеся из прорехи к нам. Но, конечно, то были всего лишь игры воображения.

- Под Мортрумом целая сеть подземных тоннелей. Большинство из них вполне безопасны. В норме Предел невидим человеческому глазу. Там, где магия не истончена, ни души, ни иные, не видят ничего, кроме глухой стены. Но если сила чуть ослабевает, появляются вот такие окна. Они становятся заметны не сразу. Сначала это легкий свет, рассеивающий непроглядную тьму. Затем он становится осязаемое, превращается вот в такую завесу. Она уже опасна, и за ней требуется контроль.

- И почему здесь никого нет? – спросила я.

- Она только появилась. Ее недостаточно, чтобы какая-то душа прорвалась. Я должен оценить масштаб проблемы и назначить стражей.

По коже прошелся мороз. Я не могла отвести взгляд от Предела, замороженная непостижимой силой.

- Но вы умеете их запечатывать?

- Некоторые из нас.

- Дэваль?

- Да, - в голосе Самаэля промелькнул холодок. – Мой брат – один из немногих, способных на это.

- И почему мы просто не можем вызвать сюда его? Пусть поработает, а то явно некуда девать энергию.

- Это очень небольшая прореха. Пока что достаточно стражей возле нее. Внимания Дэваля требуют куда более опасные места.

- Начинаю понимать, откуда у него такая самовлюбленность. Даже не скажешь, что мир вращается не вокруг него. Сочувствую, крепись.

- Я польщен, - усмехнулся Самаэль. – Скоро ты присоединишься к какой-нибудь паре стражей. Тебе нужно научиться стоять в дозоре. Еще не решил, к кому именно, но в ближайшее время решу. Пока что

не стоит ставить тебя полноценным напарником. Во избежание. Да, кстати, за оставление напарника-стража или срыв дозора следует мгновенная отправка в ад.

- И почему я не удивлена?

- Все, идем. Больше здесь не на что смотреть. Покажу тебе штаб стражей и отчетность. Будь осторожна, во многих коридорах нет освещения. Так проще искать новые прорехи.

Самаэль привычно направился вперед, не сомневаясь, что я поспешу следом. Но прежде, чем нырнуть за наставником в очередной тоннель, я обернулась, чтобы еще раз взглянуть на Предел.

На долю секунды его сияние словно стало ярче.

- Аида... - пронесся по залу тихий женский шепот.

А затем все смолкло.

6.1

На этот раз Стикс замерзла вечером. Словно высшие силы знали: меня продержат допоздна, и даже Харриету придется больше часа ждать у дверей. На его месте я давно бы сбежала, но, кажется, я сильно недооценила навязанного друга, и он был человеком слова. В бар, значит в бар!

- Тяжелый день? – спросил он, когда мы шли вдоль реки.

- Водили смотреть на Предел. И показывали, сколько бумажек нужно заполнить, чтобы тебе засчитали смену и разрешили поужинать. И знаешь, какая мысль меня посетила?

- М-м-м?

- Вы мне врете.

Это сейчас показалось, или Харриет как-то слегка притормозил и ошалело на меня уставился? С чего бы?

- Все это, - я обвела глазами улицу, - вместе с вашим Пределом, Вельзевулом, наследниками, принудительной работой – не изнасилование здравого смысла, а... ад.

- Чего?

- Ну да. Обычный такой скучный ад для скучной Аиды. Я умираю, попадаю в ад, и он вот такой: как будто специально созданный, чтобы каждый напоминал мне, что я не была хорошей. Чтобы жила в постоянном страхе отправиться в кошмарное место и усердно работала, чтобы окончательно умереть ради новой жизни.

Эдакое колесо для хомячка. Поэтому все вокруг делают мою жизнь здесь невыносимой. Чтобы помучилась. Ну как тебе теория?

- Никогда не слышал большего бреда. Ну а я в твоей теории за что страдаю?

- А ты – симуляция. Может, я даже не умерла, а нахожусь в коме, и мой мозг генерирует всю эту чушь.

- Да, очень похоже. Я даже начинаю тебя побаиваться.

В этот момент вода на реке покрылась толстой коркой льда и я, взвизгнув, побежала переобуваться.

- Да, конечно, я подожду, весь я совсем не голодный и не уставший после длинного рабочего дня, - вздохнул Харриет и взял мою сумку.

Меня уже не пытались затащить наверх, весть о сумасшедшей, гоняющей на коньках по реке мертвых, облетела весь Мортрум. Сегодня я откаталась еще более волшебнее, чем вчера: в окружении ночных огней города-замка. Народ толпился у перил, наблюдая, как я раскатываюсь, а потом открылась дверь одного из баров – и музыка пролилась на набережную.

Я не могла упустить такой шанс!

Хотелось верить, что впервые в истории на льду Стикса под музыку мертвых исполнялся танец на льду. Осознание того факта, что я уже умерла, и еще раз умереть не так-то просто, придало мне сил и уверенности. Тот страх, инстинкт самосохранения, что часто мешает взрослым фигуристам, не исчез, но притупился. И я чувствовала себя почти всемогущей.

Ну и свалилась с акселя.

Народ наверху испуганно ахнул, но я привычно вскочила на ноги и понеслась дальше. Кружиться, скользить, летать. Потрясающее ощущение!

- А вот теперь, - улыбнулась я Харриету, когда остановилась, поняв, что в легких закончился воздух, - можно и выпить.

Когда переобувалась под любопытными взглядами прохожих, спросила:

- Почему Стикс замерзает? Каждый раз в разное время?

- Понятия не имею, такого еще не было.

- Seriously?

- Да. Началось с твоим появлением. Как это стыкуется с твоей теорией о том, что ты в аду?

Сначала я хотела привычно съязвить, но передумала. Тело приятно ломило, сердце стучало от нагрузки, легкие раскрылись, и свежий вечерний воздух казался удивительно вкусным. Стало так хорошо, зачем все портить?

Бар, куда любили заходить сотрудники министерства, мне тоже понравился. Огромное помещение вдоль стен окружали высоченные колонны с горгульями в основаниях. Каждая держала по два подноса с башенкой шотов. Вдоль длинной барной стойки сидели стражи, на небольшом возвышении за невысокой витражной ширмой – проводники, а на втором ярусе, куда вела причудливо изогнутая винтовая лестница, висели магистры. Других я не узнала, только тех, кто в форме, но их было достаточно, чтобы прикинуть, что к чему.

Большая дверь в дальнем конце зала вела на веранду, откуда открывался вид на город. Там мы и обосновались. Единственное место в баре, где можно было спокойно говорить, не перебивая гвалт и музыку.

- Что будешь? – спросил Харриет.
- Не знаю. Попроси что-нибудь кислое.
- А поесть? Что-нибудь сладкое?
- Не угадал. Мясо! У вас же есть мясо?
- Найдем. Жди здесь, принесу.

Харриет ушел в зал, а я осталась любоваться городом и посетителями. Ночные огни всегда меня завораживали. Как-то раз мы с отцом ездили на выходные к океану. Разбили палатку на берегу, рассматривали звезды, сверяясь с приложением, показывающим карту звездного неба. А еще наблюдали за огнями в горах: проезжающими машинами, фарами рассеивавшими ночную тьму. Кажется, если закрою глаза, наяву услышу шум воды, бьющейся о камни и шелест листвы. А еще мягкий размеренный голос отца, рассказывающего об очередном созвездии. Я никогда не умела видеть их на небе, но делала вид, что умею. Чтобы папа мной гордился.

- Вашему образу не хватает бокала.

Я оторвалась от созерцания панорамы и подняла взгляд. С легкой улыбкой на лице у столика стоял Харон, держа в руке два бокала.

- Позвольте вас угостить?

- Эссенция желаемого? – Я узнала жидкость в бокале.
- Уже пробовали? Надо же, а я думал, получится вас удивить. Я вспомнила, чем закончился ужин с Дэвалем, и поежилась.
- Не надо меня удивлять.
- Можно? – Харон кивнул на стул.
- Валяйте, но драться за него с Харриетом будете сами.

По-видимому Харон не слишком боялся гнева моего приятеля. Он поставил передо мной бокал и сел напротив.

- Могу спросить, о чем вы думали, когда я подошел? На вашем лице, мисс Даркблум, застыло несвойственное вам выражение грусти. Обычно ваши глаза горят огнем борьбы, а не тоской.

- Просто любовалась городом. Вспоминала жизнь. Жаль, что у вас совсем нет природы. Я скучаю по океану, горам, лесам, озерам. Жалею, что мало обращала на них внимание и не ценила. Сейчас бы все отдала за денек в палатке.

- Кажется, вы на верном пути. – Харон усмехнулся.

Сегодня эссенция подарила мне насыщенный вкус яблока, личи и лайма, щедро сдобренных чем-то крепким. Идеально освежающий коктейль. Главное не переборщить, а не то утром придется ползти на учебу с мыслями о том, что Предел и аид – не такая уж плохая перспектива.

- Скажите это Самаэлю.

- О, магистр Сонг не нуждается во взгляде со стороны, это я могу сказать с полной уверенностью. Дайте его опыту шанс, Аида. Он никогда не ошибается.

Очень хотелось ляпнуть насчет неудачного брака, но раскрывать карты перед Хароном было бы глупо. Я решила до поры до времени придержать информацию о том, что знаю, кто убил меня. А проводник в старомодном костюме – не лучшее доверенное лицо. Кто знает, кому верен Харон и не стучит ли он прямым ходом Самаэлю или Вельзевулу? Или Селин...

- Вот, вы снова задумались, - улыбнулся он. – Непростая неделя, понимаю. Сначала всегда тяжело. Но вы неплохо держитесь, а еще, мисс Даркблум... о вас говорят.

- Обо мне? И что именно?

Интересно, здесь есть закон о приличном поведении в обществе? Вряд ли говорят исключительно хорошее. Скорее с презрением тянут

«суч-ч-ч-ч-ка-а-а-а», как было в школе.

- Разное. Много. Постоянно. Я так понимаю, вы уже опробовали мой подарок.

- Не подарок, а товар, Харон, я должна вам желание. Это не жест доброй воли.

Харон рассмеялся.

- И то верно. С вами приятно иметь дело, мисс Даркблум. Люблю тех, кто помнит о своих долгах. Кстати о них.

Он оглянулся. В открытые двери было видно, как через толпу, держа в руках два бокала, пробирается Харриет.

- Ваш друг возвращается. Пожалуй, я слишком стар, чтобы драться с ним за место, хотя вы, Аида, определенно этого стоите. Но...

Он наклонился, чтобы поцеловать мне руку.

- Прежде, чем я вас покину, хочу озвучить свою цену за ваши чудесные новенькие коньки.

- И что вы хотите? – холодно спросила я, хотя сердце забилося, как бешеное.

- О, ничего необычного. Примите приглашение, что недавно получили. И мы будем в расчете.

Я не успела справиться с шоком и забросать Харона вопросами, он так быстро ушел, буквально растворился в толпе! Мы с подошедшим Харриетом дружно проводили его взглядом.

- Чего от тебя снова хотел этот проводник? Как-то слишком часто он с тобой говорит.

Тут Харриет заметил бокал и нахмурился.

- Ну вот. Эссенция. Он угостил тебя эссенцией.

- Это очень плохо? – спросила я, уж очень вид у Харриета был поникший. – Что не так с эссенцией?

После знакомства с Дэвалем стоит ждать подвоха сразу ото всех.

- Нет, - Харриет тряхнул рыжей головой, - просто эссенция – дорогая штука. Не всем доступная. Я, понимаешь, выбирал тебе самое кислое, а он пришел, махнул рукой – и у тебя ровно то, что ты хочешь.

Я рассмеялась и, схватив бокал, вылила за перила террасы.

- Давай сюда свое кислое.

На вкус коктейль оказался редкостной бурдой, но пришлось изображать энтузиазм. Я даже себя не узнала. Притворяюсь, что мне вкусно, чтобы не расстраивать парня, который меня угостил? О, Аида

Даркблум, куда ты катишься? Еще немного и перестанешь выбрасывать батарейки в мусор.

- Значит, Харон – уважаемый член общества. Раз может позволить себе угостить девушку дорогим напитком.

Прежде, чем ответить, Харриет задумался.

- Он странный. То есть, конечно, уважаемый, Харон провел через Стикс многих из нас. Самаэль прислушивается к его мнению. Но он какой-то... себе на уме. Вот Селин Сонг – она уважаемый магистр, талантливая, супруга главы министерства. Она открытая, участвует в жизни города, преподает. Использует свой дар на полную. А что Харон?

- Снимает девиц в барах, чтобы вновь почувствовать себя молодым?

- Отказывается преподавать, обучать проводников, всегда работает один, скрытный, молчаливый. Он странный, говорю же. Занимается только работой – и все.

- Кошмар. Страшный грех. А по мне, те, кто после работы идут в местную театральную студию, чтобы ставить там пьеску о счастливой посмертной жизни куда больше напоминают маньяков. Что плохого в том, что чувак просто работает, никого не трогает и не хочет нести мудрость новым поколениям?

Харриет пожал плечами, а я подумала, что Харон не только работает. Еще таскает контрабанду и собирает со всех желания. Зачем ему мое присутствие на маскараде и не он ли послал приглашение?

- Мы просто не любим таких, как он, - наконец со вздохом признался Харриет. – И оправдываем нелюбовь, как можем.

- Таких – это...

- Некоторые иные обладают особым даром перемещаться в немагические миры без потери памяти. Ненадолго. Достаточно, чтобы подхватить растерянную душу и перевести ее к нам. Ну и по разным поручениям от министерства. Это опасный дар. Ваш мир манит и предлагает то, что нам недоступно. Многие иные выбирают его... остаются навеки там, где им нет места. А мы завидуем. Харон – один из таких иных. Но он верой и правдой служит Повелителю много сотен лет. Почему?

- Так он живет на два мира, - пожала плечами я. – А перейдет – в одном станет предателем, во втором – изгоем.

А вот у Селин Сонг, похоже, тот же дар, только она его почему-то тщательно скрывает. И ходит на Землю не чтобы переводить новые души через Стикс, и даже не полюбоваться морем. А чтобы подкараулить расстроенную девятнадцатилетнюю девушку и убить.

Я сжала ножку бокала с такой силой, что едва не сломала ее. Харриет наверняка задался бы вопросом, с чего я вдруг так побледнела, если бы в этот момент музыка не смолкла, прерванная грохотом открывшейся двери.

- Ну и какой идиот решил облить меня с балкона?! – поинтересовался Дэваль Грейв.

6.2

Впервые в жизни я увидела, как человек – Харриет округлил глаза - седеет на глазах.

Обведя взглядом зал, Дэваль быстро сообразил, откуда исходила угроза, неторопливо вошел на веранду и безошибочно определил, кого назначить виноватым. Меня буквально окатило его холодной яростью, но если бы я каждый раз, когда какой-то мажор недоволен, впадала в панику, померла бы от стресса раньше и растворилась в атмосфере.

Поэтому я холодно кивнула (папа учил быть вежливой) и продолжила потягивать коктейль.

Разумеется, Дэваль прикинул, откуда прилетел снаряд, сопоставил с расстановкой столиков и направился уже прицельно к нам.

- Ты...

- Мы. Я тут не одна.

Харриет уточнению не обрадовался, а мне вдруг стало весело.

- Ну и кто из вас это сделал?

- Сделал что? – вежливо поинтересовалась я.

- Как тебе идет образ дуры, - усмехнулся Дэваль. – Хотя, может, это и не образ вовсе? Значит, не ты? А кто? Он? Или может...

И тут на свое несчастье официантка в длинном белом форменном платье, чем-то напоминающем саван, принесла мое мясо, из-за чего стала невольной жертвой наследникового произвола. Дэваль схватил ее за руку и несильно дернул, притягивая ближе.

- Может быть, она?

- Я ничего не сделала, страж... - пискнула девица.

Тем временем музыка смолкла, а взгляды присутствующих обратились к нам.

- Не может быть, чтобы чистая душа, страж, подопечная самого Самаэля Сонга, вела себя столь безобразно, верно? Обливать людей с балкона – удел безмозглой прислуги, так?

Я молчала. Харриет и официантка смотрели одинаково огромными глазами, народу вокруг не хватало попкорна, а Дэваль наслаждался производимым эффектом. В том числе и на случайно попавшую под раздачу девчонку. Он словно подпитывался ее страхом, одной своей близостью ввергая в ледяной ужас. Но ее эмоций ему было мало. Дэваль хотел мои. А с ними не работал излюбленный способ всех избалованных принцев «папа, ну купи, купи, купи!».

- Думаю, мне стоит ее наказать. Заставить отрабатывать испорченную куртку. Может быть, если будет стараться, я ее прощу. Что скажешь, Аида?

Я рассмеялась. Не то чтобы это добавило мне политических очков, большинство явно ждало, что ради спасения чужой чести я должна покаяться и компенсировать уроду все неудобства. Но этот вариант вообще не пришел мне в голову.

Дэваль, конечно, умел владеть собой, но даже его мой смех вверг в недоумение.

- Ты, кажется, впервые встретил кого-то, кто очень похож на тебя. – Я отправила в рот кусочек мяса и пожевала. Неплохо. В меру сочно, в меру поджаристо. Идеальный посмертный стейк. – Мне плевать, что ты будешь делать. И на нее мне плевать. И на куртку твою. Можешь хоть весь бар заставить тебе отсосать, уважать тебя от этого не станут.

- Что, прости?

- Ой, а ты думал, тобой все восхищаются? Или что... ты для кого-то авторитет? Сделал в своей жизни что-то важное, не знаю, у тебя есть какие-то заслуги, за которые тебя можно уважать? Ну кроме того, что ты умудрился родиться в нужной семье. Что? Ничего? Ни одной? Пустота?

Я вздохнула с притворным сочувствием.

- Тогда действительно остается только продолжать быть уродом, которому все можно лишь потому что он умеет жаловаться папочке. Иди уже, куда хочешь, наказывай, кого хочешь. Воруй, насилуй, убивай, пей капучино на банановом молоке. Культивируй страх, раз

это единственный понятный тебе способ добиться желаемого. Правда, бешеную собаку тоже боятся. Но министром-то не делают.

Быть отчитанным на глазах у всего честного народа – определенно новое ощущение в жизни Дэваля Грейва. Даже не знаю, что меня спасло от поэтапного выполнения Дэвалем моего же наставления: шок или проблеск рассудка в наследной голове. Но официантку он выпустил, и та молнией унеслась вглубь бара.

А сам парень стащил кожаную куртку, презрительно процедил:

- Постираешь.

И бросил мне в лицо перед тем, как развернуться на каблуках и уйти прочь.

- Вот еще, - фыркнула я, позволив куртке упасть на пол.

- Аида, ты...

- Что? Я не права?

- Дело не в этом... Аида, с Дэвалем так нельзя!

- М-м-м... потому что он разозлится и... заставит постирать его куртку? Или есть какие-то грани настроения его высочества? Просто зол – куртка, в ярости – рубашка, в бешенстве – носки, ну а не дай бог Дэваль испугался...

Я фыркнула, увидев выражение лица Харриета.

- Я серьезно. Да, он крутой страж, сын Вельзевула, но он живет в обществе, как и все. Никто даже не пикнул, когда он пристал к официантке! Что он сделает, если вы не позволите себя унижать? Нажалуется папочке или старшему брату? Прости, но у меня не сложилось впечатления, что они разрешают сыночке-корзиночке все.

- Подумай вот о чем, - Харриет зачем-то огляделся, словно хотел убедиться, что нас никто не слушает, - Дэваль – страж. Очень сильный страж. Обладающий властью над Призрачным Пределом. Одно касание Предела – и ты там, по ту сторону, один на один с темными душами, пропитанными ненавистью. Они жаждут разорвать любого, кто к ним попадет. Перекроить по своему образу и подобию. И никто, ни Самаэль, ни Вельзевул, ни один, даже самый талантливый, страж не сможет помочь. Вот почему Дэваля боятся. Перейдешь ему дорогу – и просто исчезнешь.

А вот у него пугать получается лучше. Я поежилась, хотя ледяному ветру на балконе бара было просто неоткуда взяться. Но

признаться в собственном страхе казалось мне хуже, чем оказаться по ту сторону Предела.

- Вот и посмотрим, на что у него хватит яиц.
- Прежде, чем бросаться в омут, изучи его, Аида.
- Принесешь мне еще один коктейль?
- Конечно.

Когда Харриет ушел, я сделала то, что делала всегда, когда чувствовала себя паршиво: сбежала. И в последний момент зачем-то прихватила дурацкую куртку. От нее странно пахло моими духами.

Ах, да, эссенция желаемого. Интересно, что в ней чувствовал Дэваль?

6.3

Куртка Дэваля отлично дополнила образ.

Перед занятиями я покрутилась перед зеркалом, нашла сочетание малинового форменного платья и кожаной куртки оверсайз вполне стильным и неспеша побрела на лекции, насвистывая веселую песенку. Харриет сегодня не пришел, полагаю, обидевшись на мой побег. И, к собственному удивлению, по дороге до колледжа я размышляла, как бы так сделать, чтобы он не злился. Обычно мне плевать, что думают люди, от которых я хочу уйти.

Шарлотта на занятия не явилась. Из чего я сделала два вывода: прогуливать пары можно, а вот спать на них без приятельницы сложнее. Шарлотта всегда вовремя тыкала меня в бок, как и положено настоящей боевой подруге.

Без практических занятий, с историей и правоведением, день казался невыносимо долгим. Десятки ничего не значащих для меня имен, какие-то мятежи за Элизиум, ордены душ-отступников и прочая политическая возня мало походили на захватывающую историю магии. А самые что ни на есть классические законы «не убей», «не кради» и «не хамай» я и так знала, Самаэль не забывал напоминать.

Скоро нам обещали практические занятия по запечатыванию магии, и хоть я по-прежнему считала, что убивать в себе крутой дар – это глупо, с нетерпением ждала хоть какой-то движухи.

Все самое интересное проходило мимо лекций. В учебнике истории я обнаружила целый раздел с информацией о городах, что упоминал Самаэль, и решила в первый же выходной найти какой-

нибудь парк (хотя скорее сквер, парков, как и зелени, здесь почти не было) и почитать.

Ну и еще сохранялась надежда на Самаэля. Экскурсия к Пределу мне понравилась. Вдруг не подведет и в этот раз?

И он не подвел! Правда, есть один нюанс...

В холле министерства первым делом я встретила Дэваля. Впрочем, встреча не была случайной: он определенно кого-то ждал, прислонившись к перилам лестницы. При виде меня он едва заметно скривился. Я не стала подходить, равнодушно окинув его взглядом, и высочеству пришлось снисходить до меня самому.

- У тебя какой-то вопрос?

- Ничего не хочешь мне вернуть?

- М-м-м... - Я сделала вид, что задумалась. – Нет.

- Я велел...

- Ты что, щука? – огорошила его вопросом.

- А?

- Мне мама в детстве русскую сказку рассказывала. «По щучьему велению...». В другом контексте мне это слово пока не встречалось. Но, кажется, там щука исполняла желания. Вот тебе мое: исчезни!

Дэваль дернулся было, но замер, явно не понимая, что со мной делать дальше. Ну не таскать же за волосы по всему холлу и не гоняться с ремнем? У меня в сумке коньки, я буду отбиваться.

- Что, хочешь при всех начать срывать с хрупкой девушки одежду? Ну давай, посмотрим.

- Эй! – по лестнице сбежал какой-то парень. Кажется, наши столы в одном кабинете. – Вас ждет Самаэль.

Я пожала плечами. Претензии за опоздание не принимаются, если бы его брат ко мне не прицепился, я бы явилась вовремя. Не мои проблемы, что отведенные на дорогу до кабинета три минуты украл какой-то идиот.

А потом страж добавил:

- Вас обоих.

Впервые мы с Дэвалем переглянулись недоуменно. Даже стало немного смешно. Хотя еще и тревожно. В том, что Дэваля вызвали на ковер к брату, была определенная высшая справедливость.

А меня-то за что?

- Садитесь, - без предисловий начал Самаэль, когда мы вошли.

Дэваль плюхнулся в кресло, вальяжно в нем развалившись. Я села ну прямо как английская принцесса. Просто из вредности, на контрасте.

- Симпатичная курточка, - с каким-то явным сарказмом произнес Самаэль.

- Что, заставишь возвращать братику игрушки?

- Да мне плевать. Можете хоть по очереди ими играть. Кто из вас хочет первым ответить на вопрос «Что это вчера было?».

Дэваль флегматично наблюдал за пламенем свечи у Самаэля на столе, я, насупившись, молчала.

- Ну погодите, что же вы сразу одновременно-то говорите, я записывать не успеваю. Что, не можете придумать себе оправдания? Стыдно хоть чуточку? Или для вас обоих позориться на людях – норма?

- Эй, это он на меня наехал! – возмутилась я. – Для вас норма, когда неприкосновенный сын Вельзевула врывается в бар и устраивает там скандал?

- Нет, ну что ты, поведение моего брата абсолютно неприемлемо, - серьезно ответил Самаэль, но мне все равно почудилась в его голосе нотка иронии. – Таким поведением он позорит нашу семью и меня лично, да и всех стражей вообще. Он не имел права так вести себя, особенно публично. Не уверен, что мне удастся заставить его принести извинения всем, кто пострадал от его самомнения, но клянусь, что наказание не заставит себя ждать. Думаю, единственное, чем он будет занят в ближайшие недели – это экскурсиями к Пределу для новеньких душ. И не приведи Повелитель хоть в чью-то голову ты не вложишь базовые знания – буду тестировать лично!

- А что, запечатывать прорехи уже научилась твоя жена? – усмехнулся Дэваль.

- Поработаешь сверхурочно. Тебе напомнить, почему меня лучше не злить?

А вот теперь мне тоже стало интересно. Какие рычаги давления есть у Самаэля? Его Дэваль явно не боится и не особо уважает, но почему-то слушается. Вряд ли только потому что он его старший брат.

- Ну что? – Самаэль повернулся ко мне. – Чувствуешь себя отмищенной?

- Да, спасибо.

- Отлично. Тогда мы можем перейти к следующему вопросу. А именно, почему ты вдруг решила, что тебе позволено швырять с балкона мусор, портить чужую одежду и устраивать публичные склоки?

Упс.

- Что молчишь? Хочешь сказать, не ты облила его, - Самаэль кивнул на брата, - с балкона? И не ты вместо того, чтобы сказать «ой, прости, я случайно» устроила представление для посетителей?

- Ну не я одна, так-то, - буркнула я.

- А он свое уже получил. Но ты там активно участвовала. Не так?

- Так. И что, мне надо было молчать?

- Как вариант – не лить во все стороны содержимое твоего бокала. Такая мысль тебе в голову не приходила? Помимо прочего, Аида Даркблум, ты здесь для того, чтобы научиться хранить мир, в котором живешь. Что, по-твоему, будет, если каждый начнет так относиться к окружающим? Я не спрашиваю, что будет с тобой: ты, похоже, не слишком-то стремишься к лучшей жизни.

- Единственная лучшая жизнь, которая мне доступна – это окончательная смерть, - вырвалось у меня. – Без памяти, с новым именем и внешностью я уже не буду собой. Как бы вы ни пытались представить это наградой.

- Вот допрыгаешься до аида – и останешься собой навечно. Правда, в конечном итоге темные души не выносят мучений и все равно себя забывают. Зато будет что рассказать новым друзьям, да?

Я угрюмо молчала, Дэваль наслаждался представлением.

- Придется учиться уважать окружающих на наглядном примере. Пока Дэваль вытирает сопли новеньким и постигает глубины учтивости, ты после работы будешь помогать в том же баре, где и устроила представление. Выяснишь, что бармен думает о вылитом с балкона коктейле, на себе ощутишь всю прелесть разборок посетителей и заодно узнаешь, кто убирает улицу под балконом, куда ты щедро плеснула несчастный коктейль. Все понятно?

- Понятно.

С утра в колледж, потом в министерство, потом в бар. А спать и жить когда? Вместе с условным бессмертием мне явно забыли дать способность не уставать и не спать.

- Вот что я вам обоим скажу. Мне плевать, дружите вы, ненавидите друг друга или не замечаете. Если вам нравится делать друг другу гадости и ругаться – не вопрос, ваше право. Но не забывайте, пожалуйста, что вы – представители уважаемой профессии. Вы стражи! Даже ты, Аида, несмотря на статус стажера. Вы оберегаете наш мир от зла в чистом виде! Задайте себе вопрос: а чувствуют ли иные и души себя в безопасности, видя, как вы грызетесь, давая волю эмоциям?

Дэваль, поняв, что по существу Самаэль больше ничего не скажет, поднялся.

- А я не утешительница, чтобы заботиться о чьих-то чувствах. Плевать, чувствуют ли они себя в безопасности. Моя задача – эту безопасность обеспечивать.

- Однажды ты ошибешься, Дэваль, - задумчиво произнес Самаэль. – И последствия будут такими, что ты вряд ли себя простишь.

- Схожу поем – и отпустит, - хмыкнул его брат.

А затем повернулся ко мне:

- Обязательно загляну вечером на бокал эссенции.

- Не боишься? – фыркнула я. – Что плюну прямо в душу?

- Вы вообще меня не слушали?! – взорвался Самаэль. – Начните уже хоть немного думать перед тем, как открывать рот. Дэваль, иди работать. Аида, возвращайся на свое место, на столе найдешь задание на сегодня. И чтобы я вас ближе, чем на расстоянии трех метров друг от друга не видел!

Когда я вернулась в зал, стражи за столами засуетились, судорожно пытаюсь сделать вид, будто вовсе не пытались подслушивать. Как один они уткнулись в свитки, книги и листы, притворяясь, что вовсе меня не заметили. Я украдкой хихикнула. Не такие уж они и холодные унылые ботаники. Наверняка вечером все явятся в бар.

А еще мне вдруг подумалось, что Стикс сегодня не замерзнет. Коньки я тоже не заслужила.

7.1

В баре мне выдали униформу – длинную белую сорочку, напоминающую саван. Пришлось закатать рукава до локтя, чтобы они не лезли в еду.

- Все очень просто, - разносчица – как она сама себя назвала – Ариэлла давала инструкции, пока народ лениво собирался за столиками. – Принимаешь заказ, передаешь в бар, запоминаешь того, кто заказал и что заказал, как будет готово – приносишь. Если не можешь запомнить, записывай.

- А как понять, кому и что можно заказывать? – спросила я. – У вас же ограничения. Кто плохо работает – тот плохо пьет.

- Оставь это Аарону, - Ариэлла кивнула на бармена, - он разберется. Ты только разносишь. И все.

Она посмотрела на меня долгим задумчивым взглядом и хмыкнула.

- Должно быть, ты крепко разозлила Сонга. Он еще никого из своих к нам не отправлял.

- Вряд ли меня можно назвать своей, но да, Самаэль был зол.

- Он разрешает тебе называть себя Самаэлем?

- А я не спрашивала. Но, думаю, это не самая большая его претензия ко мне. Так что выбирает самые принципиальные.

- Ладно, тьма с тобой, - махнула рукой Ариэлла. – Значит, так. Никуда не вмешивайся, все конфликты решай через меня. Ни с кем не спорь! Души трогать тебя не будут, они здесь для того, чтобы заслужить право жить дальше, а вот иные могут наглубить или облапать. Не выясняй ни с кем отношения, помни, что ты тоже пытаешься стать лучшей версией себя. Если что-то случится – говори мне. Моя задача, чтобы ты вышла отсюда целой и невредимой. Сонг завтра отойдет и потребует отчитаться, и за помятого стража вломит так, что мало не покажется. Так что давай, не лезь на рожон, поняла? Просто носи напитки. Можешь даже не улыбаться, мы – темный бар.

Хотелось спросить, есть ли где-то светлый и как туда попасть, но я благоразумно промолчала. Пока что никаких опасностей на горизонте не виднелось. Никто не дебоширил, не швырял в стену бокалы и не лапал официанток в невесомых шелковых сорочках. Гремела музыка, витражи вместо окон бросали разноцветные блики на стены. Отовсюду доносились гомон и звон бокалов.

Мне нравилась атмосфера здесь, но усталость казалась невыносимой. Болела спина, от подноса ломило руки, а голова трещала от многочисленных заказов. В конце концов я сбросила неудобные туфли, оставшись босиком. Под платьем все равно было не

видно, а холодный пол дарил уставшим ступням настоящее блаженство. Но если Самаэль ждал, что я прибегу со слезами раскаяния и мольбами освободить от дополнительной работы, то он определенно ошибался.

Раз в час можно было отдохнуть за стойкой и выпить что-то безалкогольное. Пока бармен Аарон занимался очередной порцией шотов, которые я должна буду расставить по подносам горгулий в зале, я жадно сделала несколько глотков мятного лимонада и вдруг увидела Шарлотту.

Она растерянно обвела глазами зал, а потом, увидев меня, направилась прямо к стойке.

- Аида! А я тебя ищу. Ребята в министерстве сказали, ты сегодня здесь. За что тебе назначили отработку?

- Так... небольшой публичный скандалчик. Тебя не было на парах.

- Да, мне дали выходной. Вчера на работе окунулась в Стикс, наставник в последний момент удержал.

Она поежилась и с благодарностью опрокинула шот, что я перед ней поставила.

- С утра немного трясло. Река Мертвых – страшная штука. Слышала, ты катаешься по Стиксу на коньках. Вот тебе мой совет, Аида: прекращай. Если ты провалишься, то остаток недолгой мучительной жизни будешь сожалеть, что не попала в ад. Это ощущение непроницаемой для света толщи ледяной воды – самое страшное, что я испытывала в жизни и... посмертии.

- Выпей еще, - посоветовала я. – И не наводи жуть. Лед на Стиксе толстенный, я же не дура. Кстати, почему она вообще замерзает?

- Понятия не имею. Такого раньше никогда не случалась. Может, твоя магия шалит? Магистр говорит, такое возможно перед тем, как ее запечатают.

- Может, и так, - пожала плечами я. – Но это единственные минуты, когда я чувствую себя счастливой. Даже если ради них придется пожертвовать всем... наверное, я готова.

- А я вдруг поняла, как сильно хочу жить. Хочу второй шанс в новом мире. Изучить все в этом. Знаешь, я раньше была одержима одной-единственной целью, а тут вдруг поняла, что жить ради призрачной перспективы когда-нибудь вновь отправиться на Землю

неправильно! Надо получать удовольствие и от этого мира. Вот я и пришла в бар, к тебе. Ну и еще я немного мечтаю познакомиться с кем-нибудь, кто угостит эссенцией желаемого. Говорят, божественна на вкус.

Я пожала плечами.

- Ничего особенного.

И снова подумала: жаль, Харриета нет. Вот уж с кем стоит поговорить, в отличие от Самаэля. Бросить в баре приятеля – преступление посерьезнее, чем облить идиота выпивкой.

Аарон тем временем закончил с шотами, и пришлось заканчивать перерыв.

- Наслаждайся, - улыбнулась я подруге, - жизнь коротка.

- Ты даже не представляешь, насколько, - загадочно откликнулась та.

Я расставила выпивку, собрала с освободившихся столов пустые бокалы и отнесла еще пару заказов, когда в бар вошла компаньонка стражей, работавших на Самаэля. Разумеется, среди них был и Дэваль, так что приподнятое настроение сняло как рукой. Мысленно я уже готовилась выпускать колючки.

Парни заняли столик на балконе, а за выпивкой отправили Дара, которого я не видела с самой первой встречи.

- Шесть эссенций, - сказал он, коротко мне кивнув, и Аарон без слов достал шесть запотевших от холода бокалов.

Почему-то не возникло сомнений, что нести все это поручат мне, несмотря на то, что балконом занимались другие разносчицы. Они как раз все очень удачно решили прерваться.

- Аида... - ко мне подскочила Ариэлла. – Без фокусов!

- Тогда возьми и отнеси этому идиоту сама!

- Ты прекрасно знаешь, что Грейв требует тебя. Просто отнеси им заказ, пожелай приятного вечера – и уходи. Что бы они не сказали, что бы не сделали и за какое бы место тебя не схватили!

- Пусть только попробуют, - предупредила я. – Тебе придется записать на мой счет шесть бокалов, потому что после того места, куда я их им засуну, коктейли в них налить не получится!

Ариэлла беспомощно открывала и закрывала рот, явно понимая, что других способов воздействия, кроме как строго посмотреть, у нее нет, а сбегать за Самаэлем она не успеет.

- Даркблум... Просто! Отнеси! Заказ!

А вот это уже походило на мольбу.

Сначала, пока шла до балкона, я молилась, чтобы ничего не уронить – сразу шесть бокалов я несла впервые. Потом внимательно смотрела под ноги.

Потому что я училась в старшей школе. И была новенькой в классе.

Через ногу одного из стражей я перешагнула, второго отпихнула с дороги. Об третью конечность едва не споткнулась, но, когда идиот за столиком понял, что если мы с бокалами и будем падать, то прямо на него, выпрямился в кресле.

- Какие люди. – Дэваль сиял от удовольствия. – Ну что? Наступило просветление? Не хочешь наконец-то извиниться?

- Прошу прощения за долгое ожидание, - улыбнулась я его соседу. – Самомнение вашего друга так раздулось, что закрыло собой часы, и я потеряла счет времени. Что-нибудь еще?

- Ага, - усмехнулся парень, - посиди с нами, выпей.

Дождавшись, когда я поставлю последний бокал, он дернул меня к себе, пытаясь усадить на колени, но получил ощутимый удар прямо в пах кулаком и согнулся.

- А я говорил, что эту девицу надо сначала фиксировать, потом развлекать, - рассмеялся его друг.

- А ты не боишься завтра за барную стойку со мной по соседству встать? – хмыкнула я. – Или думаешь Самаэль любит наказывать только девочек? Осторожно, страж, белое платье тебе не пойдет. Все?

Я повернулась к Дэвалю.

- Еще что-нибудь желаете? Нет? Приятного вечера.

Краем глаза я заметила, как на балкон медленно вошел мужчина и направился к дальнему столику.

Дэваль поднял руку с бокалом, словно собирался произнести тост. Но вместо этого разжал пальцы – и бокал с оглушительным звоном рассыпался на тысячи осколков, ударившись о каменный пол. Подол платья намок, в воздухе повис приятный аромат красного вина.

- Убери и принеси новый, - велел он мне.

- Никакой фантазии, - вздохнула я. – Ведешь себя, как герой третьесортного романчика про мажора. Кажется, я скоро смогу принимать ставки на твой следующий шаг. Дай угадаю? Я уберусь,

принесу тебе новый бокал, а ты разобьешь и его? Или один из твоих дружков все же сумеет меня уронить, и ты будешь пафосно взирать сверху, как я ползаю по полу, собирая осколки. Они, конечно же, вопьются мне в колени, и ты проявишь благородство – отведешь меня домой. А потом трахнешь. И расскажешь дружкам, что эта новенькая – ничего особенного.

- Тебя? – Дэваль расхохотался. – Чтобы тебя трахнуть, надо совсем отчаяться.

- А... точно. Именно поэтому ты дождался моей смены, пришел сюда и не забыл взять приятелей, которые сидят со мной в одном кабинете. Великий страж, лучший из лучших, опустился до унижений бездарной новенькой. Если честно, очень смахивает на отчаяние.

Глаза Дэваля потемнели, из ярко-голубых став практически черными. Показалось, сейчас словесная потасовка перейдет в примитивную драку. Не хотелось бы, я все-таки в одном платье. Неудобно.

- Сейчас принесу тебе эссенцию, только не плачь, - буркнула я.

Но перед тем, как вернуться к бару, направились к мужчине за дальним столиком, чтобы принять заказ. Дэваль здесь не единственный гость, подождет в очереди, как простые смертные.

Мужчина сидел, опустив голову, рассматривая потертые узоры на массивной каменной столешнице. Он был почти седой, с растрепанными волосами до плеч. Одетый просто, даже я бы сказала, бедно, он сошел бы за бездомного, но раз его пустили в бар, значит, мужик честно работал и заслужил свою порцию выпивки не происхождением и неумным пафосом, а честным трудом.

- Добрый вечер, что для вас принести? – спросила я.

Мужчина поднял голову и медленно встал. А сзади раздался стальной, пронизанный холодом, голос Дэваля:

- Стой на месте, Даркблум. Не шевелись.

7.2

Взглянув в глаза незнакомца, я задохнулась от накатившего ужаса. Не моего, нет, увиденного в глубине его темных глаз. Ярость, ненависть, обида, страх – это не просто человеческие эмоции случайного посетителя бара. Нечто куда более глубокое.

От мужчины веяло холодом. Сыростью. Тьмой.

Он жадно всматривался в меня, а его пальцы застыли в нескольких дюймах от моей щеки. Губы тронула легкая улыбка, а глаза лихорадочно заблестели. Больше всего на свете он хотел ко мне прикоснуться.

Дэваль мог не объяснять, я поняла, кто передо мной, как только поймала его взгляд.

Темная душа.

Вырвавшееся из аида воплощенное зло.

Оно обрело облик, голос, силу и власть. По крайней мере, надо мной.

Стоит податься вперед, коснуться моей щеки, и история Аиды Даркблум закончится. Я, наконец, окажусь там, куда обещал отправить Самаэль. Возможно, именно там мое место.

Но все внутри отчаянно сопротивлялось.

Можно было и не приказывать не двигаться – я все равно оцепенела. Как и все остальные в баре. Даже шепотки стихли, и лишь звук неторопливых шагов Дэваля гулко отражался от каменного пола.

Он долго молчал. Так долго, что я вдруг осознала, что не дышу и жадно схватила ртом воздух. Заметив это, темный криво усмехнулся. Страх как будто подпитывал его.

- И что дальше? – наконец Дэваль остановился.

Меня поразило, какой спокойный, почти скучающий голос у него был. Или парень идеально владел собой, или не особо парился, утащат меня в ад или оставят еще попортить кому-нибудь жизнь.

- Дальше?

Я вздрогнула, услышав хриплый сорванный голос. Не хотелось думать, как именно он его сорвал там, за Пределом.

- Дальше, - подтвердил Дэваль. – Что теперь? Вернешься туда вместе с ней?

- Она мне нравится... - расплылся в жуткой ухмылке мужчина. – Она понравится нам.

- Мог бы поспорить, но не хочется портить сюрприз. Но ты ведь знаешь, что если прикоснешься – отправишься следом? Вернешься не один, с подарком для друзей, но... вернешься.

- Будешь уговаривать пощадить ее в обмен на свободу?

- Ее? Пощадить? Нет. Ты ведь знаешь, кто я.

Впервые темный отвел взгляд от меня и посмотрел на Дэваля.

- О тебе у нас много говорят.

- Не сомневаюсь. Значит, ты знаешь, что на нее мне плевать. Забирай, дарю. Вот только...

На шаг ближе к нам.

- То, что ты здесь – вызов. Плевок мне в лицо. Напоминание о моей ошибке. Темные души не выбираются из-за Предела. Я им не позволяю, а тех, кто ослушается... нет, я не возвращаю обратно. Я делаю что-то...

Еще шаг. И я почти чувствую его запах.

- Намного...

Почти рядом, если я подниму руку, то смогу его коснуться.

- Более страшное. Хочешь узнать что?

- Я знаю о тебе, Дэваль Грейв, куда больше, чем ты думаешь. Твои секреты. Те, что ты рассказываешь тем, кто никогда их никому не откроет. Твои чувства. Истории. Я многое знаю о тебе. Много могу поведать. Как думаешь, что сделает твой великий отец, когда узнает, как его сын развлекается? Что он скажет, когда узнает, что ты навещаешь... ее?

- Мой великий, - Дэваль усмехнулся, - отец не станет тратить время на одну-единственную темную душу. Он лишь прикажет вернуть тебя в аид, но мы оба знаем, что я не стану этого делать. Что есть... много способов заставить тебя пожалеть о том, что ты переступил черту Предела.

- Тогда она обречена.

- Мой отец милостив, - Дэваль словно не слышал угроз, не замечал меня, и вообще вел светскую беседу, выглядя немного безумно, - благороден... бывает. Иногда мне даже хочется быть на него похожим. Поэтому я дам тебе выбор. Нет, не между свободой и смертью. Всего лишь между быстрым концом и вечной, невообразимой, невыносимой даже по меркам аида, мукой. И если ты действительно меня знаешь. Мои секреты. Те, что я рассказываю тем, кто никогда их никому не откроет. Мои чувства. Истории. Если ты не лжешь... то оценишь мое предложение.

По лицу мужчины пробежала тень. Рука возле моего лица дрогнула, и сердце пропустило удар.

- Я не заслужил аид! – рыкнул он с каким-то пугающим отчаянием. – Я не был плохим!

- Я палач, а не судья.

- Ты страж!

- Не для тебя.

И темный подался вперед.

Ледяные пальцы коснулись моей щеки. Вместе с прикосновением пришел холод. Пронизывающий до костей, он шел откуда-то изнутри. Сначала я ощутила смрадное дыхание айда – он пах сыростью, землей и ладаном. Потом – как легкие обжигает непередаваемый холод. И следом – как сердце замирает, не успев закончить свой удар.

Вокруг нас разверзлась бездна. Из тьмы тысячи рук жадно тянулись ко мне, увлекая за собой, дрожа в ожидании добычи. Той силе, что затягивала куда-то во тьму, невозможно было противиться. Это просто случится – поняла я. Я упаду во тьму, вместе с темной душой, стану одной из них. И однажды среди тысяч обезумевших рук, жаждущих свежей крови, будет и моя. Пройдет время, и я, не помня себя от мучений, стану тянуться в мир тех, кому повезло больше. В мир тех, кого я буду ненавидеть, ведь ненависть – единственное, что останется со мной в вечности.

Запястье обхватила чья-то рука, сдавив так сильно, что я всерьез испугалась за кости и на секунду отвлеклась от притяжения айда. Последовал сильный рывок, лишивший меня дыхания. И холод сменился горячим – так показалось на контрасте – воздухом на балконе.

Темная душа исчезла. Воронка тьмы закрылась. Руки страдающих душ больше не тянулись ко мне из бездны. Только Дэваль все еще сжимал мое запястье и стоял слишком близко.

Самаэль сказал не приближаться друг к другу ближе, чем на три метра.

Три удара сердца – вот что нас сейчас разделяло.

Я понятия не имела, что он только что сделал, но инстинктивно чувствовала: чтобы вот так выдернуть кого-то из айда, нужно быть богом. Или его сыном.

- Зачем? – Голос дрожал, и стало стыдно за примитивный страх.

- Чтобы ты была у меня в долгу. Желания – ходовая валюта там, где не существует золота.

Он медленно разжал пальцы. На бледной коже ярко краснели их следы.

Высыпавший на балкон народ вдруг расступился, пропуская никого иного, как Самаэля, да не одного, а с супругой. В вечерние планы Селин Сонг определенно не входила прогулка по барам: при виде меня она поджала губы и поспешно отвела глаза.

- Дэв? – Самаэль нахмурился. – Аида? Вы целы? Как он выбрался, тьма его раздери?!

- Все еще хочешь, чтобы я водил экскурсии к Пределу вместо того, чтобы закрывать прорехи? – спросил его брат, вновь приняв облик скучающего мажорчика.

Вот только я его недооценила. Дэвалья темная душа боялась сильнее, чем аида.

7.3

- Переоденься, провожу домой, - кивнул мне Самаэль. – Селин, проследи, чтобы всех вывели, надо проверить здание на случай, если он был не один. Дэв, найди эту гребаную прореху и закрой! А вы что встали? Хватит глазеть! Вываливайтесь отсюда!

Я поискала глазами Шарлотту, то подруга, похоже, уже сбежала вместе с основной толпой. И правильно сделала. Хотя мне было бы приятно, если б она все же уточнила, в порядке ли я после того, как заглянула за грань.

Оставшись наедине с собой, я поняла, что руки дрожат и леденеют. Остановилась у зеркала в раздевалке, прижала ладошки к пылающим щекам. Одно движение, один рывок до ада. Опоздай Дэваль, обладай худшей реакцией – все кончилось бы в этот же миг. И он, похоже, понимал это куда лучше меня, заговаривая темному зубы.

Почему не позволил ему забрать меня в ад? Раз так стремился отправить меня туда при первой же встрече.

Ответ очевиден: Дэваль знал, что Вельзевул или кто-то другой не позволит мне исчезнуть. Не успеет он сейчас – никто бы не осудил. Не нашел правильные слова, не удержал внимание, передал и заставил душу нервничать – и Аида Даркблум стала жертвой несчастного случая. Получается, Дэваль и не хотел от меня избавляться. Решил припугнуть или... что? Пока ответа нет. Но придется как-то его найти.

Когда я закончила и собрала все вещи, всех посетителей уже вывели. Только сотрудники спешно убрали продукты, переодевались и пытались привести помещение в порядок, а несколько десятков

стражей прочесывали здание. Я остановилась у выхода, прислушиваясь к происходящему в зале, и совершенно случайно услышала два знакомых голоса.

Подслушивать, конечно, нехорошо, и за это мне явно добавят пару лет трудовой повинности (если узнают). Но как интересно!

- Она что, беспомощная и не может дойти сама?

- Она едва не погибла. Если бы Дэваля не было рядом – ее бы ничто не спасло.

- И теперь мы будем утешать ее всем Мортрумом? Может, сам Повелитель поднимется, чтобы перед ней извиниться?

- Селин... - в голосе Самаэля промелькнуло раздражение. – Она моя подопечная. Нравится это тебе или нет, я за нее отвечаю. Если по городу бродят другие вырвавшиеся души? Если она сейчас в темноте пойдет домой и наткнется на одну из них?

- Как будто ты сможешь что-то сделать без брата, если это случится с вами обоими...

- Спасибо, дорогая, что веришь в меня и поддерживаешь мою самооценку.

- Спасибо, что бросаешь меня ради какой-то девицы! Знаешь что? Пригласи на маскарад Аиду! Почему-то я уверена, что ей понравится.

Раздался стук каблуков – Селин ушла. Я метнулась обратно в раздевалку, выждала несколько минут и, стараясь выглядеть равнодушной, вышла в зал. Впрочем, даже если бы у меня на лице было написано «что, черт возьми, происходит?!» Самаэль все равно принял бы это за шок от встречи с темным.

- Готова? – кивнул он, увидев меня. – Идем.

И даже любезно забрал тяжелую сумку с коньками.

На улицах было малоллюдно. Странно, Мортрум я запомнила как город, который никогда не спит. Музыка, шум и гул голосов доносились с улиц даже в самое позднее время. Может, их разогнали стражи? Да, это было бы логично. Веселая их ждет ночка: проверить все закоулки города-замка!

- Такое часто бывает? – спросила я. – Души постоянно вырываются на свободу, могут вот так войти в бар и забрать с собой вместо чаевых официантку?

Самаэль долго молчал, и я уж было подумала, что он не собирается отвечать и разговаривать со мной в принципе. Из-за меня

он поругался с женой. Той самой, которая меня убила. Хотя вопрос в том, знает ли Самаэль об этом факте из биографии благоверной.

- Нет, это исключительный случай. То, что душа вырвалась - не рядовое, но случающееся событие. А вот то, что она смогла дойти до людного бара и шантажировать стража жизнью коллеги...

Я хмыкнула. Представить нас с Дэвалем коллегами – это надо быть полностью оторванным от реальности.

- Такое возможно лишь в одном случае: прореха открылась внезапно и стремительно, а душе повезло оказаться рядом. Повелителю уже доложили. Дэваль найдет прореху и закроет.

- Но могут появиться и другие.

- Таковую вероятность исключать нельзя.

- И что делать? Сколько еще вы сможете трамбовать туда темные души?

- Оставь эти вопросы Повелителю и стражам. Одна случайность еще ни о чем не говорит. Посмотрим, что удастся выяснить. Сегодня тебе повезло. Очень повезло. Из всех живущих в нашем мире существ только один может ступить в аид и вернуться. Не окажись его рядом...

А может, ничего бы и не было? Темная душа действительно очень удачно заглянула именно в бар, где я работала. И направилась к балкону, который я обслуживала. И на котором общалась с Дэвалем. Слишком много совпадений для несчастного случая.

- Почему твой брат меня так ненавидит? Что я ему сделала?

- Дэваль ненавидит не тебя. Он ненавидит окружающий мир. А ты – слишком яркий его представитель. Ну и моя подопечная. Этого хватает, чтобы он бесил меня отношением к тебе. Впрочем, так было в первые ваши встречи. Сейчас ты успешно бесишь его совершенно самостоятельно.

- И что, мне теперь при виде него опускать глаза и приседать? – буркнула я.

Самаэль фыркнул.

- Как видишь, Дэваль может быть не самым приятным коллегой. Но он знает, когда вовремя остановиться. Мне бы хотелось, конечно, чтобы ваша вражда не происходила на глазах всего города. Но я большой мальчик, привык, что не всегда получаю то, что хочу. Однако это не значит, что я не буду наказывать вас за подобные выходки.

Самаэль, похоже, знал короткий путь до общежития, потому что мы шли не вдоль Стикса, а петляли двориками, переходами и корпусами замка. Обычно дорога занимала минут двадцать, не меньше, а сейчас мы сократили ее вдвое. Жаль, я не запомнила дорогу. Десять минут – настоящая драгоценность утром, когда так не хочется просыпаться в этом темном мире мертвых.

У двери в комнату мы остановились. Рядом все еще валялась куча вещей предыдущего владельца, хотя, надо сказать, невидимые и неслышимые соседи изрядно ее уменьшили. При виде валяющегося на полу хлама Самаэль тяжело вздохнул.

- Ты неисправима.

- Я уже говорила и могу повторить. Не я этот хлам таскала сюда. Не мне выбрасывать. Заведите себе за правило перед перерождением давать пару дней на уборку.

- Непременно передам Повелителю.

Я закатила глаза и скорчила рожу – просто из вредности. В пустом темном коридоре наедине с Самаэлем было как-то... неуютно? Неловко? Невольно вспоминались слова Селин о том, что он ничего не сможет сделать при встрече с темной душой. И ее недвусмысленно прозвучавшая в голосе ревность.

- Почему у вас с братьями разные фамилии? – спросила я, чтобы нарушить повисшую гнетущую тишину.

- Фамилия – лишь условность в нашем мире. Гораздо большим значением обладает имя. У каждого имени есть значение. Каждое определяет наше прошлое... или будущее.

- И что определяет твое? А Дэваля?

- Об этом придется думать самостоятельно. Как ты уже поняла, на блюдечке в нашем мире ничего не дается.

- Да, желания – самая ходовая валюта, помню.

- Кстати об этом. Ты сегодня едва не погибла. Полагаю, в этом есть и моя вина. Не радуйся раньше времени, наказание я не сниму. Но приставлю к бару пару стражей и... пожалуй, выполню одно твое желание. Не наглей и не проси тебя отпустить или отпустить из министерства. Просто что-то, что поможет отвлечься.

Я задумалась, ошеломленная перспективами. Желание от Самаэля? Да у меня их сотня! И какое выбрать?

Каток, новое жилье, отдельный кабинет, чтобы эти уроды, друзья Дэваля, перестали надо мной издеваться?

Пустить в архив он вряд ли согласится. Тогда что?

- Хочу платье.

- Платье?

- Новую одежду. У меня только та, в которой я сюда попала, форменное платье и дурацкая сорочка для бара. Ну еще отжала у Дэваля куртку, но в ней на свидание не сходишь. Хочу платье, чтобы можно было выбраться с кем-нибудь погулять. Или покататься на коньках, не устраивая шоу со стриптизом. Можно такое?

- Хорошо. Харриет сводит тебя в салон. А теперь иди спать. Не бойся, темные души не умеют ходить сквозь стены. Не забывай запираеть дверь.

- Спокойной ночи, - почти благодарно улыбнулась я.

Почти – потому что платье мне было нужно вовсе не для свидания.

Близится Маскарад Мертвых, который, по словам женщины, убившей меня, должен мне понравиться. Посмотрим, что такого особенного там будет. Надеюсь, после того, как Селин меня там увидит, она не решится на убийство во второй раз.

А может, она уже?..

7.4

С утра удача повернулась ко мне лицом: пришел Харриет. Разбудил ни свет, ни заря, вытащил из теплой постели и хмуро сообщил:

- Самаэль велел отвести тебя в салон, выбрать одежду. Давай сходим до занятий, потом я немного занят.

В другой раз я непременно бы отправила его по известному адресу и перевернулась на другой бок засыпать, но тогда Харриет бы окончательно обиделся. Пришлось вставать, тоскливо мечтая о завтраке и чашке кофе. И когда уже я заслужу право питаться где-то кроме колледжской столовой в темном подвале? Хочу капучино на веранде с видом на Мортрум!

- Обиделся? – спросила я, когда мы шли по пустынным улицам.

- Нет.

- А то я по голосу не слышу!

- Ты сбежала! Выставив меня идиотом перед всеми. На что ты рассчитываешь?

- Ну прости, - вздохнула я. – Дэваль меня выбесил. А когда я не могу справиться с эмоциями, я всегда сбегаю.

- И что, никто не обижался?

Я пожала плечами и поплотнее запахнула куртку.

- Не было никого, кто бы мог. У меня не было друзей, родных, даже приятелей. Хоть сколько-нибудь значимых. Так что сбежала я обычно от папы, а он знал, как действовать. Давал мне пару часов посидеть в одиночестве, а потом делал вид, будто ничего не произошло.

- Значит, - Харриет усмехнулся, - я твой друг.

- Давай остановимся на приятеле. И не говори Самаэлю, а то он так задерет нос, что споткнется о порог собственного кабинета.

- Ты сегодня новость номер один, готовься. О случившемся растрепали всему городу. Селин с утра проводит летучку в колледже, чтобы пресекали все разговоры и расспросы. Всю ночь вокруг шарили стражи, но, похоже, никого больше не нашли.

- И Дэваль остался героем, - с сарказмом произнесла я.

Харриет, естественно, его уловил и нахмурился.

- Ты о чем?

- Ни о чем. Просто... не находишь странным, что Дэваль из-за меня получил наказание, обозлился, явился поглумиться и именно в этот момент появилась темная душа? Не раньше, не позже, не когда я мыла столики или расставляла шоты горгульям. А именно в тот момент, когда мы с ним беседовали?

- Это серьезное обвинение, Аида.

- Поэтому я и озвучила его только тебе. Дэваль не впервые подталкивает меня к самой грани. Хотела бы я знать, за что.

- Влюбился, может, - фыркнул Харриет.

За что получил болезненный тычок под ребра и едва не свалился в ближайшие кусты. От немедленной расплаты меня спасло лишь то, что мы прибыли в пункт назначения: большую башню, расположенную в конце тихой уютной улочки.

- Итак, знакомься, один из старейших и крупнейших салонов Мортрума. Здесь есть любая одежда, которая может понадобиться. Ты

можешь взять не больше десяти вещей. Либо отдать что-то и взять больше.

- Интересно, Дэваль сильно расстроится, если я сдам его куртку... погоди, что?!

Я застыла на ступеньках.

- Здесь одежда, которую кто-то носил?!

- Не только. – Харриет пожал плечами и, взяв меня за руку, потянул внутрь. – У нас есть швеи, ткачи и так далее. Но Аида, сколько людей сейчас живет на Земле?

- Миллиардов восемь, наверное. Может, девять уже, не помню. А что?

- В нашем мире нет заводов, станков, автоматов. Запрещена магия, за редким исключением, но одежда к нему не относится. Как ты думаешь, мы можем себе позволить выбрасывать или уничтожать одежду тех, кому она уже не нужна?

- Экологи бы упали в обморок от счастья, - пробурчала я.

В башне пахло лавандой – стандартный аромат помещений, где хранят кучу одежды. Вопреки ожиданиям противного затхлого запаха второсортных секонд-хендов не было, внутри оказалось чисто и даже вполне себе красиво. Дорогой, немного потертый, паркет, лепнина на стенах, высокий потолок.

И стойки, стойки, стойки! На них висело все, что могло потребоваться обычному жителю города. Блузки, брюки, платья. Рядом высились стеллажи с обувью, вдоль стен стояли манекены с нарядами на выход.

- У меня очень много вопросов!

Харриет не стал дожидаться, и решил ответить на все сразу:

- Мы не тащим одежду бездумно, есть определенные требования. Мортрум – уникальный старинный город, поэтому здесь ты не найдешь джинсы, кеды или костюмы-тройки. Существует определенная эстетика, которая должна соблюдаться. Новеньким разрешают носить привычную одежду в первые месяцы, чтобы переход произошел как можно легче. Затем все, что не вписывается в рамки нашего мира, уничтожается. На абсолютно новые вещи или даже индивидуальный пошив имеют право только очень высокопоставленные жители Мортрума: высшие стражи, магистры,

судьи и так далее. И да, одежда душ, отправившихся в аид, тоже отправляется сюда. Разумеется, ее стирают, ремонтируют и обновляют.

- Так... а только одежда? Если мне нужна мебель? Хочу обновить интерьер, например. Постельное белье? Посуда?

- Зачем тебе посуда?

- Блин, Харриет, пожрать в ночи хочу, вы же меня в рестораны не пускаете!

- Так у нас все равно продукты не продаются.

Захотелось взять с ближайшей полки туфлю и кинуть ему прямо в лоб.

- Постельное белье можно взять в прачечной, отдав взамен свое, это не ограничено. Мебель... честно сказать, никогда с этим не сталкивался.

- А личные вещи? Что происходит с личными вещами? Например, с учебниками, тетрадями? Что там еще может быть... коньки мои, например? Что станет с коньками, когда я отправлюсь перерождаться – ну, в идеальном варианте будущего, что маловероятно, но не будем о грустном.

- Их просмотрят и рассортируют. Большую часть уничтожат, но если что-то сможет послужить будущим душам, то отправят на хранение. А что ты так сейчас на меня смотришь? Считаешь, это мерзко?

- Нет. – Я поспешно отвернулась. – Не считаю. Так ты будешь за мной следить, или мне можно пошопиться в одиночестве? Обещаю, что не попытаюсь унести в лифчике лишнее платье.

- Ты невыносима! Я вернусь через полчаса. Не задерживайся здесь, у тебя занятия. Тордек убьет нас обоих, если ты не явишься на первую практику по управлению энергией.

Черт, я и забыла, что сегодня у нас первая попытка запечатать в себе магию. По правде говоря, до сих пор она никак не проявлялась, так что, может, и запечатывать окажется нечего.

Дождавшись, когда Харриет уйдет, я двинулась вдоль рядов вешалок и шкафов, размышляя. Надо как-то добыть платье, не вызывая подозрений. Наверняка, раз здесь есть лимиты, Харриет решит проверить, что я там набрала. Ну или неведомая сила, как в ресторане, просто не выпустит меня с лишними вещами, и тогда все будет проще.

И вот что я выяснила, побродив несколько минут по месту, гордо именуемому салоном.

Первое: вещи действительно были чистые, целые и не изношенные.

Второе: жители Мортрума редко наряжались.

Третье: однажды мое любопытство меня погубит. Но перед этим я хорошенько повеселюсь.

Рассматривая содержимое одного из стеллажей, я заметила странное. Все шкафы вдоль стен были совершенно одинаковые. Десятки идентичных деревянных высоченных шкафов, набитых обувью, ремнями, шляпами и прочей ерундой. И лишь один из них чуть выступал вперед, выделяясь среди собратьев.

Ну и что тут такого? Подумаешь, неплотно придвинули шкаф к стене.

Но я чуяла нутром: все не просто так!

Сдвинуть тяжеленного монстра с места оказалось непросто, но сильное, закаленное профессиональным спортом, тело с этой задачей справилось. Сунув нос в образовавшуюся щелку я обнаружила дверь.

- Ага!

Дверь, замаскированная шкафом? Это мне надо!

Пришлось еще немного сдвинуть шкаф, чтобы пролезли все девичьи выпуклости и впуклости, а еще получилось открыть дверь. Шпилька из волос отлично справилась с задачей. В нормальном мире дверь наверняка бы заперли еще и магией, но они тут все от нее избавились. Так что я проскользнула внутрь и очутилась в еще одном зале.

Увы, здесь не нашлось ни трупов семи бывших жен Самаэля, ни сотни зеркал, в которые на себя каждый день любитесь Дэваль. Все та же одежда, обувь и прочая ерунда. Но, пожалуй, этот ассортимент подходил мне куда больше.

Шелк. Атлас. Тяжелое кружево. Темные цвета и сдержанная роскошь. Чего здесь только не было! Платья, костюмы, рубашки, туфли.

- С одной стороны, вроде как мое присутствие здесь не предполагалось. С другой – эта комната ничем не отличалась от прочих. Вещи, бирки, полки, вешалки, стеллажи. Если одежда здесь, значит, ее можно взять. Если ее можно взять, значит, я ее возьму.

Кое-что в этой логике, конечно, напрягало, но все сомнения отпали, когда на одной из вешалок я обнаружила платье. На контрасте с другими оно было совсем простым: из тяжелой гладкой ткани, с жестким лифом, без кружева, бусин, вышивки и другого декора. Самое что ни на есть классическое черное платье. Думаю, для маскарада мертвых – то, что нужно.

Я аккуратно сложила платье в сумку, оторвав бирку – как учил Харриет. И, прежде, чем выйти, окинула помещение взглядом. Думаю, не ошибусь, если скажу, что одежда здесь принадлежала одной женщине.

- Надеюсь, ты попала в Элизиум, - вздохнула я. – Ну или живешь себе счастливо на Земле, не помня о том, что когда-то была иконой стиля Мортрума. Но спасибо. Постараюсь не оскорбить память о тебе.

В основном зале к платью нашлись симпатичные туфли на каблучке, а еще – черная кружевная маска. Масок вообще было много, из чего я сделала вывод, что маскарады здесь пользовались популярностью.

Итого три вещи из десяти доступных. Остаток лимита я потратила на пару рубашек, брюки, милые сапожки, новую сумку, шапку и перчатки. Покопалась в плащах, но все же решила куртку Дэваля не отдавать. Пусть в моем гардеробе будет хоть одна вещь, о которой известно, с кого ее сняли.

- Готова? – Харриет заглянул ровно через полчаса. – Тебе пора учиться.

- Готова. – Я отдала ему бирки и затаила дыхание: скажет что-то о платье или нет?

Но он лишь мельком на них взглянул, пересчитал – и сунул во внутренний карман куртки.

- Тогда идем. Давай, я отнесу вещи к тебе домой.

- Ого! Это потому что я назвала тебя приятелем?

- Нет. Это потому что Самаэль Сонг назвал меня твоим приятелем.

Теперь к маскараду у меня были приглашение и платье. Оставалась суцкая мелочь: пережить несколько дней учебы, работы и отбывания повинности. Не загреметь в аид, не придушить Селин и не подраться с Дэвалем.

Легче легкого!

7.5

Лишь раз в году особняк Вельзевула оживал. В канун Маскарада Мертвых.

Слуги носились туда-сюда, таская тяжеленные корзины с бутылками, посудой и другой утварью. В главном зале кипела деятельность: расставляли свечи, оплетали искрящимися гирляндами колонны.

Самаэль уже потерял счет прошедшим маскарадам, но все равно никак не мог привыкнуть. словно родной дом всегда был таким: темным, холодным, пустым, неприветливым. Лишь память услужливо подсказывала: не всегда. Когда-то давно и здесь можно было быть почти счастливым.

- Она нашла ее вещи? – спросил повелитель.

- Разумеется. Мы едва ли не повесили табличку «загляни сюда!». Сразу же сунула свой нос.

- Что-нибудь взяла?

- Если верить Харриету, то только какое-то платье. Уж не знаю, зачем оно ей. Говорит, хочет сходить на свидание. Понятия не имею, с кем, если ты собираешься это спросить. Точно не со мной и не с Дэвалем, все что могу сказать.

-И все? Платье? – Вельзевул удивленно поднял брови. – Больше ее ничего не заинтересовало?

- Может, и заинтересовало, но решила не делиться с Харриетом. Я не знаю. Аида не спешит откровенничать. Мы не вызываем у нее теплых чувств. И я не понимаю, зачем нужны эти загадки. Почему ты просто не расскажешь ей правду?

- Ты прекрасно знаешь, что это не работает. Правду можно рассказать лишь тому, кто готов ее услышать. Аида не замечает очевидного, хотя я уверен, в глубине души знает, как найти ответы на свои вопросы. Хотя бы на некоторые. Пока она не поймет сама, секреты должны оставаться секретами. Скажи мне, сын, ты выяснил, как темная душа выбралась из аида?

- Я работаю над этим.

- Твой брат ни при чем?

- Исключено. Дэваль ее не выпускал.

- Тогда как?! – Вельзевул сорвался на рык. – Найди причину, Самаэль! Потому что если ее нет, если он знает, что Аида с нами...

На секунду свечи замерцали и погасли, погрузив комнату во мрак.

- У тебя что-то еще? – спросил Вельзевул, когда тьма рассеялась.

Всего лишь сожаление от того, что отец готов уничтожить всякого, кто угрожает Аиде, помешался на дочери и думает лишь о ней. Аида должна быть в безопасности. Аида должна научиться быть стражем. Аида должна сама обо всем догадаться.

Для Вельзевула теперь существует только дочь.

А что происходит с сыновьями, особенно с Дэвалем, не его забота. Наступит ли день, когда и Аида Даркблум разочарует всемогущего иного?

- Нет. Это все.

- Тогда желаю удачно провести время на маскараде. Вы ведь с Селин не пропустите?

- Как всегда, - криво усмехнулся Самаэль.

Однажды на маскараде появится и Аида.

Не в этот раз.

Но Самаэль Сонг умеет ждать. Это его единственное качество, унаследованное от матери.

8.1

День перед маскарадом по праву завоевал титул самого странного, не считая дня, когда я впервые попала в Мортрум.

С утра стояли пары. Очередная практика у магистра Тордека вызывала у меня панический ужас, смешанный с глухой тоской. У меня ничего не получалось! По задумке магистра на практиках мы должны были отрабатывать первую мудрость истребителей магии: энергия не уходит вникуда.

- Она растворяется в окружающем мире, отравляет его. Это не что-то метафорическое. Мы дышим магией, существуем в ней. Она растворяется в воде и проникает в почву. Из-за магии наш мир практически лишен красот, которыми изобилуют другие. Из-за магии Стикс настолько опасна, что одно касание ее темных вод может стать последним.

В общем, напутствие получилось в духе мира мертвых: сделайте себе плохо, чтобы не было еще хуже.

Для начала задачу поставили простую: разбудить в себе силу и научиться сливать ее в землю.

- Земля – самый благодатный приемник магии. С ее помощью проще всего разбудить энергию и передать. Увы, даже капля магии превращает плодородную почву в пепел. И это тоже одна из причин, по которой нужно избавиться от магии внутри вас как можно скорее.

В лаборатории (так называли здоровый мрачный подвал со столами, расставленными полукругом – чтобы магистр мог всех видеть) перед нами поставили небольшие, литров на пять, котлы, доверху наполненные сырой землей. От них исходил противный запах, как бывает после дождя на перепаханном поле. И в эту кашу нам предстояло погрузить пальцы. Потом закрыть глаза, сосредоточиться на магии и отдать все, что получится.

У меня не получалось ничего. Два практических занятия я просидела, как дура, сунув руки в грязь, а потом долго выковыривала из-под ногтей землю и выпытывала у однокурсников, нельзя ли где-то сделать маникюр. Может, контрабандой? Пообещать Харону еще одно желание, пусть грохнет там какого-нибудь приличного мастера. Как я пойду с такими ногтями?! Это маскарад мертвых, а не вечеринка зомби.

Вот и сегодня мы привычно расселись за столы, сунули руки в котлы и сосредоточились.

Лично я на том, чтобы не думать о червяках, иногда живущих в земле. Вряд ли они здесь водились, раз их магия убивает все живое.

И все же мир было жаль. Безжизненный, отравленный, умирающий. Я даже прониклась немного их идеями о перерождении, аиде и элизиуме – что еще остается, если твой дом погибает? Как же я скучала по Земле! По нашим паркам, аллеям, газонам. По пруду в центре города, по клумбам у мэрии, по горам, видневшимся вдали. Мне отчаянно не хватало зелени, красок. Готический серый Мортрум с разноцветными вкраплениями витражей, конечно, поражал воображение, но уже приелся. Я даже пообещала себе, что если Самаэль еще раз решит выделить мне за что-нибудь компенсацию, то непременно попрошусь в путешествие. Хотя бы за пределы бесконечного замка, раз уж здесь нет природы.

- Страж Даркблум, вы не стараетесь, - прошелестел магистр Тордек где-то над ухом.

Я вздрогнула и ойкнула. Никак не привыкну к его жуткому виду!

- Может, у меня вообще нет магии? – спросила я. – И сливать нечего. Экологичная душа. Всю энергию проср... кхм... потеряла заранее.

- Не говорите глупостей. Вы погибли в юном возрасте, магии в вас, безусловно, мало. Но не настолько, чтобы не суметь превратить в пепел один-единственный котел с землей.

Обидно. Но справедливо: у большинства однокурсников дела обстояли лучше.

- Проводник Гринсбери, - магистр Тордек одобрительно улыбнулся своей жуткой улыбкой, - у вас отлично получается.

Шарлотта просияла, но тут же с сочувствием на меня посмотрела.

- Получится! Скоро получится!

Я вздохнула. Уже даже склизкая влажная земля не вызывала ровным счетом никаких эмоций.

«Пепел! Ну же, становись пеплом!».

- Страж Даркблум, вы неправильно себя настраиваете.

Черт, да он мысли что ли читает?!

- Вы пытаетесь превратить землю в пепел, я вижу это по вашему напряженному лицу. Мы не в Хогвартсе, мы не умеем превращать одни предметы в другие, а я не обернусь кошкой даже если пожелаю. Ищите в себе энергию! Направляйте ее в землю! Магия сама испепелит любую встреченную на своем пути материю, лишь направьте ее!

Легко говорить! На лекциях Тордек упоминал, что магия – это в том числе эмоции. А с ними у меня проблемы: обозначаю направление раньше, чем успеваю подумать.

Наконец Тордек нашел себе новую жертву: несуразного паренька, каким-то непостижимым образом извалявшегося в грязи, и я выдохнула.

- Как будто сбился кошмар. Я снова в школе, только все вокруг какое-то нереальное, как отражение в кривом зеркале. И от меня требуют выполнить какое-то бредовое задание, а я даже не понимаю, в чем оно заключается. Странно, что я при этом не голая.

- Брось, наставник с тобой позанимается. Магистр Тордек за тебя попросит, я уверена.

- То есть мало того, что я худшая в группе, так мне еще и дополнительные занятия с Самаэлем светят? По-моему, я уже в аду, а вы все притворяетесь, чтобы меня помучить.

- Почему тебе так не нравится Самаэль? Я думала, будет круто... Шарлотта вдруг осеклась.

- Что?

- Нет, ничего, я...

Меня не проведешь! Жареное я чувствую за версту, а здесь им не просто пахло, здесь уже пол дома сгорело!

- Говори! – потребовала я.

- Просто подумала, что было бы здорово, если бы ты встречалась с Самаэлем, а я с его братом.

С Даром! Боги, скажи, что ты встречаешься с Даром!

- Прости, я забыла, что Дэваль тебе тоже не нравится. Но вообще, Аида, тебе никто не нравится! Может, дело не в них, а в тебе?!

Шарлотта отчаянно покраснела, распереживалась и задержалась. А потом посмотрела куда-то поверх моей головы и округлила глаза.

- Что вы сделали? – слегка удивленно поинтересовался магистр Тордек.

Я опустила взгляд.

Из пепла (ура, наконец-то земля им стала!) медленно, но уверенно пробивался крошечный зеленый росток.

Я огляделась. Картина была примерно одна и та же: народ пялился в свои котлы, где из противного серого пепла к тусклому свету тянулось нечто похожее на лимон. Такой рос у меня как-то в детстве. Папа принес небольшой стакан с гаражной распродажи. Если верить инструкции, надо было положить семечки в грунт, полить и накрыть пленкой. У меня тогда даже что-то выросло, и выглядело оно точно так же.

- Так не должно быть? – спросила я. – Вы же сказали, в пепле ничего расти не может.

- Не может... - словно эхом откликнулся Тордек. – Как давно я такого не видел...

Он вздрогнул и тряхнул головой, сбрасывая наваждение.

- Что ж, порой магия принимает причудливые формы. Иногда вот такие. Давайте уберем котлы, протрем столы и запишем домашнее задание. Будем считать, сегодня справились все.

При этом магистр одарил меня внимательным долгим взглядом.

Шарлотта встречается с Дэвалем! Моя подруга – ладно, хотя бы приятельница – встречается с моим врагом!

- Когда ты успела?!

- После прорыва... когда та темная душа вошла в бар. Дэваль собрался спуститься к Пределу, я попросила меня проводить. Мы провели пару вечеров вместе. Ты к нему несправедлива.

- Я?! Да я за вас рада! Честно! Хочешь, пришлю ему котел с растущим лимоном?

Шарлотта закатила глаза.

- Вот поэтому я и мучилась несколько дней, не зная, как тебе сказать.

- Слушай. Дэваль – самовлюбленный идиот. И он непременно сделает тебе больно. Я на таких насмотрелась. Они не способны любить, только играть в любовь. Когда им весело, интересно или выгодно.

- Спасибо за мастер-класс, - саркастически отозвалась Шарлотта. – Как-нибудь разберусь.

Разве мог день, начавшийся вот так, закончиться хорошо?

Но я верила и надеялась.

Забыв о том, как приглашение на маскарад меня встревожило, тщательно готовилась. Даже холодный обчий душ (вот это определенно испытание, призванное воспитать в нас смирение) не испортил предвкушение. Я понятия не имела, что за маскарад готовится, но даже перспектива увидеть особняк Вельзевула казалась захватывающей.

Платье село как влитое. Кем бы ни была его хозяйка, у нее был мой размер. Разве что, возможно, была чуть повыше – подол волочился по земле. Но туфли на каблуке исправили ситуацию.

Я расчесала волосы и оставила их распущенными. Надела кружевную маску. Покрутилась перед зеркалом в крошечной камерке, улыбнулась себе, подбадривая, и в назначенный час, сжимая приглашение, вышла на улицу.

Точных адресов в Мортруме не было, местные ориентировались, судя по всему, интуитивно, я обычно приставала с вопросами. Но особняк Вельзевула был на карте, что дал Самаэль, так что я без труда нашла дорогу. И чем ближе подходила, тем чаще встречала других обитателей мира мертвых, спешащих на маскарад. В основном, конечно, ходили парочками. Но встретились и одинокие гости, так что

я как минимум рассчитывала с кем-нибудь потанцевать. Отвлечись от Самаэля, Селин, Дэваля и Шарлотты.

Черт, Шарлотта. Зачем она связалась с этим больным снобом? У Дэваля не все дома, и это видно. Может, я слишком самонадеянна, но готова поспорить – он встречается с ней только потому что она моя подруга. И непременно использует Шарлотту, чтобы еще раз надо мной поиздеваться.

Селин... Селин тоже не выходит из головы. Она меня как будто боится. Не знай я того, что она меня убила, сказала бы – ревнует. Так бывает, когда рядом с мужьями появляются юные практикантки, помощницы и воспитанницы. Но только ли в ревности дело?

К Дэвалю вопросов никаких, он просто скотина.

А вот к магистру Тордеку... что, все-таки, сегодня было? Почему из пепла, в который слили магию, проклюнулись ростки? Почему-то, хоть магистр и постарался выглядеть бесстрастным (а с его инопланетной внешностью вообще подчас неясно, в ярости он или доволен твоими успехами), мне показалось, он не ожидал такого. У кого бы выяснить, насколько вообще нормально произошедшее? И нельзя ли забрать один лимон домой. Мне бы не помешало что-то зеленое в унылой каморке.

А дома сейчас Хэллоуин. Интересно, мачеха вырезала хоть одну тыкву? Вряд ли, она ненавидела этот праздник. При виде раздетой в жуткие костюмы толпы ее буквально начинало трясти.

- Чего ты так боишься? – смеялся отец.

- Под этими масками может скрываться кто угодно. В обычной жизни, увидев чувака с окровавленным мешком на голове, мы бежим, сломя голову. А сегодня почему-то даем ему конфет. Знаешь, почему в полиции ненавидят Хэллоуин? Потому что люди в этот день бездумно открывают двери!

- Бойся не тех, кто носит маски сегодня, Хелен, - улыбался отец. – А тех, кто не снимает их никогда.

Я обожала Хэллоуин. Наряжалась каждый год, пока папа был жив, и он водил меня вместе с другими детьми по району, собирая конфеты. Как-то раз я так неслась к нему от очередного дома, что споткнулась и рассыпала все, что таким трудом собирала весь вечер. Целый котелок конфет оказался в луже. И тогда папа купил мне самое большое мороженое и отвез в парк, где мы до ночи смотрели «Коралину».

Темный лес вокруг пугал и завораживал, но рядом с папой было совсем не страшно. Я чувствовала себя ужасно взрослой.

- Как же мне тебя не хватает, - вздохнула я.

На миг остановилась, всматриваясь в темные воды Стикса.

Была и другая традиция.

Канун Дня Всех Святых – ночь, когда мертвые могут навестить своих близких на Земле. Изголодавшиеся по родным, духи жадно слушают обо всем, что случилось за время их отсутствия. Я приходила к могиле папы и говорила. Обо всякой ерунде: как дела в школе, какие планы на выпускной, как достала мачеха. Могла говорить всю ночь напролет и верила, даже чувствовала, чье-то незримое присутствие. Как тогда, в парке. Было хорошо и спокойно.

Может, папа и вправду точно так же, как я сейчас, смотрел в воды Стикса, думая о тех, кто остался на Земле.

Ну а мне не о ком думать.

Усилием воли я заставила себя стряхнул оцепенение и возобновила путь. Стрелки часов на башне Министерства Мертвых стремительно приближались ко времени начала маскарада. Я не хотела опоздать.

Обособник Вельзевула меня поразил. В первую очередь тем, что был единственным зданием Мортрума, стоящим отдельно. От него к городу-замку не вели переходы, лестницы и коридоры. В особняк Повелителя Мертвых можно было попасть лишь через массивные кованые ворота, гостеприимно распахнутые для участников маскарада – они стекались отовсюду.

Как я и предполагала, традиционными цветами праздника стали всевозможные темные оттенки: черный, синий, фиолетовый, бордовый. Девушки выбирали роскошные платья самых разных стилей и эпох – наверняка в память о былой жизни на Земле. Мужчины одевались сдержаннее и небрежнее, отдавая право блистать спутницам.

Вдоль аллеи, что вела ко входу в особняк, стояли уже знакомые горгульи. Одной из них потребовалось отдать приглашение и, спустя минуту, что та его изучала (я успела было подумать, что сейчас меня развернут восвояси), я очутилась внутри.

В огромном холле была целая тьма народу! Стоял жуткий гвалт. Из распахнутых дверей зала лился мягкий золотистый свет.

Правила соблюдали строго: я не увидела ни единого лица без маски. Даже слуг можно было безошибочно узнать в толпе по темным плащам и черным, слегка напоминающим чумного доктора, маскам. Они разносили подносы с вином и закусками, а еще следили за порядком, и при мне пару раз делали замечание тем, кто пытался снять маску. Интересненько.

Собственно, зачем я здесь?

Развлекаться, потусоваться в высшем обществе иных и мертвых – безусловно. Но для этого можно попросить Харриета отвести меня в бар или еще в какое место. Хотя Маскарад Мертвых звучит куда круче, чем «надраться в баре и потом вспомнить, почему алкоголь – яд».

Я взяла бокал у одного из слуг и вошла в зал.

8.2

Тысячи свечей парили под потолком, мягко освещая пространство. Они бросали золотистые блики на витражи в окнах. Лилась негромкая инструментальная музыка, но источника я не увидела. Вообще, несмотря на отсутствие привычных хэллоуинских символов – тыкв, котелков, летучих мышей – атмосфера царила очень похожая. Праздничная и в то же время немного мрачная.

Я сделала несколько глотков холодного вина и стала бродить по залу, осматриваясь, тем более, что посмотреть было на что.

Огромное, размером, наверное, с футбольное поле пространство разделили на зоны. Фуршет – тысячи закусок, пирамиды выпивки, шоколадный фонтан и горы фруктов к нему. Нечто вроде зоны отдыха с диванами, мягкими уголками, даже ширмами на случай, если захочется побыть интровертом. Танцевальная зона на небольшом возвышении, напоминающем сцену. И даже кусочек зимнего сада – зеленый островок-лабиринт, настоящее чудо, судя по реакции окружающих.

- Перенесен прямиком из Элизиума, - услышала я голос над ухом.

На первый взгляд блондин в маске не был ни Самаэлем, ни Дэвалем, ни Харриетом, так что я приветливо улыбнулась.

- Не знаю, как остальные, а я снова и снова возвращаюсь сюда ради этого островка.

- Я вас понимаю. Мне не хватает зелени.

- Вы новенькая. Полагаю, из числа душ. На иную не похожи, да и я вас не видел.

Я открыла было рот, чтобы представиться, но парень жестом меня остановил.

- Это же маскарад. Мы не открываем лица и не произносим имена.

- Почему? Что такого страшного в знакомстве?

- То, что завтра нам придется вернуться в наши жизни. И делать вид, будто этой ночи не было. Такие правила. Этикет Маскарада Мертвых. До полуночи полчаса. Перекусим? Сейчас самое время.

Что ж, я слишком взволнована, чтобы быть голодной, но никогда не упущу возможность поесть что-то кроме столовской бурды. Тем более, что на закуску Повелитель не поскупился. Часть деликатесов были мне знакомы, в основном морепродукты. Другая часть попала на стол прямиком из других миров. Ее я пробовать не стала. Неизвестно, есть ли здесь аллергия.

- Позволишь, - без спроса перейдя на ты, спросил мой новый... незнакомый, - выбрать для тебя напиток.

- Удиви меня.

Окинув взглядом многообразие бокалов, он задержался на эссенции, и я едва не закатила глаза. Ну почему парни такие банальные? Им дали универсальный инструмент, и они перестали понимать, как работают другие.

Но, к моему удивлению, блондин проигнорировал эссенцию и взял из дальней пирамиды бокал с содержимом светло-зеленого цвета. На запах и вкус оказалось нечто среднее между яблоком и личи. Довольно приятное и освежающее.

- Удивил?

- Пожалуй. Ладно, раз имена и лица под запретом, расскажи о себе так, чтобы не раскрыть инкогнито. Ты мертвый или иной?

- Иной.

- Где работаешь, не спрашиваю, не скажешь. Дай подумать... почему один? Большинство приходят парочками.

- Надеялся встретить кого-то интересного.

- И как успехи?

- Думаю, все получилось, - рассмеялся парень. – Итак, чего тебе хочется больше всего? Потанцуем? Выберем уединенное место? Выпьем еще?

- Хочу к саду.

- Желание дамы – закон.

Желающих прикоснуться к природе было больше, чем эта природа могла вытерпеть, но мы углубились в лабиринт, и вскоре звуки стихли.

- Значит, Элизиум весь такой, и в этом его ценность? Природа, красота, вечная жизнь в райских садах.

- Никто точно не знает, как выглядит Элизиум. Но все хотят верить, что да, кусочек первозданного мира сохранился. Но я привык довольствоваться малым. Наш мир прекрасен таким, каков он есть. Незачем тратить время, мечтая о несбыточном.

- Ты просто не жил на Земле.

- О, да, нам доступны лишь рассказы тех, кому повезло больше.

- Иные совсем не могут посещать Землю?

Мы устроились на мягкой скамейке в тени дерева, с наслаждением вдыхая свежий зеленый аромат. Мне было так хорошо и спокойно, может, от выпитого коктейля, а может, от напоминания о доме, что я бы даже Селин сейчас поприветствовала с безмятежной улыбкой.

Кто бы ни послал мне приглашение, спасибо ему уже за то, что я очутилась в этом саду.

- Увы, мы лишены этого дара.

Но Селин как-то очутилась на Земле и убила меня. Значит, лишены не все, только блондин не в курсе. А что насчет Самаэля? Он обязан знать о талантах любимой супруги.

Здесь даже ветер был! Искусственный, конечно, но такой приятный и ласковый. Я бы просидела здесь всю ночь, но наверняка начнется официальная часть, речи, танцы, представления. Но, быть может, удастся ускользнуть и дать себе пару часов наедине с природой. Никогда не думала, что мне ее будет не хватать. Клянусь, стыжусь каждой брошенной на землю бумажки.

Блондин вдруг поднялся. Сначала я подумала, он хочет пройтись. Но он зашел мне за спину и на несколько секунд застыл. А затем с ножки бокала сорвалась капля холодной воды, коснулась шеи и стекла к ложбинке, оставляя влажный след, по которому заскользили горячие пальцы.

От такой наглости я даже рот открыла.

- Эй!

- До полуночи еще есть время, но я всего лишь дразню аппетит...

- Я тебе бревно в одно место засуну! Боги, ну почему вы все одинаковые? Что, познакомиться на вечеринке с девушкой и не облапать ее в первые же минуты – недостижимое колдунство?

- Хочешь поиграть? Понял, жду полночь, но не думай, что упусти тебя из виду.

- Все, хватит! – Я поднялась и выплеснула содержимое бокала прямо нахалу в лицо. – Счастливо оставаться!

- погоди! Стой!

Он вцепился в мое запястье, не давая покинуть сад.

- Ты что... да быть такого не может... ты вообще не понимаешь, куда пришла, верно?

8.3

Иные не стареют. Не превращаются в дряхлых развалин и не чувствуют того, что души – в своих воплощениях на Земле – называют возрастом. В детстве Самаэль часто задавался вопросом: почему тогда они не остаются вечными детьми? Почему Харон и Вельзевул выглядят старше, а Ридж так и остался почти юнцом?

«Все зависит от баланса энергий, - говорил отец. – Старение – лишь проявление дисбаланса. Ничто не мешает жизненной энергии смертных утекать из тела. Нашей мешает магия. Именно она не пускает нас на Землю. Именно она не дает нашим телам стареть, гнить и растворяться в окружающем мире. Именно магия мешает душам жить на Земле, сами законы мироздания. Поэтому души запечатывают эту энергию. Их жизненная энергия должна утекать, они должны стареть и умирать, отдавая всех себя миру. А иначе почему, как ты думаешь, Земля так прекрасна?».

Селин осталась в самом прекрасном своем облике. Самаэль помнил ее ребенком, ровесницей Аиды, но восхищаться начал, когда жена стала такой – взрослой, знающей себе цену, идеальной в каждом проявлении.

Сегодня, как, впрочем, и всегда, Селин выбрала темно-зеленый. Классическое сочетание с огненной копной волос. Наверное, они и впрямь смотрелись эффектно. И Самаэль прекрасно понимал: каждый в этом зале, несмотря на маски, знает, кто перед ними.

- Я с детства знала, что стану твоей женой, - вдруг произнесла Селин, когда Самаэль принес ей бокал эссенции. – Никто не скрывал, Повелитель не упускал случая напомнить, что мой дар должен быть под контролем.

- Селин...

- Сначала я не думала об этом. Потом мы выросли, и ты мне понравился. Я подумала: «а ведь быть невестой Самаэля – это нечто невероятное!». Потом мы поженились, и я тебя полюбила. Конечно, у меня не было выбора, можешь смеяться, но он мне и не был нужен.

- Селин, это мой первый выходной за много месяцев. Нам обязательно сейчас это обсуждать? Именно в эту ночь?

- Если я попрошу развод, ты меняпустишь?

- Ты хочешь развод?

- Я хочу знать.

- Ты прекрасно знаешь. Нет, Селин, для нас с тобой развод невозможен. Ты не можешь от меня уйти. Ты это хотела услышать? Зачем? Чтобы сделать себе еще хуже?

- Иногда кажется, - она поморщилась, и Самаэлю стало стыдно, - что тебе это нравится. Нравится быть мне не мужем, но хозяином. Только знание, что я не могу уйти, заставляет тебя меня хотеть.

- Возможно... - Он повертел в руке рыжую прядку. – Через несколько минут посмотрим... в чем еще ты не можешь мне отказать. И насколько...

Она с шумом выдохнула, а от эссенции донесся отчетливый аромат его любимого черного кофе.

- Твои ощущения соответствуют действительности.

- Кто она?

- Что?

- Кто такая Аида Даркблум? Ты никогда не заставлял меня убивать. Ты знал, что существует эта грань. Ты использовал мой дар столько, сколько я себя помню, но всегда делал так, чтобы мне казалось это помощью. Или, может, работой. До нее. Ради нее ты перестал считаться со мной, и я хочу знать, почему. Кажется, я имею на это право?

Никто не должен знать. Ни одна живая и мертвая душа, ни один иной, ни одна горгулья не должна услышать, что Аида – его сестра, по крайней мере пока. Но Селин становится сложнее контролировать.

Она боится. А ее дар – единственная ниточка, связывающая Самаэля с Землей. И во взгляде у нее уже нет бывшего обожание, хотя желание еще осталось неизменным.

- Она...

- Я должен советовать тебе немедленно убираться отсюда, - услышали они знакомый голос – Риджа ни с кем не спутаешь. Разумеется, он не пропустит маскарад. – Но я лучше просто подожду полуночи, и буду наслаждаться тем, как ты принимаешь правила игры.

- Знаешь, правила едины для всех, но если однажды на маскараде Риджу дадут по морде, то не удивлюсь.

Губы Селин тронула улыбка, но тут же исчезла, когда раздался второй голос:

- Ты, похоже, и вправду меня не знаешь. Когда я не могла обыграть отца в шахматы, то начинала играть в шашки. Счастливой оргии!

- Это же не... - Самаэль осекся.

- Не смей! – Селин с такой силой сжала ножку бокала, что та разломилась надвое, и остатки эссенции выплеснулись на платье. – Минута, Самаэль, минута! Не смей оставлять меня одну ради нее!

- Я скоро вернусь, - бросил он.

А потом рванул в зеленый лабиринт, ловить эту невозможную девчонку прежде, чем ее поймает кто-нибудь еще.

***

- И куда же я пришла? Не хочешь просветить?

Блондин пожал плечами.

- Ты облила меня, с чего бы мне тебя просвещать?

- Ты меня облапал.

- Здесь это допустимо. Я имею право прикоснуться к понравившейся гостье. А после полуночи она не имеет права мне отказать. Это закон Маскарада Мертвых. Иные приходят сюда в масках, проводят ночь в абсолютной свободе, а затем возвращаются в обычную жизнь.

И он сейчас говорил совершенно серьезно. Весь город (ну ладно, не весь, а только элитная его часть) наряжается и приходит во дворец Вельзевула в определенный день, чтобы поучаствовать в оргии.

- Зачем?

- Ты серьезно? – Парень посмотрел на меня, как на ненормальную. – Из-за магии.

- Все еще не прояснилось. Что такого в магии, что требуется устраивать ряженный бордель?

- Использовать магию для иных – необходимость. Без нее они не смогут управлять душами. Часто магии в избытке, она причиняет неудобства, и ее нужно куда-то расходовать. Магия вредит нашему миру, ее нельзя просто взять и выплеснуть. Секс – отличный способ.

- А что, свидания уже не в моде? Ну там... встретиться, выпить, поехать к нему, наутро приготовить блинчики или свалить, пока не проснулась его дочь? Моя мачеха схему опробовала – работает.

- Все приедается. Секс, эмоции. Каждый раз нужно больше и больше. А в чем проблема? Взрослые люди собрались и делают за закрытыми дверями то, что захотят. Почему ты стоишь и осуждаешь? И как вообще оказалась здесь? Я удивился, когда понял, что ты – душа, но подумал, всякое бывает. Как ты получила приглашение... Хотя нет. Я должен советовать тебе немедленно убираться отсюда. Но я лучше просто подожду полуночи, и буду наслаждаться тем, как ты принимаешь правила игры.

От предвкушающей улыбки стало не по себе, и я решила не выяснять подробностей местных традиций. Свалю отсюда, найду Харона, и устрою ему оргию, какой он в жизни не видел! За приглашение, за то, что отправил меня сюда, скотина! Интересно, сам-то он тут, в маске разгуливает в поисках жертвы, или предпочитает наслаждаться издалека?

- Ты, похоже, и вправду меня не знаешь. Когда я не могла обыграть отца в шахматы, то начинала играть в шашки. Счастливой оргии!

Я двинулась к выходу из лабиринта, но, не рассчитав скорость, столкнулась с кем-то прямо на входе. И надо же, еще одна добрая традиция – он тоже вцепился в мою руку! А затем голосом Самаэля произнес... хотя нет, скорее прорычал:

- Что ты здесь забыла?!

- Вообще-то правилами положено делать вид, что мы друг друга не знаем, мне уже все объяснили.

- Вообще-то правилами положено тебя трахнуть. Право выбирать место предоставлю тебе. Можем прямо на сцену, всем понравится!

Ответа Самаэль не требовал, просто тащил меня к выходу и ругался. И я бы хотела возмущенно ему отвечать, оправдываться или предъявлять претензии, но я совершенно постыдным образом смотрела по сторонам.

Полночь уже наступила, хотя часы еще заканчивали отбивать ее начало. И маски оказались сброшены – в фигуральном смысле этой фразы.

Пожалуй, зрелище можно было даже назвать в определенной степени эстетичным. Сочетание свечей и мрачности замка вкупе с откровенностью происходящего казалось декорациями к какому-то фильму. Надо признаться, я еще ни разу не видела секс (если не считать как раз таки фильмы), и хотелось бы думать, что через зал я прошла ни на кого не глядя и стыдливо отводя глаза от разврата, но нет.

Вот это они называли свободой. Ни лиц, ни имен, ни права сказать «нет». Двое, трое, от нежности до грубости, от изящества до ужасающей пошлости. Какой-то из мужчин двинулся к нам, но Самаэль отпихнул его с дороги, не заметив. Однако уже у дверей путь нам преградил слуга в маске.

- Двери откроются с первым лучом рассвета, - равнодушно произнес он.

- Это мой дом, и я решаю, когда в нем открываются двери.

- Таковы правила Маскарада Мертвых.

- С дороги!

У охранника не было шансов, он отлетел в сторону на добрых два метра, а Самаэль взялся за дверь. Замок жалобно звякнул, треснул – и меня вытащили в коридор, отрезав от набирающей обороты ночи.

- Ну вот, не успела досмотреть, как они там вдвоем ее...

- Хватит! – отрезал Самаэль. – Объяснись немедленно, что ты здесь делаешь! Как ты вошла без приглашения?! Или... приглашение было? От кого? Отвечай немедленно!

- Иначе что? Вернешь меня обратно? Там у тебя жена, часом, не осталась? Не боишься быть последним в длинной очереди?

Глаза Самаэля опасно свернули.

- Когда ты перестанешь быть такой сукой?

- Это мне говорит человек, пришедший на групповуху с собственной женой! Только не надо рассказывать мне про энергию!

Когда кого-то любят, так с ним не поступают!

- Моя жизнь – не твое дело!

- А моя – не твое, но ты с завидным упрямством туда лезешь! Назначил себя судьей и хозяином!

- Так надо было тебя там оставить? Судя по всему, я лишил тебя развлечения. Не помню в твоём личном деле подобных заслуг. Но ты уверенно движешься к закономерному итогу. Ты не иная, Даркблум!

- Да гребаные вы лицемеры! – рявкнула я. – Не вам говорить душам о том, как им себя вести! Не тебе читать нотации о благодетели, Самаэль Сонг! Не смей говорить, что я плохой человек, не смей даже думать о том, чтобы судить мою жизнь, ясно?! Не после того, что я увидела!

- Ты только и занимаешься тем, что судишь других. И знаешь что? Не буду мешать. Мне надоело быть твоей нянькой. Хочешь прокладывать себе дорогу в ад – вперед! Буду только рад, когда ты там исчезнешь!

- Я БЫ НЕ ПОЯВИЛАСЬ, ЕСЛИ БЫ СЕЛИН МЕНЯ НЕ УБИЛА!

Хотела продержаться информацию подольше и использовать выгоднее, нежели в качестве бронебойного аргумента в идиотском споре, но кипящая в крови ярость оказалась сильнее. На долю секунды в его глазах мелькнуло удивление, которое тут же сменилось привычной холодностью.

- Ты знаешь, - спокойно произнес Самаэль.

- Знаю. Вы все упрекаете меня в том, что я не могу смириться с появлением здесь. Может, потому что я и не должна была? У меня была нормальная жизнь, Самаэль. Были планы. Мечты. Да, я не была хорошим человеком, но могла бы им стать. А может, и нет. Может, я бы стала маньяком или брачной аферисткой. Я не знаю, потому что пришли вы и решили, что имеете право оборвать мою жизнь! А потом, лишив права выбора, вы облили меня с ног до головы помоями, не забывая напоминать, что я и взгляда вашего не достойна, чуть ли не валяться в ногах должна за милость! Несомненно, это веселая игра...

- Это не игра.

- Тогда что? Почему я должна стараться быть хорошей, зарабатывать право на новую жизнь, а судят меня те, кто за этими дверьми сейчас устраивают оргию, в которой нет даже права отказать тому, кто противен. Да, я не хороший человек. Но я хотя бы никого не

убивала. И не играла с чужими судьбами. Извини, что не соответствую твоим ожиданиям, но я и не хочу. Возвращайся к Селин.

Самаэль долго, так долго, что я отвернулась, буравил меня взглядом. Часть меня надеялась, что он не уйдет. Что мое знание о смерти заставит его хоть что-то объяснить.

- Не уходи из дома. На улицах может быть небезопасно, прорехи все еще не шутка. Завтра поговорим.

А затем ушел. Из приоткрытых дверей в коридор хлынул свет, а затем все погрузилось во мрак. Из темных недр дома повеяло холодом. Мне вдруг захотелось оказаться где угодно, пусть даже среди толпы в зале, но не здесь, в полном одиночестве. Получить хотя бы иллюзию нужности.

Не уходить из дома? И куда мне идти? Сидеть возле дверей в ожидании, когда хозяева наиграются?

Словно услышав мои мысли, где-то в глубине дома пронесся уже знакомый шепот:

Найди меня, Аида...

Что-то из темноты зовет и шепчет? Дайте два!

Тыльной стороной ладони я смахнула набежавшие слезы, и осторожно двинулась в неизвестность. Кажется, в эту ночь в доме Вельзевула совсем не было ни слуг, ни других обитателей. Мои шаги гулким эхом отдавались в длинном коридоре.

Стены украшали пейзажи. Мне с трудом удавалось рассмотреть их в слабом-слабом свете, источников которого найти не удалось. Но даже в таком освещении я поняла: на полотнах неизвестные мне художники изобразили этот мир. Такой, каким он был до того, как магия превратила его в мрачное угнетающее место.

Красивый мир. Великолепный. С парящими островами и водопадами, с подводными садами, гигантскими лесами и невероятными цветочными долинами. Если Элизиум хоть в половину похож на мир с этих картин – он стоит того, чтобы за него бороться.

Когда послышались шаги, сердце пропустило удар. Не знаю, какая опасность могла подстергать в особняке Повелителя Мертвых, но даже мысль о том, что в двух шагах находились несколько сотен магически одаренных иных не придавала мне уверенности. Все внутри кричало: беги!

Интуиция не подвела. Шок и другие эмоции заставили на время забыть об еще одном обитателе неприветливого темного мира. Дэваль, как оказалось, брезговал массовыми мероприятиями и решал проблему скуки более традиционным методом.

Пил.

Босой, в криво застегнутой рубашке и свободных штанах, с взъерошенными волосами, он едва стоял на ногах и держал в руках початую бутылку эссенции. При виде меня Дэваль остановился, с трудом сфокусировал взгляд, затем перевел его на двери в зал и криво усмехнулся.

- Наслаждаешься? Как прошло? Понравилось?

Еще одна мудрость отца: лучше потерять гордость и деньги, чем невинность и жизнь. «Неважно, что от тебя хотят, какие грязные словечки отпускают в твой адрес, свистят, улюлюкают или оскорбляют – уходи. Просто уходи как можно скорее, сливаясь с окружением, сделавшись незаметной. Ты готова заплатить здоровьем или жизнью за один-единственный акт воспитания какого-то уличного животного?».

Я была плохой ученицей.

- Ничего. Но твой брат читает нотации даже в самые неподходящие моменты.

То, как из голубых его глаза становятся почти черными, невероятное зрелище. Пугающее до мурашек по коже, но невероятное. Дэваль сделал ко мне несколько шагов.

«Уходи, Аида!», - словно наяву в голове прозвучал голос отца.

Но куда? Это его дом. Не мой.

И я осталась упрямо стоять. Дэваль был выше меня больше, чем на голову, и приходилось смотреть снизу вверх, что наверняка немного снижало эффект от моей дерзости и уверенности в себе.

- А ты почему не на празднике? Или старший братик не берет с собой в песочницу?

- Боялся, что встречу там тебя.

- Что-то тебе сегодня не везет.

Он наклонился ниже, так близко, что я почувствовала знакомый легкий винный аромат.

Кьянти. Его эссенция стала вином?

- Уходи... - с нажимом произнес он, и почему-то захотелось послушаться.

Но я не двинулась с места и не отвела взгляд. То ли из природной вредности, то ли Дэваль обладал какой-то магией, заставлявшей жертву замереть и почти не дышать в его присутствии. Его взгляд на миг помутнел, а затем сфокусировался у меня на губах. И прежде, чем я успела понять, что он собирается делать, наши губы встретились.

Сначала мимолетно, одним касанием, от которого сердце в груди странно дернулось. От возмущения, может, или злости, потому что Дэваль мог выбрать любой способ меня унижить, но остановился на этом. Он украл мой первый настоящий поцелуй. Не неловкие обжимания с парнями на школьном балу, а реальный, откровенный и взрослый поцелуй.

Он раздвинул языком мои губы, отобрал право дышать самостоятельно, жадно и грубо заставляя ответить. Пальцами свободной руки сжал волосы у меня на затылке, прижимая к себе, пресекая остатки сопротивления.

А потом, так же внезапно, как случился этот проклятый поцелуй, все прекратилось. Дэваль оторвался от моих губ, отстранился и поморщился с неприкрытым отвращением.

- Не надо было тебя спасать. Тебе бы понравилось среди них...

Я открыла было рот, чтобы примитивно и без изысков послать скотину как можно дальше, но парень пошатнулся, расхохотался и поднял бутылку. Сначала я подумала, Дэваль хочет глотнуть, но он, с трудом приняв устойчивое положение, наклонил бутылку прямо над моей головой – и холодная эссенция с запахом кьянти пролилась мне на волосы.

После поцелуя я думала, уже ничто не приведет меня в ступор, но это вновь случилось. Чувствуя, как жидкость стекает по волосам, лицу, маске, на грудь и платье, я едва дышала от захлестнувших ненависти и обиды.

Перед глазами, как видение, промелькнули картины ближайшего будущего: вот я разворачиваюсь и убегаю, чтобы найти туалет, блуждаю по мрачному холодному замку, пока без сил не опускаюсь на лестницу, и рыдаю до утра, когда насладившийся всеми удовольствиями групповых забав Самаэль вспомнит об оставленной подопечный.

«Но если драка неизбежна – бей первой», - говорил папа. А черед неделю сидел в кабинете у директора и оправдывался, что вовсе не

учил дочь бить обзывавших ее мальчишек.

Он забыл об одном нюансе. Когда бьешь первой, любая драка превращается из возможной в неизбежную.

8.4

И я ударила. Так, что не ожидавший отпора Дэваль отшатнулся и выронил бутылку. А потом вместе со мной полетел на пол, пытаюсь отбиться от неадекватной разъяренной девицы, не умеющей круто драться в огромном бальном платье, но отлично способной выдрать уроду пару клочков волос!

- Отвали, ненормальная! – прорычал парень.

- Как ты меня бесишь! – Я пыталась попасть коленкой по какому-нибудь чувствительному месту, но скотина ловко извивался.

Конечно, даже пьяный страж в два счета бы скрутил меня, если бы сообразил, как именно. Попробуй, скрути орущего, царапающегося и кусающегося кота! К собственному удовлетворению я оставила на заносчивой мордашке наследничка пару царапин.

Оставила бы и больше (я вообще, кажется, в порыве злости собиралась укусить его за нос), но чьи-то сильные руки оттащили меня от Дэваля.

- Отпусти меня! – Я тщетно пыталась вырваться из хватки Самаэля.

Дэваля удерживала Селин, правда, не от продолжения драки – он едва стоял на ногах, шатаясь и поскользываясь на разлитой эссенции.

Ну а остальные гости маскарада наслаждались зрелищем. Обступив нас полукругом, слегка растрепанные и возбужденные иные негромко переговаривались.

- Хватит! Хватит, я сказал! – Самаэль несколько раз меня встряхнул.

- Уйми своего брата, иначе я клянусь, я его убью!

Плохо они все же знают нас, душ. Самаэль удерживал меня поперек талии, оставив свободными руки. Ничто не помешало мне прежде, чем кто-то опомнится, снять туфлю и бросить уроду в лоб.

Попала, правда, в Селин, но ничуть не расстроилась:

- Это тебе за то, что не подвезла!

Селин побледнела и от неожиданности выпустила Дэваля. Воспользовавшись предоставленной возможностью, он грохнулся на

пол. Прямоком к ногам вышедшего из тьмы отца.

Воцарилась зловещая тишина.

- Что здесь происходит? – спокойно поинтересовался Вельзевул.

Окинул равнодушным взглядом валявшегося на полу сына, пытающуюся привести его в чувство Селин, гостей и, наконец, остановился на нас с Самаэлем.

- Что она здесь делает?

- Понятия не имею, сам хотел выяснить, - буркнул в ответ Самаэль.

Прилюдный разбор полетов с отцом его не вдохновлял. Но Вельзевул плевать хотел на зрителей. И даже мой пыл резко остыл. Инстинкт самосохранения еще не до конца атрофировался и буквально таки умолял быстренько извиниться за то, что чуть не откусила нос сыну Повелителя Мертвых и обломала порядочным людям оргию, и сбежать домой.

- Возвращайтесь в зал, - после долгой паузы негромко приказал Вельзевул.

Ни у кого и мысли не возникло ослушаться. Кроме Самаэля и Селин, они явно опасались, что если отпустят нас с Дэвалем, то в пылу честной драки перепадет и повелителю. Но я уже выдохнула и передумала биться до последней капли крови. Накатила страшная усталость. Ночь, которая должна была стать глотком свежего воздуха, превратилась в черт знает что.

Хотя и он, наверное, не знает.

- Ты что, не способен справиться с простейшим заданием: присмотреть за девчонкой?! – рыкнул Вельзевул. – Я разочарован.

- Не сомневаюсь.

- Ты хоть осознаешь, чем рискуешь?! Насколько сейчас небезопасно на улицах Мортрума?

- Почему? – живо влезла я. – Что происходит?

Ответом стали сразу четыре укоризненных взгляда, даже Дэваль на пару секунд протрезвел!

- Извините. Просто любопытно. Все, молчу, - стушевалась я.

- И вы еще смее сомневаться в моих решениях? Вы оба, всерьез надеялись, что я буду считаться с вами? Такие же безответственные, как смертные души.

- Отец...

- Ее не должно быть здесь сегодня! Ты в ответе за эту девушку, и ты допустил, чтобы она подвергла себя опасности, Самаэль!

- Я не могу запереть Аиду в клетке, чтобы выпускать только на учебу и в министерство. У нее, знаешь ли, есть характер. И она не стесняется его демонстрировать. Что мне ее, связать? Бить? С удовольствием бы всыпал ремнем, да вот сомневаюсь, что поможет. Понятия не имею, кто прислал ей приглашение, но будь уверен, найду. И не смей, слышишь, не смей отчитывать меня перед моими же подчиненными!

- Тогда не давай для этого поводов, Самаэль. А ты...

Вельзевул посмотрел на Дэваля, но быстро понял, что сейчас разговаривать с сыном бессмысленно и махнул рукой.

- Селин, уведи его, а затем возвращайся на маскарад.

- Да, повелитель, - удивительно кротко отозвалась рыжая стерва. – Дэв! Вставай! Слышишь, вставай немедленно!

- Да идите вы все в аид! – простонал он и пошарил рукой в поисках бутылки, но, вспомнив, что та разбилась, обиженно хныкнул. – Ты, братик, катись в аид! И ты, папа, катись в аид! Селин...

Дэваль рассмеялся.

- Беги отсюда, Селин, беги как только можешь, потому что однажды ты закончишь так же...

- Хватит! – отрезал Вельзевул. – Еще одно слово, и я закрою в клетке тебя, Дэваль, я сейчас не шучу.

- Буду считать отпуском. – Дэваль показал большой палец, но все же не без поддержки Селин поднялся. - А ты...

Он посмотрел на меня.

- Хреново целуешься. Иди туда, - кивнул на двери зала, - потренируйся.

Теперь вопросы появились уже ко мне, причем как у Самаэля, так и у Вельзевула.

- Я обещала молчать. Давайте сделаем вид, что ничего не было. Я... прошу прощения, что вас потревожила. Снова. И что испортила орг... кхм... маскарад. И надавала вашему сыну по лицу и не только. И...

- Боги, перечисление явно затянется до утра, - вздохнул Самаэль.

- И прошу прощения за то, что плюнула вашему старшему сыну в кофе.

- Это когда это?

- Это завтра.

- Вам что, пять лет? – поинтересовался Вельзевул, которому явно надоел спектакль. – Аида, прояви и ты хоть немного уважения, в том числе к наставнику. Сын, с завтрашнего дня я запрещаю тебе оставлять ее одну, по крайней мере до тех пор, как мы не удостоверимся, что на улицах не осталось ни одной темной души.

Я насторожилась и даже замерла, чтобы не пропустить ни слова. Темный был не один? Кто-то повадился выпускать из аида души? По коже прошелся холодок: по дороге на маскарад рядом не было Дэваля. Случись что – никто бы даже не узнал, куда пропала новенькая душа Аида Даркблум.

С другой стороны, в первый раз душа нашла и едва не утянула меня в аид посреди людного бара. Если не повезет, даже по дороге из колледжа в министерство можно найти билет в аид.

- Ты хочешь, чтобы я провожал ее на учебу, с учебы, с работы и на все прогулки? Для этого существует Харриет...

- Очевидно, твой Харриет не справляется со своими обязанностями. Полагаю, я напрасно дал ему шанс.

- Не наказывайте Харриета! – попросила я. – Он обиделся.

- Обиделся? – в голосе Вельзевула прозвучало искреннее удивление. – Ему доверили жизнь новой души, юной девушки, а он обиделся и подверг ее опасности? Кажется, Харриет так ничему и не научился за то время, что пробыл здесь.

- Он хороший, правда. Просто чтобы на меня не обижаться, надо быть деревцем.

- Надо же, - хмыкнул Самаэль, - существуют те, ради кого ты готова поступиться гордостью.

- Кофе, - напомнила я.

- Аида, ступай за слугой, он покажет тебе ванную комнату. Приведи себя в порядок. И не смей покидать пределы дома, пока я или Самаэль не позволим. Ты поняла?

Невесть откуда, бесшумный как призрак, рядом с Вельзевулом появился слуга все в той же темной маске. Похоже, их носили не только на маскараде, но и за его пределами.

- Да. Поняла.

- Тогда я тебя больше не задерживаю. Ступай.

Пришлось проследовать туда, куда меня настойчиво приглашали – вверх по огромной лестнице, по коридору куда-то вглубь особняка, показавшегося мне куда больше изнутри, чем снаружи. Может, то была какая-то магия, а может, шалило воображение. Мы шли недолго, но я насчитала добрых три десятка одинаковых дверей. Как они здесь не путаются?

Возле одной из них слуга остановился и пропустил меня внутрь большой и довольно симпатичной комнаты. У одной стены поражала размерами королевская постель с резным изголовьем, у другой весело трещали поленья в камине, добавляя уюта, а в третьей, напротив входа, виднелась еще одна дверь – в ванную.

- Чья это комната? – спросила я.

Слуга остался безмолвен.

- Вам что, нельзя разговаривать?

В знак согласия он едва заметно склонил голову.

- Ну и нравы.

Из ванны поднимался пар, а на поверхности воды высились горы душистой золотистой пены.

- Поняла. Смыть следы позорной драки. Можно мне остаться одной? Клянусь, сбегать через окно не буду, спинку тереть не надо. Нет, правда, я серьезно. У меня дома крошечная комнатка с хламом вместо мебели и холодная вода в душе. Через пару часов вы всем коллективом будете отдирать меня от этой ванны, а я буду рыдать и проситься пожить. Мне действительно нужно остаться одной.

К счастью, слуга внял моим просьбам и, немного поколебавшись, ушел, мягко закрыв за собой дверь. Не став мешкать, я с наслаждением разделась и опустила в воду прямо с головой, смывая проклятую эссенцию и запах Дэваля.

Жаль, что вкус его губ так просто смыть не получится. Хотя я все равно постаралась.

Боже, как хорошо! Утром я отдала бы за горячий душ все на свете, но о ванне даже боялась думать! Вода в ней совсем не остывала, пена не опадала, а десяток флакончиков на небольшой этажерке рядом здорово развлек.

- Надеюсь, эти шампуни не отобрали у Селин, а не то она еще сильнее взбесится.

- Нет, - раздался голос Вельзевула. – У Селин никто ничего не отбирал.

8.5

Я вздрогнула и ушла под воду по самый нос, чем, похоже, развеселила Повелителя Мертвых.

- Не бойся. Я не ем непослушных девочек на ужин.

- Да, тяжелая пища на ночь – это вредно.

Я вздохнула и подула на горку пены перед носом. К счастью, она надежно скрывала от взора Вельзевула все, что положено скрывать от посторонних.

- Ну давайте, начинайте.

- Что начинать?

- Ругаться. Явилась на чужую вечеринку, подралась с наследником, кинула туплей в жену начальника, что там еще...

- Пообещала плюнуть ему в кофе.

- Ага. Теперь точно в ад, да?

- Не самые страшные грехи. Хотя я рассчитывал на более осознанное поведение. Не думай, что я оставлю это без наказания. И тебе и Дэвалю придется расплатиться за свое поведение. Тебе не стоило ввязываться в драку, а он не имел права тебя провоцировать.

- Снова отработка в баре? Я еще прошлую не закончила. Может, мне уже там оформиться на постоянку? Явно же не последний косяк.

- Нет, - ответил Вельзевул, - я придумал кое-что другое. Моя цель не причинить тебе неудобства и не довести до истощения, нагружая работой. Мне бы хотелось, чтобы ты приняла мир, в котором оказалась. И смирилась с тем, что он – твой дом, по крайней мере, в ближайшее время. Это непросто, понимаю, правила бесят...

- Правила меня не бесят. Я всю жизнь в спорте. Каждый шаг подчинен результату. Есть правила питания, тренировок, учебы, режима, даже того, как ты выглядишь, что пишешь в социальных сетях. Никаких объеданий бургерами, прогулов, тусовок, личной жизни. Только лед, зал, школа и соревнования. Но фигурным катанием я выбрала заниматься сама. Папа привел меня на каток просто потому что я постоянно болела, хотел закалить. Все эти правила я выбрала сама, сама пожертвовала частью детства и подросткового периода ради коньков. А ваши правила я не выбирала. Я не погибла и даже не стала

чьей-то случайной жертвой. Жена вашего сына меня убила, причем сделала это в первый же возможный день, явно выжидая момент, когда я смогу попасть сюда. Понимаете разницу?

- Селин тебе рассказала?

- Нет. Вспомнила.

На лице Вельзевула в отражении в зеркале, стоящем напротив ванны, промелькнуло удивление. Что, неужели никто не вспоминает собственную смерть и я такая уникальная?

- Да, полагаю, ты в чем-то права.

- В чем-то?! Вы... ладно, не вы, Селин или Самаэль, не знаю, кто, явно не сама она это придумала, притащили меня сюда, обвешали правилами и наказываете за их нарушение. Требуете смириться. Принять ваш мир. Какой мир? Серый, мрачный, лишенный природы, солнечного света и хоть каких-то радостей? Мир, в котором все зарабатывают себе право не отправиться в вечные муки? Можете хоть вы мне ответить, за что?! Зачем я здесь? Почему нельзя было дать мне жить? Ответьте хоть на какой-то вопрос! Почему вы лично вмешиваетесь в наш конфликт с Дэвалем? Почему лично отдаете приказы Самаэлю, зачем велите ему за мной присматривать? И почему...

Голос сорвался, словно тело отказывалось задавать вопросы, ответы на которые я не хотела слышать. Но я упрямо прокашлялась и продолжила:

- И почему мое имя звучит как название места, куда вы отправляете мучиться грешников?

- Аида – не самое распространенное имя, но вполне существующее. Я плохо знаю земной легендарииум, но, насколько помню, мифы об Аиде и Персефоне у вас популярны. Почему тебя удивляет женская форма знакового для твоего мира имени?

- Потому что вы только что проигнорировали все вопросы, кроме этого. Что, скажете, просто нашли на Земле девочку Аиду, восхитились созвучием и захотели непременно устроить ее стражем?

- Нет.

Он прошелся туда-сюда вдоль стены, остановившись так, чтобы поймать мой взгляд через зеркало.

- А ты уверена, что готова к ответам?

- Я могу решать за себя.

- Если бы ты хотела, то уже перестала бы спрашивать. Докажи, что готова. Сделай предположение. Реальное предположение, а не сказку о коллекционирующем редкие имена Повелителе Мертвых. А я скажу, права ты или нет, а затем дополню.

Я отвернулась, не в силах выносить пронзительный тяжелый взгляд. В облике Вельзевула, в том, как он держался, как говорил, как смотрел, сквозило что-то нечеловеческое. Внешне он выглядел как обычный мужчина средних лет, но порой казалось, стоит отвести взгляд – и за человеческими чертами проглядывали другие, пугающие, открывающие истинное лицо существа, стоящего на страже темных душ.

- Так я и думал, - усмехнулся Вельзевул, когда пауза затянулась. – Смотри, Аида. Смотри по сторонам, а не на себя. Все ответы – вокруг тебя. Пока ты не найдешь их сама, каждое мое слово будет превращать тебя в подобие Дэваля. В озлобленное и эгоистичное существо.

- Почему он такой? – спросила я. – Не спрашиваю, за что он меня ненавидит, но почему... так?

- Боюсь, это моя вина, Аида. Дэваль таков, каким я позволил ему быть своим поступком.

- Что вы сделали?

- Я перестал его любить.

Несмотря на горячую воду я поежилась от мороза по коже. «Перестать любить» - это просто не укладывалось в той картине мира, которую создал для меня отец.

- Так нельзя, - вырвалось у меня. – Нельзя перестать любить своего ребенка.

- Если бы это было мое решение, я бы, разумеется, никогда так не поступил. Но порой мы не властны над чувствами. Дэваль разочаровал меня. Не стал тем, кем я надеялся его видеть. Он это понимает, и это на него влияет. Я не горжусь, но и не могу изображать любящего отца. Тебя это шокирует?

Шокирует? Кажется, в этом мире меня уже ничего не могло шокировать. Нет, чувство, которое я испытала, не походило ни на удивление, ни на отвращение. Мне стало его жаль. Никто, даже Дэваль, не заслуживает, чтобы его перестали любить родители.

- Однажды вы его потеряете, - тихо сказала я. – Не сможете больше отчитать за пьянку, отправить закрывать прорехи,

пожаловаться его старшему брату или рассказать приبلудившейся девице, как он вас разочаровал. Вам останутся только воспоминания о сыне, о том, на что вы никогда не обращали внимание. Улыбка, голос, счастливые моменты. А его самого не будет.

Я поднялась из ванны и, накинув приготовленный халат, затянула пояс.

- Вот тогда вы поймете, что такое ад.

8.6

Голова взорвалась болью в очередной раз. Дэваль прислонился лбом к холодной стене, но даже сквозь шум и спазмы в сознание пробился приглушенный голос отца.

Я перестал его любить.

Да пусть катится в ад его любовь!

Разочарование? Не отцу о нем говорить. Он разочаровал своих сыновей не меньше, чем они его.

Он слышал голос Аиды. Но не мог разобрать слов, они слились в фоновый шум, стали частью раздражающей на куски боли. Да, магия и такое количество эссенции – адская смесь. Может, стоило заглянуть на маскарад. Может, стало бы хоть на несколько часов легче.

Мысли о маскараде повели его дальше, к ней. К проклятой девке, его сестре. Она – последняя, кого он ожидал сегодня увидеть. Она не вписывалась в маскарад. Он просто не мог себе представить Аиду Даркблум, отдающуюся любому, кто этого захочет. Не хотел представлять.

А мерзавка улыбалась, наслаждаясь его слабостью. Не отводя глаз с наслаждением острыми когтями ковыряла нутро, рассказывая, как забавлялась с его братом. И Дэвалю хотелось ее уничтожить. Сжать тонкую шейку руками, заставить ее замолчать, получить власть. Перестать о ней думать.

И снова он не справился. Снова разочаровал, только теперь уже самого себя.

Он до сих пор чувствует теплые нежные губы, запах этого ее вина, противного и одновременно желанного. Помнит ее робкую попытку ответить на поцелуй, тут же пресеченную ею же. Она так выбесила, эта напускная наивность, что он не сдержался. Смысл свой же

прикосновения эссенцией, отчаянно желая испытать отвращение, но только стиснул зубы, поймав ее взгляд, от странного ощущения.

Как будто он ее обидел.

Как будто на несколько секунд он был ей нужен. А потом ударил уязвимую девочку, ищущую тепла.

Как будто она была на него похожа.

Как будто ему не плевать.

- Что ты здесь делаешь? – услышал он голос брата и с трудом оторвался от стены.

- Отстань, Самаэль.

- Идем, пока отец не увидел.

- Да мне плевать.

- Не сомневаюсь. Идем. Что ты принял?

- Селин что-то дала. Башка раскалывается.

- Тебе надо поспать. Идем, я сказал, пока ты не сделал хуже. Все, хватит уже, развлекся.

Он не помнил, как брат почти силком дотащил его до комнаты и бросил на небольшой диван в гостиной. На кровати было бы удобнее, но и так сойдет. Завтра он наверняка пожалеет обо всем, что сегодня произошло. Но Дэваль привык. В последнее время он жалеет о каждом прожитом дне.

- Что ты творишь? – Брат не собирался уходить и замер у камина. – Дэв, что с тобой? Она твоя сестра!

- А ты сам-то об этом помнишь? Или ты так, просто приглядывал за малышкой, пока наслаждались другие?

Самаэль вдруг рассмеялся. Немного нервно, но даже обидно. Дэваль поднял голову. Что смешного?

- Вы из-за этого сцепились? Из-за маскарада? Я думал, ты ее пригласил.

- Зачем? Чтобы вам с женушкой было повеселее?

- Оставь Селин в покое, ей и так непросто. И хватит вести себя, как влюбленный подросток. Аида явилась на маскарад, думая, что это просто хэллоуинская вечеринка. Я вывел ее, как только увидел. Естественно, эта девица не могла не побесить тебя, но Дэв, ей девятнадцать земных лет, ты можешь держать в уме, что она – неразумное дите?! Еще раз говорю: хватит! Она твоя сестра, начни относиться к ней, как к сестре! Никто не просит тебя дружить с ней и

вместе гулять по выходным, но ты можешь хотя бы не устраивать провокаций?

- Она теперь будет жить здесь? – Дэваль проигнорировал тираду брата и зевнул, чувствуя, как снадобье Селин берет верх над сознанием.

- Да. И это не единственная плохая новость. Терпение отца закончилось. Знаешь, в чем именно заключается твое наказание, а заодно и ее? Теперь ты – ее напарник.

- Чего?!

Даже сон слетел. И желание копаться в собственных обидах как рукой сняло. Отец, похоже, сходит с ума.

- Того. Как любой начинающий страж, она должна получить напарника и учиться работать возле Предела. И я искал ей кого-то, рядом с кем будет надежно и безопасно, кто устроит отца. Но теперь его устроишь только ты.

- Пусть катится в аид.

- Он и так почти там. Но ты знаешь, что на кону. Придется смириться.

Дэваль пожал плечами.

- Как скажешь.

Что не могло не насторожить брата.

- Как скажешь? Что, даже не будет швыряния посудой, разгрома комнаты, обвинений меня в трусости и слабости?

- Не будет. Если отец хочет, чтобы я побыл нянькой для его любимой дочурки – пусть. В конце концов, он в первую очередь Повелитель, а уже потом – папа.

- Если ты хоть что-то выкинешь, если она пострадает...

- Да-да-да, ты лишишь меня сладкого и непустишь гулять. Братишка, сделай одолжение: иди и трахни жену, там наверняка уже подошла твоя очередь. А то придется ждать второй круг.

- Иногда ты бываешь такой тварью, что я почти согласен с отцом.

- Иногда? Моя недоработка. Буду радовать тебя чаще.

Когда дверь за братом закрылась, Дэваль откинулся на подушки и рассмеялся.

В чувстве юмора отцу не откажешь. Заставить его находиться рядом с сестрой, еще раз продемонстрировать его новое место. Из наследника в прислужники.

Да и плевать. Так даже лучше. Раньше представлять, как он избавится от Аиды Даркблум, было своего рода успокоительным. Прокрутить в голове до мельчайших подробностей, до последнего слова. А сейчас у него есть шанс воплотить план в действие.

Она исчезнет. И... нет, ничего не будет как прежде. Но это даже хорошо.

8.7

Проснувшись на следующее утро я не сразу поняла, где нахожусь. На огромной мягкой постели, среди горы подушек, с растрепанными волосами. В комнату через узкое витражное окно едва проникал утренний свет. Негромко тикали часы. Камин давно потух.

Я потянулась, с наслаждением разминая мышцы. Как давно я не каталась! Надо дать себе зарок непременно при ближайшей возможности встать на коньки.

Мысли вылетели из головы, когда я увидела на полу, посреди комнаты, гору вещей. Моих вещей: учебники, тетради, выданные в колледже, коньки, вещи, что я взяла в салоне, вчерашнее платье и маска, сброшенные в ванной. Ученическое платье, заботливо повешенное на плечики на дверце шкафа.

- Э-э-э... вопросики.

Словно услышав, что я проснулась, снаружи кто-то постучал.

- Аида, я жду тебя три минуты, - услышала я голос Самаэля. – Ты проспала шанс на завтрак и в шаге от того, чтобы проспать колледж.

Пришлось судорожно собираться, игнорируя жалобное урчание желудка. Теперь шанс поесть выдастся только днем, после окончания занятий, по дороге в министерство. Между прочим, когда мы ехали в поезде из мира живых, Самаэль сказал, что мертвым еда не требуется. Но не уточнил, что хотеть ее мы не перестаем.

Похоже, мой организм настолько не ожидал вдруг поспать в роскошной кровати, да после горячей ванны, что вырубил меня, едва я головой коснулась подушки. Даже не помню, когда ушел Вельзевул. Да и не хочу о нем думать.

Самаэль, как всегда, одетый с иголки, ждал в коридоре.

- У меня очень много вопросов! – объявила я.

- Не поверишь, у меня тоже. Давай по очереди, я первый. Кто прислал тебе приглашение на маскарад?

- Не знаю, нашла у комнаты, когда вернулась вечером.
Анонимное.

- И никаких подписей? Намеков?

- Никаких.

- И позволь поинтересоваться, что именно сподвигло тебя пойти на вечеринку, получив приглашение от анонима? Слабоумие и отвага?

- Ну почти, - фыркнула я. – Было интересно, что такое маскарад мертвых. И грустно.

- Повеселилась?

- Я серьезно. Хотелось сходить на вечеринку, потанцевать, нарядиться в красивое платье, в маску, развеяться. Ваш город меня угнетает. То есть, он, конечно, красивый и все такое. Но уж очень грустный и одинокий.

- Потрясающе, - фыркнул Самаэль с неприкрытым сарказмом. – Ну, раз уж ты сама заговорила о платье, то откуда оно?

- Взяла в салоне. Когда Харриет меня туда водил за одеждой.

- Прямо в салоне?

- Ага.

- Прямо висело?

Я покосилась на него и едва сдержалась, чтобы не двинуть сумкой. Самаэль откровенно издевался и не собирался это скрывать.

Идти с ним оказалось даже интересно: с ним постоянно здоровались, ему улыбались, его определенно уважали. Интересно, о вчерашнем говорят? О маскараде вряд ли, судя по тому, что рассказал блондин. Но формально мы с Дэвалем дрались не на маскараде. Наверное, какие-то слухи все равно ходят. Надеюсь, они еще не дошли до Шарлотты, и я успею рассказать ей сама. Не хватало мне еще и обиды подруги.

- Ты знаешь, где оно висело. И я не хочу об этом говорить.

- А с повелителем говорила?

- Да, вчера. Не скажу, что хочется повторить опыт. Я его не понимаю.

- Это и не твоя задача. Твоя – учиться и работать. И отрабатывать наказание, разумеется. Первое, которое за склоку в баре.

- Спасибо, что уточнил. Но ты обещал, что будем отвечать на вопросы по очереди, а задал уже восемь. Моя очередь. Что значат вещи, сваленные в комнате, где я спала?

- Ты бездарно тратишь свои попытки. Это значит, что ты будешь жить в этой комнате. По-моему, это очевидно.

- Жить в этой комнате, - повторила я. – Рядом с Дэвалем. Тем, с которым мы вчера едва друг друга не убили?

- Ты преувеличиваешь. Это ты его едва не убила, ну и еще алкоголь. Не знаю, что больше. И нет, это не наказание, это меры безопасности для тебя. Не станешь же ты отрицать, что рядом с Дэвалем тебе безопаснее? Пусть и вы не ладите. К тому же в доме живу я, Дар...

- Селин...

- Селин, - нехотя согласился Самаэль. – Иногда заглядывает отец. Там ты под защитой. Так что это не наказание, это награда. А наказание будет сейчас. Помнишь, я говорил, что подберу тебе напарника, с которым ты будешь стоять в дозоре? Поздравляю: им станет Дэваль.

- Ты шутишь?!

Я сбилась с шага и чуть было не выронила сумку от неожиданности.

- А я похож на шутника? – мрачно поинтересовался Самаэль. – Таково решение Вельзевула. Даже его достали ваши склоки. Вы могли холодно и презрительно друг друга не замечать, и никто не сказал бы ни слова. Но вам с Дэвом же обязательно нужно устроить представление.

- А если мы сцепимся прямо у Предела?

- Так не цепляйтесь друг к другу! – почти взвыл Самаэль. – Это что, запредельно сложно?! Не провоцируй его!

- Эй, он первый начал!

- Да, начал. Не сомневаюсь, Дэв – это Дэв. А тебе сложно было промолчать? Послать его по матери и уйти? Не прикидывайся невинной овечкой, Аида, ты прекрасно знаешь, в какие точки бить, чтобы кого угодно довести до белого каления. А Дэвалю много не надо.

- То есть он может меня оскорблять, лезть в мою жизнь, обливать вином, но виновата я, потому что не так посмотрела? Обалденная логика!

- Я такого не говорил. Просто начни считать скандалы с ним ниже своего достоинства.

- Не могу! – буркнула я.

Вдали показался корпус колледжа, и я почти обрадовалась, поняв, что совместная дорога подходит к концу.

- Почему?

- Не знаю! Он меня бесит! Каждый раз, когда он выкидывает что-то такое, хочется вцепиться ему в волосы!

- Вот теперь будете учиться. Дэваль – разделять личное и рабочее. А ты – умирять характер во имя безопасности. Он знает, что если навредит тебе – жестоко поплатится. А ты знаешь, что если доведешь его до ручки, наказание братика не испугает. Наслаждайтесь. А теперь иди учиться. Запечатывай магию, изучай историю, становись настоящим стражем. Еще вопросы есть? У тебя еще три штуки осталось.

- М-м-м... дай подумать.

Он рассмеялся, так снисходительно, по-взрослому, что я почти надулась.

- Как отдохнул на маскараде?

- Твоими стараниями к концу подустал.

- Обрато мне тоже надо будет идти под конвоем?

- Ага. Последний вопрос.

- Лимон домой можно забрать?

Самаэль удивленно моргнул и нахмурился – я все же пробила броню иронии и утренней флегматичности.

- Какой еще лимон?

Я пожала плечами.

- На паре у Тордека мы что-то делали с магией. Вроде как сливали ее в землю или что-то такое. И из пепла у нас выросли маленькие лимоны. Можно мне один забрать в комнату? Он будет меня радовать, я буду доброй, милой, вежливой и не буду доставать Дэваля.

- Многообещающе. Но неубедительно. Посмотрим. Иди и учись.

Попытаться все равно стоило. Может, под предлогом практики дома получится вырастить еще один лимон? Хотя я даже не была уверена, что это я. Может, какое-нибудь стихийное и случайное проявление магии. Но вдруг?

Сегодня в расписании стояла всего одна сдвоенная пара по праву. Что удивило: обычно расписание было плотнее. Что такого сложного и тяжелого в унылых лекциях про всякие мелкие правила, законы и

обычай? Но на удивление пару назначили не в обычной аудитории, а в одном из залов для практических занятий. Очень похожем на тот, где мы ковырялись в земле.

Увидев Шарлотту, я сразу направилась к ней.

- Буду кратка и честна: я подралась с твоим парнем.

Она подняла на меня взгляд и нахмурилась.

- Повтори и поясни, пожалуйста. Что ты сделала?

- Подралась с Дэвалем. Вчера. Нас наказали и поставили работать в паре. Сам Вельзевул, поэтому вариантов отказаться не было. Если что: я не собираюсь отбивать у тебя парня. Просто на всякий случай.

- Хорошо... Я почти ничего не поняла, но ты в порядке? Подралась – это прямо подралась? До крови?

- Крови, по-моему, не было. Но драка есть драка, тут не попишешь.

- Ты просто ходячая неприятность, Аида Даркблум, - покачала головой подруга, но я все равно испытала облегчение – она не злится. Будет обидно, если Дэваль навешает ей на уши лапши, и заставит прервать наше общение. Что бы я ни говорила, Харриет и Шарлотта – единственные существа в этом мире, которые мне не лгут.

Прозвенел звонок, и мы расселись за столами в ожидании преподавателя. Пожилой магистр Карнас обычно вплывал в класс за пару минут до начала лекции, но сегодня что-то задерживался. И мы никак не ожидали, что вместо сухонького старичка в аудиторию войдет молодой высокий парень.

- Дорогие будущие стражи и проводники! Мое имя – Ридж Каттингер, и на ближайший год я – ваш наставник в такой дисциплине, как...

Блондин осекся, увидев меня. Узнал, сомнений не возникло. Маски на вчерашнем балу никого не обманули. Все присутствующие прекрасно знали, с кем проводят ночь.

Ридж издал какой-то странный звук, нечто среднее между «хм-м-м» и «ого». Смерил меня задумчивым взглядом, усмехнулся и прошел к преподавательскому столу.

- Продлим интригу и познакомимся, пожалуй, попозже. Потому как у нас есть куда более интересная тема для разговора. Вы успешно прошли теоретический курс права, и настало время перейти к практике. Это не значит, что на экзамене не будет вопросов по теории.

Но на данный момент прошу сосредоточиться на следующем этапе обучения. Для кого-то из вас он станет последним, ну а кто-то перейдет на высшую ступень. Об этом позже. Итак... давайте, наконец, откроем все тайны мира иных и мертвых. И узнаем, как именно мы оцениваем попавшие к нам души.

Из шкафа позади Ридж извлек латунный прибор, на первый взгляд напоминающий старинные весы. Наверное, это были именно они: две чаши на тонких, почти невидимых, цепочках, причудливое основание, напоминающее когтистую руку, державшее эти чаши. И маленькое колесико с небольшим красным камнем, бросавшим отблески на стены и парты.

- Это – мерило душ, кастодиометр, артефакт, способный оценить, достойна ли душа Аида или может отправиться в Элизиум. Каждый судья прежде, чем вынести вердикт, кладет энергию вашей души на одну чашу весов. На вторую – пепел магии. Единственное вещество, не имеющее собственной энергии. Сожженная материя нашего мира. Если пепел перевешивает душу, в ней достаточно света, чтобы отправиться в райский сад. Если душа перевешивает пепел – аид ждет. Ну а равновесие означает второй шанс.

Следом за весами Ридж вытащил небольшую шкатулку, в которой оказалась горстка пепла. Наверняка для оценки душ использовался какой-то особый, не такой, как мы наколдовали на паре.

- Однако есть небольшой нюанс. Кастодиометр – ненадежный артефакт. Несмотря на то, что он показывает истинную сущность души довольно точно, на него влияют сиюминутные порывы. Всплеск злости на бывшую жену. Благородный порыв перед самой кончиной. И так далее. Поэтому для интерпретации результатов у нас и существуют судьи. Ваша задача на мой блок – научиться пользоваться мерилом. Затем интерпретировать результаты. А затем – этот курс только для самых одаренных – и создавать артефакты. Зачем, спросите вы? Разве стражу нужен навык взвешивать души и оценивать их вклад в общее дело? Полностью согласен. Но программу составляла магистр Сонг, и кто мы такие, чтобы с ней спорить?

Раздались негромкие смешки. Я украдкой покосилась на Шарлотту: ей нравился новый преподаватель. Ридж и впрямь умел очаровывать улыбкой, размеренным голосом, эффектной внешностью.

На вид ему было лет двадцать, но чувствовалось, что это всего лишь иллюзия.

- Прошу убрать со стола все личные вещи, взять из шкафа по одному кастодиомеру и поставить его на расстоянии вытянутой руки. Стулья, пожалуйста, уберите. Они вам не понадобятся.

Мы с Шарлоттой переглянулись, явно думая об одном и том же. Вряд ли для практики в колледже привели новенькие, еще не оцененные, души. А значит, испытывать кастодиометры придется на самих себе. И я не была уверена, что готова к результатам.

- Не волнуйтесь, - словно прочитав мои мысли, хмыкнул Ридж, - приговор не имеет обратной силы. Что бы ни показал кастодиомер сейчас, ваши приговоры никто не отменит. Как я уже сказал, на результаты влияют даже сиюминутные порывы. Однако в конце своего пути в этом мире, прежде, чем судьи определят для вас судьбу, вы пройдете через замеры. И лучше бы к этому моменту вам избавиться от всего, что тянет чашу весов с вашей душой вниз.

При этом Ридж – мне не показалось, клянусь! – улыбнулся именно мне.

Что ж, мне явно повезло, что Самаэль вчера выгнал меня с маскарада. Иначе чаша весов пробила бы деревянный стол и прожгла дырку в паркете.

- Все достали кастодиометры? Молодцы. Проверьте, пожалуйста, целостность. Увы, не все студенты колледжа бережно относятся к чужому имуществу. Хорошая новость: за это их можно отправить на вечные муки. Плохая: иногда другим группам достается сломанное оборудование. Убедитесь, что целы нити, сами чаши и Камень Судьбы. Да, проводник...

Он посмотрел на поднявшую руку Шарлотту.

- Гринсбери, магистр. Что за Камень Судьбы?

- Чтобы кастодиомер работал, в нем должны соединиться три энергии. Энергия нашего мира – пепел. Энергия Элизиума – металл, превращенный в произведение искусства теми, кто наделен редким даром. И энергия айда.

Он умолк, задумчиво посмотрев в окно.

- Камень Судьбы – ничто иное, как заточенная в кристалл темная душа.

Я, собиравшаяся потрогать блестящий камушек, отдернула руку и отшатнулась. Шарлотта поморщилась, народ, прежде возбужденно рассматривавший кастодиометры, притих.

- Она там... живая? – наконец смогла выдавить я.

Ридж задумчиво на меня посмотрел.

- Угу.

- Это жестоко.

- Да, полагаю. Хотя подобные вещи не происходят с невинными и светлыми душами. Чтобы получить такое наказание нужно сгноить свою душу до немыслимых пределов. Но да, страж Даркблум, вы правы, это жестоко.

Ридж усмехнулся, когда я с подозрением прищурилась. Откуда он знает мое имя, если вчера мы друг другу не представились? Посмотрел в список и безошибочно определил, кто есть кто?

- Все? Осмыслили, осознали, ужаснулись? Давайте приступим, все это непросто и в первый раз двух пар может и не хватить. Хм... как-то двусмысленно прозвучало, вам не кажется, Аида?

- Нет, вполне однозначно, - натянуто улыбнулась я.

- Для начала нам нужно научиться класть свою душу на чашу весов. Я говорю «душу», хотя это не совсем точное определение. Разумеется, никакое внутреннее «я» мы не вытаскиваем и не взвешиваем. Это некий объем вашей жизненной энергии, той самой, которую вы отдаете миру под названием Земля – и благодаря этой отдаче стареете. Да, на моих занятиях вы станете немного постарше не только в интеллектуальном смысле. Сейчас положите, пожалуйста, на одну чашу несколько мерных ложек пепла, и убедитесь, что кастодиометр пришел в движение.

Мы дружно завозились, открывая прилегающие к артефакту баночки с пеплом. Чаша вмещала ровно три серебряных мерных ложечки пепла. Как только мы с Шарлоттой опустошили последнюю, весы пришли в движение и застыли в идеальном равновесии, вопреки всем законам.

Ридж внимательно осматривал парту за партой и все больше мрачнел. Большинство, конечно, справились с нехитрой задачей, но некоторые отличились: самый дальний стол оказался завален пеплом – у паренька дрожали руки, а за ближайшим к нам столом два парня

каким-то непостижимым образом запутались и насыпали пепла в четыре чаши на двоих.

- Мда-а-а, - протянул блондин. – Похоже, некоторые из вас все же станут просто старше. Без «интеллектуально». Дайте угадаю: вы умерли от голода, потому что не смогли насыпать в воду корешки и грибочки? Это простейшее действие!

Еще полчаса мы ждали, пока парни отмоют и высушат чаши – пепел оставлял следы на всем, чего касался.

- Попытка номер два. Все справились? Ого, вот это мне повезло. Ну а теперь на вторую половину чаши нужно положить горсть вашей энергии.

Изящно, и я бы сказала, рисуясь, Ридж расстегнул несколько пуговичек рубашки и кончиками пальцев коснулся груди в области сердца. Несколько сияющих нитей обвили пальцы, послушно формируясь в нечто, напоминающее шарик. Он легко соскользнул с руки в небольшую колбу, которую он извлек из ящика стола.

- Энергия мимолетна. Вне вашего тела она живет всего несколько секунд, поэтому убедитесь, что собрали достаточно для измерения. Когда научитесь – сможете пользоваться кастодиомером без промежуточных действий. А пока не тратьте драгоценную энергию зря. По опыту на третьей попытке горе-испытатель обычно отправляется в лазарет. Итак, коснитесь кончиками пальцев области сердца и закройте глаза. Нет, девушки, для этого необязательно раздеваться, суть не в точке прикосновения, а в том, чтобы почувствовать биение собственной жизни.

Удивительно: я мертва, там, на Земле, мое тело давно похоронили, а здесь я чувствую, как под пальцами бьется жизнь. Как сердце продолжает качать кровь, как от кожи исходит тепло. Или это иллюзия? Привычное восприятие реальности, от которого так сложно отказаться? И сердце – не насос, а источник таинственной энергии, а в венах не кровь, а магия. Как же сложно во всем разобраться!

- Хорошо, Аида... - услышала я задумчивый голос Риджа. – Теперь перенеси энергию в пробирку.

Открыв глаза я обнаружила на кончиках пальцев золотистое свечение. Огоньки слились в небольшой шарик, когда я поднесла руку к пробирке, а затем мягко опустились на дно – и я закупорила емкость пробкой.

- Гринсбери, отлично.

Шарлотта просияла: мы с ней стали первыми справившимися с заданием. Вынуждена признать: это приятно – быть в чем-то лучшей. До сих пор на меня смотрели, как на аутсайдера.

- Подождем остальных. Не у всех получается сразу, но, как правило, получаса достаточно. Направьте мысли, визуализируйте процесс. И не отвлекайтесь на лишние мысли.

Ну а я сделала ровно противоположное. Повернулась к окну, выходящему на тихий темный внутренний дворик колледжа, и погрузилась в себя. Снова и снова прокручивая в голове вчерашний разговор с Вельзевулом. Он сказал, я не вижу ответы. Но даже не намекнул, куда смотреть.

Из раздумий меня вывел грохот. Я вздрогнула, а все присутствующие обратились к густо покрасневшей Шарлотте. Подруга зачем-то уронила оба наших кастодиометра.

- П-простите... я... я хотела отодвинуть их от края...

- Пробирки целы? – раздраженно поинтересовался Ридж.

- Да!

- Тогда исправь все. Вот сколько раз себе говорил: не хвали студентов раньше времени! Это ж как проклятие!

- Простите, - пробормотала Шарлотта, и мне стало ее жаль.

Пришлось помогать. И, когда мы закончили отмывать парту, чаши и руки, остальные добыли драгоценную энергию и готовы были к замерам. К собственному неудовольствию я занервничала.

- Берем пробирки, - скомандовал Ридж, - и осторожно, ни в коем случае не задевая кастодиометр, выливаем энергию в чашу. Не перепутайте, пожалуйста, чаши! При касании энергией пепла происходит нежелательная реакция, которая может оставить вас без бровей и чувства собственного достоинства.

Переглянувшись, мы с Шарлоттой взялись за пробирки. Подруга вылила энергию первая, и я не удержалась, замешкалась, чтобы посмотреть, как артефакт придет в движение. Как и ожидалось, пепел перевесил чашу с душой. Не до конца, иначе Шарлотты бы здесь не было, но достаточно, чтобы дать понять: у нее есть все шансы.

Следом операцию повторила и я. Затаив дыхание, смотрела, как колесико с красным камнем крутится все быстрее. Чаши дрогнули – и

одна из них начала медленно, но неотвратно опускаться вниз, до тех пор, пока не звякнула, ударившись о столешницу.

Чаша с моей душой.

Даже Ридж не сумел скрыть реакцию. Взгляды однокурсников, все до единого, были прикованы ко мне.

- Что ж... как я и говорил, кастодиометр – очень ненадежный прибор, именно для этого и нужны судьи.

- Да нет, - тихо ответила я. – По-моему, очень надежный.

9.1

В баре сегодня было удивительно малоллюдно. Пустовали столики, никто не напивался после работы в шумной компании. Большинство посетителей заходили ненадолго, пропустить бокал-другой. И я почти не устала, несмотря на то, что весь день в министерстве разносила письма Самаэля подчиненным.

- Заодно отделы изучишь, - сказал он и был таков – сплавил надоедливую подопечную.

Интересно, это они после маскарада все отсыпаются и потому в бар не пошли? Или последствия появления в городе темной души?

Когда в бар вошел тот, кого я больше всего хотела увидеть, я как раз протирала бокалы.

- Присмотри за моими столами, - попросила я Ариэллу. – Мне надо кое с кем поговорить.

Напарница со скучающим видом махнула рукой, мол, иди, развлекайся. Мне вдруг подумалось, что если бы в этом мире были смартфоны – она бы сейчас непременно листала ленту, лениво проставляя лайки на записи друзей, мемы и цитаты.

Впрочем, я быстро забыла об Ариэлле.

- А-ну, идите-ка сюда!

Схватила Харона за отворот пиджака и потащила в укромный уголок с небольшим столиком и диванами. Там никто не помешает мне глотать кости несчастной жертвы!

- Мисс Даркблум, - улыбнулся гад так, словно мы вели светскую беседу о погоде, - рад вас видеть. Как прошел маскарад?

- Считаете, это смешно? Вы прислали приглашение?

- Возможно.

- И вы прекрасно знали, что скрывается за ним. Знали и потребовали, чтобы я пошла! Ну и зачем? Захотелось посмеяться или это такой способ подкатить?

- Решил, что вам понравится.

- Понравится?! – Я рассмеялась, но получилось слегка истерично. – То есть я похожа на шлюху, которой может понравиться оргия?

- Нет, мисс Даркблум, вы похожи на умную девушку, которой может понравиться информация. А уж ее Маскарад Мертвых дает с избытком.

- И что это значит? Что за информация?

- Принесите, пожалуйста, бокал эссенции, мисс Даркблум, - улыбнулся Харон. – У меня был тяжелый день.

- К сожалению, сегодня в меню всего один коктейль. – Я поднялась. – Называется «Я не сказала Самаэлю, кто прислал мне приглашение и заставил сходить на маскарад, но он не перестанет спрашивать, а я не люблю ему врать».

- Правда?

- Нет. Но коктейль рекомендую. Сезонное предложение.

Я развернулась, чтобы уйти. С Хароном мне не тягаться, если он не захочет сказать, для чего прислал приглашение, не скажет. Пожалуй, проводник – единственное существо в Мортруме, которое я не понимаю совсем. Кажется, в нем вообще нет человеческих эмоций. А еще – что он действует совсем не от своего имени.

- Хотел показать вам изнанку Мортрума, мисс Даркблум.

- Зачем?

- Чтобы однажды, когда придется делать выбор, вы приняли верное решение.

- Какой выбор? О чем вы?

Харон поднялся.

- Я рад, что с вами все в порядке, - улыбнулся он. – Ничуть не сомневался в том, что вы дадите верную оценку увиденному. Всего доброго, Аида.

- Кто попросил вас прислать мне приглашение? Харон!

Но он даже не обернулся, вышел, так ничего и не выпив. Да и пришел, скорее всего, вовсе не за этим. Сделала выбор... о чем он? И какое решение я должна принять, побывав на маскараде? Безумный мир! Безумные его обитатели! Единственный выбор, который я сейчас

могу сделать – это прыгнуть в Стикс и превратиться... во что там превращаются те, кто окунулся в воды реки мертвых? Шарлотта, вон, выглядит вполне довольной жизнью.

К концу смены явился Самаэль.

- Ты выпить или за мной? – мрачно поинтересовалась я.

- Это два взаимосвязанных действия. Чтобы терпеть тебя всю дорогу определенно надо выпить.

- Закажи сразу побольше.

Что-то во мне заставило Самаэля насторожиться. Может, холодный тон, а может, то, что я сломала три бокала подряд, пытаюсь их протереть. Даже бармен опасно косился.

- Что-то случилось? С утра ты была повеселее.

- Все в порядке. Длинный день.

Сегодня была моя очередь закрывать бар – Ариэлла пол дня объясняла, как это делается. Так что Самаэлю пришлось ждать до глубокой ночи, пока последние посетители не изволят удалиться – выгонять их я не имела права. Наконец бар опустел, и я смогла переодеться.

В зеркале отражалось уставшее осунувшееся лицо. Даже волосы казались не русыми, а какими-то серо-пшеничными, максимально унылыми. Губы обветрились и потрескались – я весь день их кусала.

Унылое зрелище. Еще вчера я нравилась себе, собираясь на маскарад и красуясь перед старым обшарпанным зеркалом в роскошном бальном платье. А сегодня...

Мы вышли в ночную прохладу Мортрума, и я посмотрела вверх, на звезды. Интересно, что они собой представляют здесь, в мире мертвых. На Земле это космические тела, с сумасшедшей скоростью несущиеся в пространстве, а здесь? Находимся мы на другой планете, или звезды – лишь эхо иного мира? А может, здесь свой космос, и совершенно другие звезды? С ума можно сойти!

- Ну и что случилось? – спросил Самаэль.

- Ничего.

- Я вижу. Опять поскандалила с Дэвалем?

- Не имела счастья видеть сегодня твоего брата.

- Кто-нибудь из посетителей приставал?

- Хватит допытываться. Какая разница? Не в настроении. Обычное дело для меня.

- Скучаешь по лимону?

- По временам, когда ты со мной не разговаривал.

Чтобы не нарычать на него еще сильнее, я ускорила шаг. А потом, подумав, направилась к набережной. Постоять у перил, посмотреть на воду. Может, вид плывущих куда-то огоньков хоть немного приведет порядок хаос в душе.

Но Самаэль, естественно, не смог оставить меня наедине с тоской.

- Я ведь не отстану. Снова скучаешь по дому?

- Не знаю. По Земле – да. По любимым местам. Кофейне, где можно взять лавандовый раф, по катку на замерзшем озере. А дома у меня давно нет. Там, где я выросла, всем без меня лучше.

- Ты этого не знаешь.

- Я так хотела найти отца. Правдами и неправдами выведать, где он, живет новую жизнь или как и я заперт в одном из городов мертвых. Только с этой мыслью вставала. Разрабатывала новые и новые планы, как попасть в архив, как выведать, где он.

- Судя по тому, что ты мне это рассказываешь, ты отказалась от этой мысли.

- Не знаю.

- Что случилось, Аида?

- На паре у Риджа...

Самаэль едва заметно выругался.

- Он тебя узнал?

- Да. Это неважно. Он показал нам кастодиометр. И заставил взвесить душу.

- И тебе не понравился результат. Но ведь ты знаешь, что не святая. Что совершила много ошибок, пока жила на Земле. Совершаешь их и сейчас, как и положено девятнадцатилетней девчонке с хреновым характером. Неудивительно, что чаша кастодиометра чуть ниже равновесия...

- На дне.

- Что?

- В низшей точке. Моя душа перевесила пепел с большим-большим отрывом. И я подумала... если я найду отца, не принесет ли это ему зло? Может, он давно уже живет в новом теле на Земле или попал в Элизиум. А может, еще где-то здесь, среди душ, пытающихся

заслужить второй шанс. И мое появление разрушит все, чего он добился.

- Это одна из причин, по которой мы разделяем родных.

- Да, но я никогда не примеряла эту мысль на себя. В том смысле, что... как я могу навредить отцу? Мы ведь были счастливой семьей! Не совершали ничего противозаконного или плохого. Просто жили, как умели, понимая, что кроме друг друга у нас никого нет. И я всегда знала: папа меня не бросит, потому что любит. А может, на самом деле ему просто так было положено. И любить-то было не за что.

Если я откажусь от мысли искать его, то потеряюсь. Окажусь посреди незнакомого мира, среди чужих, без цели, без будущего. Перестану врать, что играю по правилам до тех пор, пока не добьюсь цели.

Самаэль протянул руку и осторожно заправил мне за ухо прядь волос. Я дернулась, как привыкла, отмахиваясь.

- Я не имею права говорить о твоём отце, даже если бы что-то знал. Но скучать по тому, кто любил тебя и кого любила ты, нормально. Кастодиометр не определяет, достойна ли душа чьей-то любви. Это просто весы.

- Идем домой, - сказала я. – Уже поздно.

- погоди. – Самаэль остановил меня и протянул свою сумку, сегодня выглядевшую как будто больше обычного. – У тебя час.

Внутри я обнаружила коньки. Утром я оставила их в спальне, рассудив, что вряд ли сегодня Стикс замерзнет. Да и замерзнет ли еще хоть когда-то?

А Самаэль их взял. Когда успел? Пока я была в колледже или разносила коктейли?

- Но Стикс не замерзла.

- Замерзнет.

- Так это ты?! – ахнула я. – Ты замораживаешь Стикс, чтобы я каталась! Как?! И зачем?!

- У тебя есть два варианта, Даркблум. Либо снова играем в вопрос-ответ, либо идешь кататься. Дважды я не предлагаю.

И не надо было: я вытащила из сумки коньки и понеслась к ближайшей скамейке, переобуваться. Никогда еще так быстро я не шнуровала ботинки. Внутри трепетало приятное предвкушение лучших ощущений на свете - скольжения лезвий по льду.

Когда я подняла голову, готовая спускаться, река мертвых уже покрылась прозрачной, поблескивающей в свете фонарей, коркой.

9.2

Вопреки ожиданиям никто не бросил нас в самое пекло. Ближайшие недели я только и делала, что перебирала бумажки, разносила корреспонденцию, изучала структуру министерства, ну и выполняла всякие задания по мелочи. Самаэль не спешил отправлять меня в дозор с Дэвалем, явно давая нам возможность остыть.

Дом Вельзевула оказался огромным настолько, что за все время я едва ли несколько раз встретила в нем только Самаэля. Не считая того, что каждое утро он отводил меня в колледж и каждый вечер забирал из бара.

А еще в этом доме кормили. В любой момент на кухне можно было взять еды, но слуги приносили завтраки и ужины еще и в комнату. Кормили вкусно и как на убой, так что я даже перестала печалиться, что меня не пускают в местные рестораны.

Жизнь почти наладилась и в странном семействе воцарился мир и покой. До поры до времени – это чувствовалось в воздухе. Однажды рванет – Самаэль это понимал не хуже меня, но не мог сообразить, где, как и когда именно.

На самом деле спокойствию способствовало и то, что я старалась не выходить из комнаты. Читала, валялась на кровати, наслаждаясь неожиданно свалившейся на голову роскошью.

Особняк пугал.

Большой, старый, темный, он таил в себе тысячи запертых дверей. Иногда я слышала шепот. Он больше не звал меня по имени, он был... как будто дом со мной говорил.

«Поднимис-с-с-сь», - шептала тьма наверху лестницы.

«Загляни сюда», - слышалось из-за закрытой двери.

«Войди», - звучало из темных комнат.

Шепот пугал. И завораживал. Я не решалась спросить, слышит ли его кто-то, кроме меня, но каждый раз приходилось ценой невероятных усилий заставлять себя его игнорировать.

В один из вечеров я выбралась на кухню, чтобы сварить чашку божественного кофе из запасов Самаэля и вернуться к эссе, заданному Тордеком. Как будто мало мне практики (у меня снова ничегошеньки

не получалось с магией!), еще и три листа на тему «Виды энергий немагических миров». Нет, было интересно, не спору. Но три листа?!

Проходя по уже знакомому коридору (первое время я страшно путалась, то и дело кто-то из слуг провожал меня до спальни), я заметила, что одна из дверей, прежде запертая, приоткрыта.

«Пройди мимо, Аида!», - подумала я.

«Открой дверь...», - прошептала тьма.

Я остановилась. Сердце гулко билось от волнения. Казалось там, за дверью, есть что-то, что я должна увидеть. Что хочу увидеть. Но поддаваться иллюзии не хотелось.

«Войди», - снова услышала я.

- Нет уж, спасибо. Я после маскарада ваших залов побаиваюсь.

- Ты тоже их слышишь? – вдруг раздался другой голос, вполне реальный.

Взвизгнув от неожиданности, я подскочила и облилась горячим кофе. От боли выругалась, стиснула зубы и застонала. Да что это такое!

Приоткрытая дверь с грохотом захлопнулась, обиженно щелкнув замком.

Чуть поодаль, прислонившись к дверному косяку, стоял Дар. В прошлые встречи я толком не обратила на него внимание, все внимание приковывал Дэваль. А сейчас могла как следует рассмотреть худощавого (даже излишне) парня с растрепанными темно-каштановыми волосами. На носу у него болтались круглые очки, а лицо было испачкано в краске.

- Не понимаю, о чем ты, - холодно ответила я.

Прекрасно помню, как именно Дар стоял рядом с Дэвалем, когда вокруг моих запястий сомкнулись кандалы в заброшенном парке. И как именно Дар сидел рядом с братом, когда он в компании друзей пришел поиздеваться в бар. Не имею никакого желания с ним любезничать.

Похоже, примерно это он и прочитал на моем лице, потому что преградил мне дорогу.

- Не злись. Я не хотел тебя обижать. И отговаривал Дэва.

- Но послушно выполнял все его приказы.

Дар нервно пожал плечами.

- Он умеет убеждать. Ты с ним с детства не жила! Ты либо союзник Дэваля, либо его враг, и второе, поверь, намного хуже.

- Союз вам да любовь.

- Не злись, ну пожалуйста, я правда не хотел! И не знал даже, что Дэв собирается делать. Он никому о своих планах не рассказывает! Дай хоть шанс с тобой подружиться. Раз уж мы живем по соседству. И... я не хочу получить наказание от отца, как Дэв.

Он кивнул на дверь рядом с моей.

- Ладно, забыли, - наконец вздохнула я. – Расслабься, дверную ручку мазать зубной пастой не буду. Но повремени с дружбой. Я тебе не доверяю. Что мешает Дэвалю снова тебя использовать? А может, он делает это прямо сейчас, заставляя тебя изображать раскаяние?

- Он бы, думаю, хотел. Но отец ясно выразился: тот, кто подойдет к тебе с темными помыслами, уйдет из дома с нехваткой конечностей. Ну а еще мне действительно интересно с тобой познакомиться. Ты на моей памяти единственная, у кого хватило духу огрызнуться.

- И много таких было?

- Да нет. – Дар пожал плечами. – Дэв всегда был сам по себе. Понятия не имею, что на него нашло. Наложилось одно на другое. Даже я не могу сказать, что не ревную, хотя для меня Вельзевул – это что-то вроде бабайки. Им пугала мама, он вроде бы даже пару раз снисходил до того, чтобы со мной пообщаться. Но на этом и все. А ты на особом положении. Это бесит.

- Ну спасибо. – Я хмыкнула. – Я же не просила этого особого положения. И вообще...

Хотелось вывалить на бедолагу все свои страдания, вопросы и теории, но я решила не откровенничать лишний раз с кем-то из окружения Дэваля. Все, что я скажу, будет использовано им против меня.

- Хочешь, покажу рисунки?

- Нет.

На лице Дара появилось разочарование. Даже жаль его стало. Многим художникам важно получать одобрение от тех, кто видит его картины. Что-то я не заметила в Мортруме музеев и картинных галерей. Деньги тоже были не в ходу. И как Дар реализовывает свой талант? Складывает картины в подвал и рисует новые?

- Думаешь, я заманиваю тебя в ловушку? – тоскливо вздохнув, спросил он.

- Есть такая мысль.

- А если я оставлю дверь в комнату открытой?

- Еще больше мыслей.

- Ладно, сдаюсь. А если... давай я принесу альбом с эскизами к тебе... нет, не к тебе, в гостиную?

- Понятия не имею, где здесь гостиная. Тебе что, вообще некому показать рисунки?

- Селин, - ответил Дар. – Но в последнее время она ходит мрачнее тучи и не интересуется даже собственным отражением в зеркале. Дэв и Сэм заняты. Больше никого нет.

Еще немного, и я начну жалеть бедных потерянных мальчиков Вельзевула. Погрузившийся в работу Самаэль, старший, вынужденный нести за всех ответственность и выслушивать упреки. Взбунтовавшийся Дэваль, мстящий отцу за внезапную нелюбовь. Забытый всеми Дарий, проводящий дни наедине с холстами. Как можно быть настолько плохим отцом?

- Если ты мне соврал, и это очередная выходка твоего брата, я изменю своим принципам и нажалуюсь на вас обоих сразу всем, от Харона до Вельзевула.

- Договорились! – просиял Дар и повел меня к двери в комнату.

Которая, впрочем, оказалась мастерской – спал он явно не здесь.

Огромное пространство – сюда можно было уместить штуки три моих спальни – было заставлено стеллажами и мольбертами. Как и положено обители творческого человека, она была завалена листами, папками и альбомами. Пахло краской. Мне понравилось.

- Так ты их слышишь? – снова спросил Дар.

- Их – это...?

- Комнаты. Зеркала. Лестницы. Дом. Иногда он как будто говорит с тобой. Дэв и Сэм его не слышат. А мне кажется, дому одиноко.

- Это какая-то магия?

- Не знаю. – Дар пожал плечами. – Наверное. В Мотруме много затерянных уголков, подобных этому. Отец не строил особняк для себя, когда он получил власть, то решил, что поселиться отдельно от остального Мортрума – отличная идея. Я спрашивал у Самаэля, что значит шепот, но он отмахнулся.

- А у отца?

- Никогда не было шанса спросить.

- Серьезно? – Я посмотрела на Дара. – Вы не общаетесь?

- Не повезло, - тот развел руками. – Когда я родился, у них с мамой уже все шло наперекосяк. И отец отдалился. Сэм был взрослый, ему пришлось встать во главе министерства. Дэв прочувствовал на себе все прелести развода. Он же очень сильный, его с самого начала прочили наследником. Мама с папой использовали его как оружие. Ну а я был слишком мал, чтобы что-то понимать и кого-то интересовать. Отец ушел к Пределу, с тех пор мы виделись несколько раз.

- Потрясающе. Ему бы книги по воспитанию писать.

- Надо отдать ему должное: он гордится моим талантом. Для иных умение творить – редкий дар. Так меня и называли. Дар. Дарий. Ну как тебе?

- У тебя талант.

От картин словно исходило свечение. Мягкие мазки, совершенно лишённые привычной грубости масляной краски. Да и масляная ли она была? Больше похожая на пастель или... не знаю.

- Я смешиваю краски с пеплом. Благодаря ему у картин бархатистая поверхность и мягкое смешение. И эффект, видишь, как будто некоторые линии светятся? И это символично. Я использую пепел, в который мы превратили наш мир, чтобы создавать что-то новое.

В основном Дар рисовал людей. С холстов на меня смотрели десятки лиц. Некоторые улыбались, некоторые грустили. Тысячи оттенков эмоций – в глазах, в лицах, в позах и жестах.

- Кто они?

- Души. Студенты колледжа, сотрудники министерства. Стражи, проводники. Я рисую их, чтобы запомнить. После того, как кастодиометр вынесет приговор, они потеряют себя. Отправятся в новую жизнь, с новым телом, сознанием. Или в аид. Эти портреты – последнее свидетельство их присутствия. Знаешь...

Дар оценивающе на меня посмотрел, словно сомневался, что мне можно доверять.

- Мы считаем новую жизнь в немагическом мире наградой. Но как по мне это просто смерть.

И я бы не смогла поспорить, даже если бы захотела.

Были здесь и портреты Дэваля, Самаэля и Селин. Причем последней Дар явно польстил, а вот братьев нарисовал... проникновенно. От холста с изображением Самаэля веяло холодной уверенностью. А в ярких голубых глазах Дэваля почувствовалась тоска.

- Иди сюда, покажу кое-что еще.

Когда я подошла, Дар снял с одного из мольбертов холст и перевернул. Вместо подрамника на обороте оказалась еще одна сторона, на этот раз с пейзажем. Невероятной красоты звездным небом какого-то иного мира, непохожего ни на Землю, ни на Мортрум.

- После того, как я рисую портрет, то прошу рассказать что-нибудь об их мире. Описать прекрасное место. Что-то, что я могу перенести на холст. Я пытаюсь смотреть на миры, в которых никогда не смогу побывать, чужими глазами.

- Ого, - только и смогла произнести я. – Знаешь, мне говорили, что ты талантливый и все такое. А я пожимала плечами. Ну рисует, и что? На Земле таких рисующих... миллионы!

- Теперь что-то изменилось?

- Да, начинаю думать, что талант – это не умение накладывать на холст краску. А способность увидеть что-то чужими глазами. Это здорово, правда.

- Можно я тебя нарисую? – спросил вдруг парень.

И, надо сказать, окончательно вверг меня в растерянность. Никогда еще меня не рисовали.

- Можешь показать мне кусочек своего мира, Аида?

- А что на оборотах портретов твоих братьев?

Вместо ответа Дар перевернул портрет Дэваля, продемонстрировав тьму, заполнившую холст.

- Так что? Можно я порисую? Это не займет много времени. Час в день – и к выходным я закончу. Пожалуйста. В последнее время мне некого рисовать.

- Если не больше часа... - пробормотала я.

Дар улыбнулся и вытащил из шкафа чистый холст.

Теперь об Аиде Даркблум останется воспоминание. Вне зависимости от места, в которое она отправится после того, как кастодиометр в последний раз взвесит ее душу.

С Даром оказалось интересно болтать.

Мне определенно не стоило ему доверять, но оказалось, что поболтать с кем-то просто так, ни о чем, так хотелось, что я легко отмахнулась от аргументов за то, чтобы это не делать. Подумаешь, участвовал в развлечениях брата. Похоже, Дар готов на что угодно, лишь бы получить хоть немного общения. Сначала я заподозрила, что весь этот образ одинокого никому не нужного художника – лишь способ навешать на уши лапши, но, посмотрев на парня за работой, почти уверилась в правдивости им сказанного. Он действительно много и с упоением рисовал.

- Расскажи о вашей матери, - попросила я. – Если это для тебя не слишком тяжело.

Дар заставил меня сесть на высокий стул посреди мастерской и не двигаться, пока он делает набросок.

- Нечего рассказывать. Я почти ее не помню. Знаю, что они вместе участвовали в войне, прошли большой путь, вместе сделали наш мир таким, какой он есть. Любили друг друга, несмотря ни на что. Были одержимы идеей спасти наш мир. Потом что-то разладилось. Мама ушла, оставив нас отцу. И я не знаю, что с ней случилось. Думаю, она выбрала перерождение.

- Разве иным это доступно? – спросила я.

- Некоторым. Это дар, сродни моему. Умение переходить в немагические миры. Редкий и ценный. Но на самом деле я точно не знаю. Отец запретил говорить о маме. Его уязвило ее предательство.

И он перестал любить ее детей. Что ж, история почти классическая. И даром, что они все – бессмертные властители судеб. Двое разводятся, используют детей как оружие против друг друга, забывая на их благополучие. А потом, когда жизнь налаживается, дети становятся не нужны. Они теперь – напоминание об ошибках.

- А что насчет тебя? Кем были твои родители?

- Мама давно умерла, я почти ее не помню. Только какие-то обрывки. Она была актрисой. Папа всегда говорил, что у нее было слабое сердце, но она отказывалась ходить по врачам. Мы остались вдвоем. Жили небогато, но счастливо. Папа старался, как мог, почти все заработанное он вкладывал в мои тренировки. Мы надеялись, талант раскроется, и я смогу выступать на высоком уровне.

- На коньках? Я видел, как ты катаешься. Это так же невероятно, как рисовать. Я бы хотел научиться.

- Ну, если добудешь коньки, я стану твоим тренером. Но в вашем мире их не бывает, а за контрабанду с Земли надо дорого платить. Не рекомендую.

- У тебя получилось выступать?

- Нет. Талант оказался лишь в воображении любящего отца. Я была неплохой фигуристкой, но недостаточно хорошей для топа и международного уровня.

Я рассмеялась. Неплохая, но недостаточно для Олимпиады фигуристка. Неплохой, но недостаточно для Элизиума человек.

- Потом папа погиб, и я бросила. Перестала приходить на тренировки. Никто не задавал вопросов. Не платишь – не тренируешься. Хотя мачеха пыталась заставить. Нам выплатили страховку, так что деньги были. Но меня тошнило при виде льда.

- Почему умер твой отец?

- Автокатастрофа. Заснул за рулем. Они с Хелен съехались за год до этого. Папа считал, что должен обеспечивать нам достойную жизнь. Колледж и машина для меня, машина для новой жены, совместный отдых, страховки, шмотки, техника, ремонт в доме. Он брал горы работы, постоянно мотался по командировкам. И вот результат.

- Мне жаль. Звучит так, будто твоя мачеха во всем виновата.

- Я так и считала. Не знаю. Может, это была его судьба. Не усни папа за рулем, погиб бы как-то иначе. А может, у него был шанс. Я уже ни в чем не уверена.

- Но ты осталась с мачехой?

- Ей передали опеку. И мое наследство. До достижения мной двадцати одного года Хелен распоряжалась папиными деньгами. Ну а теперь вообще богатая вдова в самом расцвете сил. Удобно. Хотя перед смертью я собиралась свалить. Мы с Хелен не ладили. Я всегда была против того, чтобы в нашу маленькую семью влезла какая-то женщина. А если такой ребенок, как я, против, то шансов почти нет. Только отъявленная стерва могла со мной справиться, Хелен и была такой.

- Сложно представить, чтобы отец привел женщину, - улыбнулся Дар.

То и дело поглядывая на меня поверх очков, он что-то рисовал на холсте острым кусочком угля. Мне ужасно хотелось взглянуть, но я держалась и сидела неподвижно.

- О, Хелен единственная, кто бы мог справиться с твоим братом, - фыркнула я. – Она кого хочешь доведет до нервного тика.

- Придумала, что будем рисовать на обороте твоего портрета?

- О да. В городе, где мы жили, зимой устраивали каток на замерзшем озере. Ставили палатки с глинтвейном, выпечкой, карамельными яблоками. Украшали все гирляндами и световыми фигурами. Весь город вечерами собирался там, катался на коньках. Я помню, как отец впервые меня туда привел, четырехлетнюю кроху. Папа тогда только-только потерял жену и понятия не имел, что делать с дочерью, как быть отцом одиночкой. В тот вечер он впервые нашел в себе силы жить дальше, радовать меня, улыбаться. У нас не было денег, но он все равно купил мне стакан безалкогольного глинтвейна и булочку. А я отказалась притрагиваться к ним без него. Мы так и поделили вкусности, сидя на лавочке. Я вся вывозилась в снегу, потом заболела, а потом папа отвел меня на каток, к тренеру. Закаляться и учиться кататься.

- Твой отец был хорошим человеком.

- Для меня – лучшим. Но я, увы, его разочаровала.

- Как и мы своего, - горько усмехнулся Дар.

Болтая, мы не слышали шаги в коридоре, несмотря на запахнутую дверь. Лишь когда в мастерскую вошел Дэваль, я вздрогнула и едва заставила себя сидеть спокойно. Не хватало еще дергаться в его присутствии!

Сегодня он был трезв. Но все так же холоден и мрачен.

- Дар, мне нужна карта, которую я просил сделать.

- Дэв, я занят, я рисую.

- А я спасаю задницы, и твою в том числе. Дай мне карту!

- За пятнадцать минут апокалипсис не случится. Я делаю скетч. Будь добр, помолчи и не дергай Аиду! Это важно, мать твою, Дэв!

Ого. Дар почти рыкнул на брата, что совершенно не вязалось с образом мальчика на побегушках, каким он предстал при первой встрече. Но самое странное: Дэваль послушался! Прислонился к косяку, сложил на груди руки и стал ждать.

Я бы, конечно, предпочла, чтобы наследничек свалил восвояси, потому что сидеть под его пристальным взглядом было сложно.

Хватило его ненадолго. Устав молча на нас пялиться, Дэваль прошелся туда-сюда по мастерской, поковырялся в банке с кистями, вытащил одну, задумчиво хмыкнул и полез ею в палитру, еще не успевшую высохнуть.

Поняв, что с грязной кистью наперевес Дэваль направляется ко мне, я дернулась.

- Что, боишься? – усмехнулся он.

- Тебя? У дурака в руках и кисточка – оружие, конечно, но тебя ведь братик наругает.

- Как и тебя. Думаешь, похвалит за то, что деточка забрела в чужую комнату и решила... - Он хмыкнул. – Попозировать?

Дэваль произнес это таким тоном, словно я сидела перед Даром голая, не меньше. Но в одном он был прав – Самаэль не похвалит. А кастодиометр в колледже откроет в себе новые границы измерений и провалится прямо в аид, на голову Вельзевулу.

Поэтому я осталась на стуле, смиренно сидеть и не шевелиться, чтобы не мешать Дару. И старалась не обращать внимание на Дэваля, а это становилось сложнее с каждой секундой.

Сначала он провел кистью в миллиметре от щеки, вдоль шеи и по контурам ключицы. Я упрямо молчала, лишь стиснув зубы, потому что клянусь честно выращенным лимоном – как только я сорвусь, схвачу банку с краской и побегу за Дэвалем, из-за угла вывернет Самаэль и снова меня накажет. Отправит оттирать граффити со стен, наверное.

А потом его рука дрогнула. Не знаю, нарочно, или от усталости, но влажная кисть коснулась кожи на плече, оставила мазок черной краски – и отстранилась.

- Эй, ты мешаешь брату работать! – возмутилась я. – Нельзя менять натуру, пока ее рисуют.

- Ничего, - рассеянно отозвался Дарий, - я лишь набрасываю эскиз. Можете хоть с ног до головы измазать друг друга краской, только не двигайся еще несколько минут...

Дэваль воспринял это как призыв к действию и снова мазнул по мне краской. Его не интересовала ткань, он касался только обнаженной кожи.

Я почувствовала запах масла совсем рядом. Ощутила мягкую щетину кисти на шее и щеке. Краска ложилась теплыми мазками, но почему-то я почувствовала, как на коже появились мурашки. Когда Дэваль провел кистью за ухом, я не выдержала и дернулась, и Дар тут же зашипел.

- Минута!

Самая длинная минута в моей жизни.

Я не могла поднять голову, чтобы посмотреть на Дэваля, но чувствовала его внимательный взгляд каждой клеточкой. Его холод контрастировал с теплом краски, длинными, бесконечно длинными, мазками лежащей на кожу. На ключицу, в вырезе рубашки. Вдоль вены на шее, к точке, где пульс бился сильнее, чем стоило. К самому кончику губ...

- Все! Можешь шевелиться, мне нужно, чтобы эскиз постоял денек-другой прежде, чем я начну накладывать цвет.

Я вскочила, а Дэваль остранился, убирая кисть на полку повыше, чтобы я не достала. Но зачем мне кисть, если есть руки? Пальцами я смазала часть краски со щеки и потянулась к его лицу. Дэваль не шелохнулся, в голубых, вновь ставших темными, как штормовой океан, глазах зажглись искорки интереса.

И в этот же момент, когда я почти коснулась его щеки, в мастерскую явился Самаэль.

При виде нас он выругался и сложил на груди руки.

- Вы что, издеваетесь надо мной?! – мрачно поинтересовался он. – Аида!

- Что? – буркнула я. – Это вопрос справедливости!

- Аида... - В голосе Самаэля прозвучало предупреждение. – Что я тебе говорил?

- Эй! Ты же видишь, что это ответ!

- Я вижу, что вы оба снова наплевали на мои просьбы.

- Один раз.

- Нет!

- Один! Это справедливо!

- И потом ты уйдешь к себе?

- Да и даже запрю дверь.

- Один раз.

Я с наслаждением вытерла пальцы о щеку Дэваля, отстраненно удивившись тому, какая горячая у нее кожа. Казалось, густая краска плавилась на ней от моего прикосновения.

Дэваль так и стоял, словно оцепеневший, лишь усмехнулся уголком губ, как будто нашел забавным раздражение Самаэля. Ну а я хоть и не почувствовала себя отмщенной, но сдержала слово и, махнув напоследок Дару, вышла следом за Самаэлем лишь на секунду замешкавшись: хотела взглянуть на братьев рядом друг с другом.

Удивительно, какие они разные, но в то же время похожие друг на друга. У Дара и Дэваля невероятные голубые глаза, какого-то колдовского оттенка моря в солнечный день. У Самаэля карие, темные. Все трое брюнеты, но Дэваль жгучий, как уголь, а Самаэль и Дар ближе к горькому шоколаду. Самаэль – широкоплечий и тренированный, но ему не хватает грациозности Дэваля. А вот Дар ну прямо классический мальчик-художник, худой и отстраненный.

Но все же в них угадывалось неуловимое сходство. В том, что эти трое братья, не могло быть сомнений.

- Знаешь, поселить тебя здесь – самая плохая идея Вельзевула за последние... все время вообще. Ужасная идея. Самая плохая.

- Расслабься, - рассмеялась я. – Ничего не случилось. Дарий меня рисовал. Дэваль пришел за какой-то картой и решил поотвлекать брата, ну и побесить меня. А я, заметь, ни с кем не подралась, не поскандалила, не испортила ничью собственность.

- Зато вымазалась в краске.

- Это не я, а твой брат решил потренироваться на живом холсте.

- Что-то не вижу, чтобы холст сопротивлялся.

- Ты что, - я с подозрением прищурилась, - разочарован, что не случилось битвы на кисточках?

- Нет, просто пытаюсь понять твою логику. Вчера ты кинулась в драку, а сегодня обошлась малой кровью. Хотелось бы думать, что подействовало воспитание. Но я же не настолько наивен.

- Все просто, - улыбнулась я.

Мы остановились у двери моей спальни.

- Твой брат не оскорблял меня, не лез в мою личную жизнь и не пытался продемонстрировать собственное превосходство... почти. Видишь? Это просто. Меня не трогаешь – я не трогаю в ответ. Донеси

до него эту простую истину, и я сделаю для тебя кубок «Лучший брат мира мертвых».

Самаэль только хмыкнул и подтолкнул меня к двери. Как и обещала, я заперла замок, а затем отправилась в ванную, смывать краску. Хотелось верить, здесь для этого не требовался растворитель. А то насчет драки я могу и передумать...

9.4

Горгульи нехотя, словно Самаэль потревожил их сон, расступились. Забавные древние создания. Ему никогда не удавалось с ними договориться.

Аиду они обожают. Иногда он наблюдает за ней из окна. И видит, как каменные изваяния буквально дрожат при виде нее.

В это время колледж пуст и тих. В окна льется лунный свет, пропущенный через разноцветные витражи.

Зачем он здесь? Действительно хочет решить проблему, на которую не хватило времени днем или просто сбежал под благовидным предлогом?

И если сбежал, то от чего: сходящей с ума от ревности жены или чтобы не видеть и не вспоминать увиденное. Следы краски на ее светлой коже, то, как они друг на друга смотрели, замершие в миллиметре от его щеки кончики пальцев и тяжело вздымающуюся в ожидании прикосновения грудь брата.

Что они, черт возьми, творят? В какой момент их обоюдная ненависть трансформировалось в нечто иное, балансирующее на грани допустимого. И что с этим делать, потому что Дэваль лишь играет в игру, злит отца, причиняет себе боль, чтобы не чувствовать обиду. Но для Аиды все может стать серьезным.

Отец должен ей рассказать. Пока они с Дэвалем не натворили дел, пока он не уничтожил ее, Аида должна узнать о своем происхождении.

Увы, но решать не ему.

- Самаэль, мой темный друг, - раздался веселый голос, в абсолютной тишине прозвучавший неестественно громко, - чем обязан в такое время? Не спится? Второе дыхание в браке или молодая любовница не дает покоя?

Ридж, как всегда с иголки, вышел в коридор.

- У тебя все мысли в одном месте сосредоточены или ты иногда о работе думаешь?

- Посреди ночи? О работе в этом мире в такое время думаешь только ты.

- Тогда что ты делаешь... - Самаэль осекся. – У тебя что, девушка? Ридж, ты привел девицу на работу?!

- Эй! В отличие от тебя у меня нет роскошного особняка, куда можно поселить подружку, чтобы не покидать надолго жену. Если помнишь, я живу в крошечном клоповнике. Даму туда не приведешь.

- Это целиком и полностью твоя вина, Ридж. Твоей даме придется подождать. Есть дело.

- Хоть бы раз пришел просто потому что соскучился. Чего тебе, Сонг?

- У тебя была пара с новенькими. Показывал им кастодиометры.

- А-а-а, - Ридж расплылся в улыбке, - малышка Аида. Что, боишься, она недостаточно для тебя хороша?

- Ридж, три намека на мою воображаемую любовницу за один разговор – это перебор. Что показал ее кастодиометр?

- Дно. Абсолютное. Никаких колебаний. Чаша вниз – Аида в аид. Слушай, я бы на ее месте сменил имя. Элизия, например...

- Ты уверен, что это был ее кастодиометр? Никто к нему не подходил, не стоял рядом во время замеров?

- Сам лично видел, как малышка откупорила пробирку с энергией и вылила ее в чашу.

При этом Ридж так улыбался, что Самаэль просто не мог не начать искать в его словах подвох.

- Свою пробирку?

Ридж рассмеялся.

- А ты еще хоть что-то да можешь, Сонг. У меня нет доказательств, энергия мимолетна. Никаких следов спустя уже пару минут. Но перед тем, как начались замеры, ее подружка уронила кастодиометры. Якобы пыталась отодвинуть их от края. В это время твоя Аида хлопала ушами возле окна, так что подменить пробирки – как нечего делать.

- Подружка.

Вместе с Риджем Самаэль прошел в лабораторию. Он сам не знал, что хотел там увидеть. Кастодиометры не хранили секретов, они лишь

служили беспристрастными измерителями душ.

- Шарлотта Гринсбери. Я кое-кого о ней поспрашивал. Подружилась с Даркблум в первый ее день в колледже. Назвалась проводником, который работает за границей Мортрума, на Стиксе. С тех пор они с Аидой общаются. Не только в колледже – Гринсбери видели в баре.

- Подруга – это нормально.

А в случае Аиды даже хорошо. Дружья ей не помешают.

- А что это ты так заинтересовался измерениями малышки? Думаешь, маскарад сделал ее душу темной? Что такого в абсолютно гнилой душе? Отправится в аид. Почему ты заподозрил, что измерение не ее?

- Я ее знаю. Она не темная душа. Не светлая, конечно, в Элизию не переименуешь. Но не зло. Значит, или измерение ложное, или что-то сильно повлияло на Аиду. Я ее наставник. Я должен знать.

- Пожалей мою фантазию, Сэм! Строгий наставник, юная способная ученица...

- Я тебе сейчас кастодиомером врежу!

- И не узнаешь самое интересное. – Глаза Риджа опасно блеснули.

- Что именно?

- Так не интересно. Что именно я получу в обмен на ценные сведения?

- Не испытывай судьбу. Тебе позволили остаться лишь из-за твоих заслуг. Не в твоём положении торговаться.

- Есть и другое мнение. Что мне терять? Я устал жить, как собака, Сэм. Вы лишили меня дома, привилегий, статуса. Отправили сюда, вытирать сопля малолетним душам.

- Тебя осудили за дело. Ты не жертва режима, Ридж, а один из немногих прощенных Повелителем.

- Я хочу хотя бы крышу под головой. Дом.

- Квартиру.

- С видом на Стикс.

- Если ты снова это сделаешь, Ридж...

- Я уже сделал все, что хотел. И это того стоило. Когда-нибудь ты поймешь. Так мы договорились? Хочешь знать, что в этой истории самое вкусное?

- Выкладывай. Квартира твоя.

- Я заинтересовался Шарлоттой Гринсбери. Наведался в архив, взял ее дело. Решил почитать на ночь.

- И что там?

- Смотри сам.

Ридж открыл ящик стола и протянул Самаэлю тонкую черную папку. Витиеватые золотистые буквы пришли в движение, складываясь в имя «Шарлотта Гринсбери». Папка оказалась довольно тонкой, что неплохо. Несколько минут Самаэль вчитывался в довольно обычную биографию среднестатистической души. И не сразу понял, что именно не так. Ридж терпеливо ждал, улыбаясь.

- Что за...

- Нравится? Кем бы ни была эта девочка, она не Шарлотта Гринсбери. И как же такое могло случиться прямо под носом у всемогущего старшего сына самого Вельзевула?..

10

Дэваль знал, что делал: новость о том, что завтра я пойду в дозор начисто лишила сна.

Ну или я себя убеждала в том, что это именно она.

Краска смылась, но ощущения касаний мягкой кисти не так-то просто было смыть. Я терла кожу до красноты, но не смогла избавиться от воспоминаний.

Дэваль бесит меня самым фактом существования. Кажется, ответные чувства к нему – не менее обжигающая ненависть – тянут меня на дно, но я ничего не могу с этим поделать.

Потом я попыталась поспать. Ворочалась в постели, разбрасывая подушки вокруг кровати, пока, наконец, не поняла, что сегодня не усну. Буду снова и снова прокручивать в голове дурацкие фантазии о дозоре. Увижу ли я Предел? Темные души?

Дэваля за работой.

- Да что б тебя! – взвыла я под конец.

Поднялась, сложила тетради, учебники и коньки в сумку, оделась и высунула нос наружу, убедиться, что дом пуст и никто не помешает мне разорить кухню на парочку бутербродов и чашку кофе.

Однако эта мысль пришла в голову не только мне.

Селин, похоже, тоже не спала. Я нашла ее возле шкафа, задумчиво рассматривающей его темное нутро. Решила было тихо смыться, но чуткий слух женщины уловил мое присутствие. Селин обернулась.

- А... это ты.

Теперь сбежать означало продемонстрировать слабость. Совсем не мое.

Но и желать доброго утра собственной убийце в планы не входило. Я молча прошла к ящику с кофе и насыпала в чашку сразу три ложки в надежде, что они помогут протянуть до вечера. Надо попросить у Самаэля выходной в баре, иначе я просто отключусь прямо за стойкой.

- Наслаждаешься новой жизнью? – вдруг подала голос Селин. – Ты быстро освоилась.

- Содержание неплохое, но над подачей надо поработать.

- Что?

- Фраза «ты быстро освоилась» может звучать как дружелюбный комплимент только когда она не сказана максимально стервозным тоном.

- Не собиралась делать тебе комплименты.

- Ладно. Я дала тебе шанс съехать и сделать вид, что ты всего лишь криво поприветствовала новую соседку по дому. Ты сделала свой выбор. Нет, не наслаждаюсь, потому что если бы ты меня не убила, я бы спокойно жила на Земле и не занимала лишнюю комнату в твоём доме. Нечем заняться, решила выяснить со мной отношения? Напиши книгу «Как собственными руками создать себе неприятности».

- Ты так носишься со своей жизнью, которую я у тебя отняла, но до сих пор никого не убедила в ее ценности.

- Зачем-то же она вам понадобилась. Или что, тебя не посвятили? Я бы на твоём месте обиделась. Как выполнять грязную работу – так ты первая. А как получить объяснения – так не твоего ума дело. Обидно.

- Ты еще слишком маленькая, - улыбнулась Селин, сжав кружку до побелевших пальцев. – А уже пытаешься дерзить, как взрослая.

- Ну если быть взрослой значит с утра приставать с дешевыми разборками – то нет, спасибо, я пока подожду взрослеть. Не я начала разговор, Селин. Хватит играть в игры Самаэля. Это у него хорошо

получается делать меня виноватой. Тебе еще учиться и учиться. Сделать тебе бутерброд?

Безуспешно попытавшись прожечь меня взглядом, Селин, чеканя шаг, вышла, оставив нас с кофе наедине. Ну и дом!

Я до сих пор так и не решилась устроить себе экскурсию. Ходила по привычному маршруту: через холл, мимо злополучного зала для маскарада, по лестнице к жилому крылу. Как я поняла, в той части жили только мы с Дарием. Где находилась спальня Самаэль и Селин, я не знала, как и комната Дэваля. В огромном доме были тысячи комнат!

Закончив с кофе и обнаружив, что убить получилось не больше двадцати минут, а до начала занятий еще куча времени, я решила побродить по дому. Не заглядывая в таинственные двери, просто по коридорам, рассматривая интерьер, проникаясь духом мрачной эстетики. У одних картин в залах и коридорах можно было торчать часами.

Дом выглядел так, словно медленно ветшал прямо на моих глазах. Как будто в нем еще теплится жизнь, но ее недостаточно, не хватает еще и на дом. Был ли он когда-то другим? Светлым, живым, счастливым? Почему-то мне казалось, что да.

Гостиная в нашем крыле выглядела нежилой. На всех поверхностях лежал толстый слой пыли, а светильники, кажется, не включали много лет. Если включить фантазию, можно было представить, как в просторном зале собирается вся семья. Разжигают камин, расставляют на низком круглом столике чашки и блюда с десертами. Неторопливо беседуют, наслаждаясь видом на сад.

Здесь так не принято.

В старинном мутном зеркале, казавшемся чужеродном – в гостиных, все же, редко ставят зеркала – отражалась давно забытая, покрывшаяся пылью жизнь. И я, лишняя деталь этого паззла.

Открой меня...

На этот раз шепот исходил прямо от зеркала. Я вздрогнула и решила сматываться, пока опять во что-то не вляпалась. Совру, если скажу, что не было соблазна изучить зеркало, найти источник звука, потайную комнату или Селин, притаившуюся за каким-нибудь фикусом в надежде свести меня с ума таинственным шепотом. Но я твердо решила ни во что не вляпываться хотя бы до первого дозора. Уж

очень хотелось посмотреть на работу стража вживую. На работу лучшего стража.

- Хочешь, покажу, что за зеркалом?

Я вздрогнула. Сколько Самаэль здесь сидел? В высоком кресле в углу, у камина, был ли он здесь, когда я вошла?

- Мне нельзя сюда?

- Гостиная открыта. Я бы сказал, если бы было нельзя. Здесь давно никого не было.

- Красивая. А мне нельзя здесь заниматься? В спальне не очень удобно.

Самаэль пожал плечами.

- Здесь придется несколько дней все мыть. Но я скажу слугам, чтобы прибрались. Идеальной чистоты не обещаю, они не слишком-то старательные.

Не знаю, почему мне вдруг захотелось оживить гостиную. На секунду представив трещащие в камине поленья и ощутив аромат кофе, я улыбнулась.

- Дарий сказал, ты слышишь дом.

- Это плохо? Я не должна?

- Ты сегодня удивительно послушна и тактична, Аида, - хмыкнул Самаэль. – Волнуешься перед первым дозором?

- Задабриваю тебя на случай, если Дэваль его не переживет, - хихикнула в ответ я. – Что значит «слышишь дом»? Я слышу шепот. Иногда он зовет меня по имени, а иногда будто... говорит. Просит открыть двери, заглянуть куда-то. Я держусь. Но из последних сил.

- Дом немного необычный. Вроде как... ты же изучала кастодиометр, помнишь там камушек? Ридж рассказывал, что это такое?

- Темная душа, заключенная в камень.

Сложно представить, что однажды я вернусь на Землю, забыв обо всех темных тайнах этого мира.

А может, не вернусь? Отправлюсь в аид или стану вот таким камушком кастодиометра, взвешивающим чужие души.

- Вот и это своего рода душа, заключенная в целый дом.

Я открыла рот и забыла, как он закрывается. Самаэль шутил... должен был шутить, потому что я просто отказываюсь верить в то, что кто-то может заточить в дом чью-то душу!

- Чья она?

- Нашей матери.

Пришлось сесть, чтобы справиться с приступом паники.

- Твоя... ваша мама?

- Идем. – Самаэль поднялся. – Покажу.

Он подошел к зеркалу, взялся за раму и не без труда сдвинул его в сторону, открыв пугающий темный проход. Лезть в него категорически не хотелось. Кто знает, что в голове у Самаэля? Может, они с Дэвалем похожи друг на друга куда больше, чем кажется, просто Дэваль предстал во всей красе сразу, а его старший брат решил повременить.

Но я все равно пошла. Потому что любопытство сильнее инстинкта самосохранения.

Пахло пылью и гарью. Под ногами что-то хрустнуло. Вспыхнул свет где-то под потолком. Тусклый сначала, он освещал пространство все лучше и лучше, открывая жуткую картину.

- Это же... это... мне кажется?

- Нет. Это копия дома, в котором мы живем. Точнее, это оригинал.

От которого осталось пепелище. Огонь уничтожил все: интерьеры, картины, стены, пол. Оставил лишь уродливые очертания некогда прекрасного особняка.

- Что с ним случилось?

- Здесь мы выросли. Были детьми. Как и все дети всех миров, росли, учились, не задумываясь о том, как устроен мир и почему именно так. Мы не осознавали, что отец – это Повелитель Мертвых, а мама – его королева. Все было неплохо.

Я как будто оказалась в уродливом зазеркалье. Искаженном отражении нормальной жизни.

- Потом мама предала отца.

- Как?

- Захотела жить иначе. Избавиться от айда, отправив темные души в немагические миры, превратив их в подобие нашего. Она считала... у нее было много жутких идей, Айда. Она не собиралась щадить ваши миры. И хранить их тем более. Отец возненавидел ее за то, что она предала их общие идеи. За то, что сочла возможным уничтожить миры.

- Знаю, что это твоя мама, но спасибо ему, что бы он ни сделал.

- Да. Наверное. В приступе ярости папа сжег дом. Он запер маму в айде. А то, что вы называете душой – сущность или сознание –

заклучил в новый дом. В копию того, где они были счастливы.
Справедливое наказание.

- Нет, - покачала головой я. – Так нельзя.

- Дар слышит ее, потому что восприимчив к искусству, у него редкий талант. Он думает, это просто какая-то магия.

- И что мама отправилась на перерождение.

- Да. Правду знаем только мы с Дэвом.

- Боже... сложно представить, каково ему.

У Дэваля отняли мать. А потом его бросил и отец. Невольно станешь скотиной.

- Да, он был привязан к матери. К счастью, он ничего не слышит, иначе бы сошел с ума. Это не она... в прямом смысле этого слова. Просто остаточная энергия.

- Почему ее слышу я?

- Сложно сказать. Может, в тебе есть похожий дар. Не рисуешь? Музыку не сочиняешь?

- Только профессионально играю на нервах.

- Тогда логично. Мама была виртуоз.

Самаэль прошелся туда-сюда вдоль покрытых черной сажей стен.

- Мы еще ни разу не приглашали в дом кого-то из душ. Возможно, у вас выше чувствительность. Но я привел тебя сюда, чтобы объяснить природу шепота и убедить его не поддаваться.

- Я и не поддавалась.

- Да, и я даже впечатлен. Но не рассчитываю на долговременный успех. Идем отсюда, сейчас опять измажешься, опоздаешь и мне влетит от жены.

- Не сомневаюсь, что Селин скрупулезно отслеживает мою посещаемость.

- Ого, ты знаешь слово «скрупулезно».

- А еще я знаю слово «чваниться». И ты именно это и делаешь.

- У этого слова другое значение. Я серьезно, Аида. Шепот не может тебе навредить, но в старой части дома небезопасно. Единственный вход туда – через зеркало. Если с тобой что-то случится, а проход закроется, никто не услышит. Ни одного твоего крика. Ты бессмертна, но это не значит, что тебе понравится вечная мука в прямом смысле этого выражения.

- Но ты же поищешь меня там, если что?

- Да, и тебе не понравится, если найду.

Мы вернулись в нормальную гостиную, и она вдруг резко показалась мне почти новой. Подумаешь, немного пыли.

- Я серьезно, Аида. Очень серьезно. Наша история не имеет к тебе отношения. Это не те подробности, которые выкладываешь посторонним. И рассказал я тебе их лишь чтобы ты не пыталась узнать природу шепота сама и не пострадала. Понятно?

- Да. Обещаю не лезть в ту часть дома. Пальцы не скрестила, клянусь!

- И еще одно.

- М-м-м?

- Не говори об этом с Дэвом. Не лезь в эту рану. Он и так бесится при виде тебя, а если узнает, что ты в курсе его слабости...

- Я...

Сначала хотела повторить «обещаю», а потом вспомнила, как сносит крышу в присутствии Дэваля. Как он за несколько минут способен вывести из равновесия настолько, что я сначала говорю, а потом думаю. Пришлось закончить оптимистично, но не слишком самоуверенно:

- Постараюсь.

- Пальцы скрестила?

- Нет.

- Тогда поверю. А теперь, - Самаэль взглянул на часы, - иди в колледж.

- Еще рано. Так как благодаря твоему отцу мне больше не надо бежать к открытию столовой в колледже, может быть... раз уж у меня есть полчаса... может, Стикс замерзнет?

- А не перебор? Я и так сегодня слишком добр.

- Вспомни показания моего кастодиометра. Каждая радость в жизни после смерти может быть последней.

Самаэль обреченно вздохнул. Радостно подпрыгнув, я понеслась за сумкой, чтобы не терять ни минуты.

- Стой! – настиг меня его голос уже в коридоре. – Пригласи в гости друзей.

- Друзей? – нахмурилась я.

- Шарлотту и Харриета. Тебе полезно с ними общаться. Устройте вечеринку.

А вот это уже странно. Куда страннее заключенной в старый дом души и сгоревших воспоминаний.

***

- В гости?! – Шарлотта округлила глаза. – В дом Вельзевула?! Нет! Да ты что... нет! Я боюсь!

- Никто тебя там не укусит. Мне разрешили вечеринку! Придешь, мы раздобудем вкусностей, эссенции, посидим у камина, поболтаем, расскажешь о своей жизни. Мы даже толком ни разу не рассказывали друг о друге. Я клянусь, я ни слова не скажу про твоего парня! Дэваль Грейв – запретная тема, обещаю! Ну разве что поделюсь впечатлениями о дозоре с ним, но обещаю найти приличные слова.

- Это же дом Вельзевула! Туда не приглашают таких... как я.

- Честное слово, Самаэль сам предложил. В последнее время он будто... стал относиться ко мне лучше. После того, как кастодиометр показал полное отсутствие шансов на новую жизнь, Самаэль как будто жалеет меня.

Шарлотта помрачнела и отвернулась. На нее занятие по измерению душ произвело неизгладимое впечатление. Правда, с неожиданной стороны. Когда я стала выпытывать, почему подруга ходит мрачная, она нехотя призналась:

- Я знала одного парня, совершившего преступление здесь, в Мортруме. Последний раз видела его перед судом, наставник сказал, его приговорили к работе на благо... в общем, я подумала, что это какие-то обязательные работы.

- Его заточили в кастодиометр, - догадалась я. – Что он натворил?

- Уничтожил душу. Встретил одного человека из земной жизни, не сдержал эмоций и перешел границу дозволенного. Этого не должно было случиться, но иногда и всемогущие иные ошибаются. Его наказали. Я просто боюсь сделать что-то не так.

- Не бойся. – Я улыбнулась. – Не буду отходить от тебя ни на шаг! И Харриет тоже.

- Харриет? Твой друг?

- Похоже, что да. Вряд ли он с этим согласен, конечно. Но врач сказал, в морг, значит в морг. В смысле, друг. Тебе он должен понравиться. А ты ему. Я в вашей компании самая безответственная.

Шарлотта слабо улыбнулась, но мне все равно показалось, что идея провести ночь в доме Вельзевула ей не понравилась. С одной

стороны я ее даже понимала. С другой - если тебя приглашают в дом к твоему парню вроде как надо радоваться. Легальный способ провести с ним еще больше времени. Хотя наверняка в их паре Дэваль решает, сколько времени проводить вместе.

Поняв, что думаю о паре подруги и Грейва больше, чем следовало, я сосредоточилась на грядущем. Волноваться перед первым дозором оказалось неприятно. Я бы и так нервничала, близость к Пределу всегда приводила меня в состояние возбуждения, причем совершенно непонятного - иногда я предвкушала, а иногда страшилась новой встречи с айдом.

Когда я вышла из колледжа и направилась в министерство, то поняла, что не помню ничего из прошедшего утра — все мысли были поглощены предстоящим дозором.

В холле министерства меня ждал Дэваль. Со скучающим видом он стоял у лестницы, и при виде меня лишь поднял одну бровь, словно не ожидал, что я приду. Неужели думал, что испугаюсь?

- Тебе не говорили про форму? Ты не на экскурсию идешь, а в дозор.

Я распахнула куртку, чтобы продемонстрировать спортивную форму.

- Внизу холодно.

Стражи носили черное, спускались к Пределу в куртках или плащах, а мне выдали лишь малиновое недоразумение. По прошлому заходу в подземные тоннели Мортрума я помнила прохладу, которая вполне могла превратиться в настоящий холод, если бы мы провели там больше времени.

- Первое и самое важное, что ты запомнишь: Самаэль велел, чтобы ты не пострадала, даже если будешь напрашиваться, но я не самый послушный мальчик в семье. Поэтому рекомендую быть вежливой, кроткой и даже немного восторженной.

Я хмыкнула, но промолчала. Могу быть только молчаливой, но смотреть буду красноречиво.

- Второе правило: выполнять все мои приказы. Любые. Все понятно?

- Понятно, - буркнула я когда поняла, что вопрос вовсе не риторический. - А полезная информация будет?

- А я твой напарник, а не препод. Что такое дозор тебе должны были объяснить. Обычно я работаю один, но раз уж папуля тебя навязал, сделай одолжение, не мешай. Ври, что ужасно увлечена и устаешь от количества новых впечатлений. Сделай Самаэлю приятно, ты же умеешь.

В последней фразе мне почудился какой-то подвох, но как красиво ответить, я не придумала.

Сегодня мы прошли в подземелья через другую дверь, располагавшуюся в одной из закрытых частей министерства. Меня в такие не пускали, Дэваль отпер ее своим ключом и, пропустив меня внутрь, запер. Честно сказать, я ему не доверяла. Да, приказ Повелителя священен даже для него, да, однажды он уже спас меня от аида. Но кто знает, какие мысли бродят в голове Дэваля? Вполне возможно это очередной этап его игры.

Во тьме, почти абсолютной, Дэваль чувствовал себя комфортно. А мне приходилось смотреть под ноги, чтобы не оступиться: местами дорога была неровная и каменистая. Через несколько минут глаза привыкли к темноте, но не настолько, чтобы уверенно идти вперед.

Я запахнула куртку поплотнее. Вместе с тьмой под кожу проникал холод.

- Ничего интересного в дозоре нет. Стоишь возле прорехи и следишь, чтобы из нее ничего не вылезло. Спать запрещено, отлучаться запрещено. Страж — неблагодарная работа, так что будь готова, никто не будет вытирать тебе сопли.

Дэваль вдруг остановился.

- Завяжи.

- А? - Я едва на него не налетела.

Дэваль кивнул на свой ботинок, и лишь всмотревшись я заметила развязавшийся шнурок.

- Мечтай! - фыркнула я.

- Что я сказал о приказах?

- Я не буду завязывать тебе шнурки. Правило — это о важных приказах. От которых зависят жизни. А капризы мальчиков со скверным характером сюда не относятся.

- Неужели? - Дэваль откровенно издевался и не скрывал. - Ну вот нагнусь я завязывать, потеряю обзор, оставлю стажерку одну всматриваться во тьму. И что? Ты можешь адекватно оценивать

ситуацию? Умеешь видеть признаки появления прорех? А ты знаешь, что прореха может появиться в любом месте и в любой момент? Вот пока ты тут стоишь с недовольным лицом...

Он сделал шаг вперед, вынуждая меня отшатнуться, упереться спиной в холодную стену.

- В этот момент здесь, - Дэваль поставил руку возле моего лица, - появится прореха, и все — ты уже ее коснулась. Ты уже в аду.

- Ты тоже.

- Завяжи шнурки.

- Ты серьезно?

- Вполне. Иначе я верну тебя братику.

- Зачем тебе это?

- У всех свои методики обучения. Предел не прощает ошибок. Я хочу, чтобы ты мне подчинялась. Чтобы твоя вера в то, что мои приказы нужно выполнять немедленно и безоговорочно была абсолютной. В любую секунду дозора. Если я говорю уходить, ложиться, бежать, принести мне воды или бумагу и карандаш. Если велю погибнуть или убить другого. От работы стражей зависит много жизней. Поэтому вы без раздумий должны пожертвовать в случае необходимости своей.

- Но не ты?

- Не я, - согласился Дэваль.

Он наклонил голову, словно изучая мою реакцию.

Никто не спрашивал, хочу ли я быть стражем, готова ли жертвовать собой ради других.

- И что тебе помешает сделать так, чтобы я добровольно отправилась в аид?

- Ничего. Тебе остается только верить.

Он отстранился.

- Завяжи.

Стиснув зубы, я опустила на колени и взялась за шнурки. В темноте делать это было неудобно, спешка — хотелось побыстрее отвязаться — не добавляла мне ловкости рук. Но, наконец, я справилась с задачей и выпрямилась.

Дэваль не шелохнулся.

- Идем? - спросила я. - Или насчет открывшейся прямо здесь прорехи ты не шутил?

- Ты ведь связала мне ботинки, да? - спросил он.

Черт, да как он понял?! Я ведь старалась держать максимально невинное выражение лица. Хотя наверняка так и понял. Надо было притворяться злой и раздраженной.

- Не понимаю, о чем ты, очень темно, - холодно ответила я. - Можешь приказать мне проверить, но помни, что зрение у меня не такое совершенное. Могу и ошибиться.

Клянусь, я слышала, как в темноте скрипнули его зубы!

Но все же Дэваль наклонился и быстро распутал мой неуклюжий узел. Жаль, я бы с удовольствием посмотрела, как он поцелует носом землю.

Зато дальше, до небольшой пещеры, мы шли без тупых приказов. Еще до поворота я поняла, что впереди нас ждет прореха — струился тот же едва уловимый свет. Эта прореха была определенно больше, чем та, что показывал Самаэль, а еще возле нее несла дозор парочка стражей — девушка с короткими пепельными волосами и бритый наголо мужчина, весь покрытый жуткими татуировками. Дайте угадаю: он попал в Мортрум, потому что пугал бабушек на улицах?

- Анна, Кай, мы вас сменим, - кивнул Дэваль.

На меня посмотрели с любопытством. Может, раньше Дэваль всегда приходил один, а может, слава обо мне распространилась далеко за пределы ближайшего окружения. В последнее время мы с Дэвалем дали много представлений. Хоть на гастроли выезжай.

- И что дальше? - спросила я, когда Анна и Кай ушли, оставив нас возле мерцающей завесы.

- Ничего. Просто стоишь и следишь. По регламенту нельзя спать или отлучаться, но... - Дэваль посмотрел на прореху. - У этой почти нет шансов выпустить душу.

- А если... дозор оказывается там, где эти шансы есть? И душа вырывается?

- Тогда надо загнать ее обратно не допустив касания. Желаеть потренироваться?

- Нет, спасибо.

- Поздно, это приказ.

Боги, эти сутки будут бесконечные!

Единственный раз, когда я видела Дэваля в чем-то, напоминающем бой — когда он сцепился с Самаэлем в тренировочном

зале. И тогда он выглядел не слабее брата. Не знаю, чьей победой кончился тот спарринг, но у меня вряд ли есть шансы. Папины курсы самообороны для девочек против изнуряющих тренировок стража.

Так и вышло: я оказалась на земле раньше, чем успела настроиться.

- Плохо. Ты в аду. Второй раз за дозор.

- Я в аду, потому что в дозоре с тобой.

- В этом и была папина задумка.

Тут не поспоришь. Наказание удалось на все сто.

Кое-как я поднялась, отряхнулась и попыталась оказать хоть какое-то сопротивление. Пару раз увернулась, а потом каким-то непостижимым образом молниеносно оказалась прижата к груди Дэваля, и его шепот раздался у самого уха:

- И снова в аду.

- Да это невозможно в принципе! Вы должны выдавать стражам длинные палки, чтобы ими они тыкали в темные души и загоняли их обратно.

- Когда-то выдавали, но потом это признали жестокостью.

- И как именно мы должны драться без прикосновений? Это нереально!

- Ты же понимаешь, что прикосновение должно быть к открытой коже и достаточно длительное? - с подозрением спросил Дэваль.

- Кто бы мне это объяснил. Твой брат много говорит, но мало по делу. Насколько длительное?

- Мы как-то не засекали. Ты — одна из немногих, кто пережил прикосновение. Может, тебе бы и хватило сил вырваться самой. А может, нет. Вероятнее всего, нет. Но мы уже не узнаем. Поэтому третье правило: бей быстро, больно, и старайся уложить с первого удара. Потом за шкуру — и обратно за Предел.

- Это как-то...

Я осеклась. Что сказать? Опасно? Странно? Жестоко? Глупо?

Сколько они так дежурят возле стремительно рвущейся материи, отделяющей оба мира от катастрофы? Сколько стражей отправились в аид, жертвуя собой или не справляясь с задачей? Самаэль говорит, души выбираются редко, но на моей памяти — а я здесь несколько недель — вырвалась одна. Что стало со стражем, охранявшим прореху, через которую это случилось?

Может, Вельзевул напрасно разозлился на жену, и у нее были здравые идеи, как сделать систему более эффективной и безопасной?

- Хорошо, стражи дежурят и стерегут, а ты закрываешь прорехи, один такой незаменимый.

- Еще есть группа стражей, которая отслеживает прорехи и передает информацию в министерство. Они обычно в патруле, но чтобы практиковаться там нужно закончить хотя бы курс Тордека.

- Убить в себе магию? А как тогда искать прорехи?

- Тордек объяснит. Я этим не занимаюсь.

Я прошла по пещере и зевнула. Скучно. Торчать здесь остаток дня и ночь, а потом тащиться на пары — Самаэль предупредил, что меня выпустят с дозора раньше, чтобы я ничего не пропустила.

- И что мы будем делать? Сидеть и смотреть в стену?

- А ничего другого нам нельзя. - хмыкнул Дэваль. - Папа запретил все развлечения. Поэтому да. Будем сидеть и смотреть в стену.

И все же Дэваль сегодня выдал куда больше информации, чем за все время с момента нашего знакомства. И, если не считать издевку с ботинком, даже сделал это вполне спокойно. Неужели план Вельзевула сработал, и Дэваля отрезвило наказание?

Я была далека от мыслей разоткровенничаться или расслабиться, ждала подвоха в каждую минуту. Но, украдкой наблюдая за парнем, сделала вывод, что он скорее смирился с неизбежным. Или действительно понимает, что возле Предела нет врагов и друзей, и вражда может привести к смерти.

Сколько он вообще работает? Если других стражей, способных закрывать прорехи, нет, значит, Дэваль находится на пределе. Даже жаль его. Ни свободы, ни возможности выдохнуть. Бесконечная черед прорех, как колесо для хомячка, всю жизнь которого определяет хозяин. Не то чтобы у меня как-то иначе, но впереди хотя бы маячит перспектива перемен. А что остается ему? Ждать, пока отец не освободит пафосную должность, но продолжать снова и снова спускаться к прорехам, потому что делать это больше некому.

Что-то в их сказочном посмертном королевстве неладно. Король заточил душу королевы в старый дом, принцы работают на износ, пытаюсь заслужить отцовское одобрение и не позволить миру погрязнуть в хаосе, а подданные томятся в неизвестности, ожидая приговоров. И как я в эту сказку попала?

- Что? - спросил Дэваль, когда понял, что я задумчиво на него смотрю.

- Ничего. Просто размышляю.

- О чем?

- Почему вдруг ты решил вести себя почти нормально. Говоришь со мной, не оскорбляешь и не язвишь. Часть меня хочет верить, что ты изменился или хотя бы изменил свое отношение ко мне. А другая ждет подвох.

- Это хорошо. Страж всегда должен ждать подвох.

А на вопрос так и не ответил. Сел у стены и закрыл глаза, всем видом демонстрируя, что не намерен продолжать разговор и обращать на меня внимание. Кажется, даже уснул. И я растерялась.

Что делать, если твой напарник заснул на посту? А если это проверка? Хотя вероятнее, после вчерашнего Дэваля мучает похмелье или его последствия. И усталость от работы. Я все же готова признать, что он не только шатается по барам в поисках девиц, над которыми можно поиздеваться.

Можно растолкать. И получить злобного Дэваля (не впервой, но так не хочется терять ростки адекватности, проклюнувшиеся в нем сегодня!). Можно сделать вид, что так оно и надо, дать ему поспать и самой последить за Пределом. Я бы и сама с удовольствием вздремнула даже на жестком каменном полу, но если два стража уснут во время дозора, это точно залет.

Смотреть в стену было скучно, и я пожалела, что не пронесла тайком книгу или тетрадку. Подготовилась бы к следующим лекциям. В методичках, что выдал Самаэль, стражам запрещалось проносить к Пределу личные вещи, но для учебы, может, не страшно?

Потом затекла спина от долгого сидения у стены. Я поднялась, прогулялась, снова села. Пожалела, что у меня нет часов, и я понятия не имею, сколько осталось до конца дозора.

Это было самое скучное занятие в мире! Готова поклясться, Самаэль и Вельзевул придумали его, чтобы испытывать попавшие к ним в лапы души. Потому что я понятия не имею, кто способен снова и снова возвращаться сюда, проводить кучу времени пялясь на мерцающую завесу и не сойти в итоге с ума.

Постепенно я начала клевать носом. Сначала несильно, потом, замороженная и убаюканная мягким мерцанием, стала отключаться на

несколько секунд. Затем дольше и дольше.

- Дэваль... - позвала я. - Проснись. Я засыпаю.

Он не отвечал, сидел все так же, прислонившись к стене, не меняя позы.

- Эй! Имей совесть, я тоже хочу отдохнуть. Слышишь? Я сейчас усну, нас поймают твой брат, не вовремя явившийся с инспекцией, и снова получим на орехи. Дэваль, я серьезно! Да проснись ты, хватит издеваться!

В гневе я подскочила к нему и потрясла за плечо, намереваясь разбудить и высказать все, что я думаю о таком отношении, но испуганно отдернула руку: на ощупь он показался каменной статуей. Холодной и безжизненной. А потом я увидела открытые, застывшие в одной точке, голубые глаза и вскрикнула.

Дэваль был мертв.

- Что за... как...

Потрясенное моим прикосновением тело пошатнулось и сползло по стене, свалившись на пол у моих ног. Не в силах поверить, я смотрела вниз, на того, кому еще совсем недавно желала мучительной и немедленной смерти и не могла поверить в то, что видела.

Мертвые не умирают. У них не бывает сердечных приступов. Они же мертвые!

Но что насчет иных? Самаэль говорил, они бессмертны, но вдруг бессильны перед болезнями?

Одолеваемая паникой, я не сразу заметила, как тело Дэваля меняется. Как его охватывает красноватое свечение, как очертания размываются, как вместо лежащего на полу парня появляется сначала сгусток яркого света, а затем остается знакомая железка с алым камнем в основании весов.

Кастодиометр. Дэваль стал кастодиометром.

Жуткая ирония судьбы, или... Вельзевула?

Аида... - услышала я от Предела.

Обернулась — и в это же мгновение очнулась от того, что больно ударилась, уронив голову набок и врезавшись в какой-то выступ на стене.

- Твою ж... - едва слышно выругалась сквозь зубы.

Впервые в жизни мне приснился такой яркий кошмар. Ненавижу Риджа! Зачем он только показал нам эти кастодиометры, теперь мысли о них преследуют не только Шарлотту, но и меня.

- Знаешь, а ведь у меня во сне ты умер... - Я осеклась, увидев, что пещера пуста.

Наедине с Пределом я осталась одна.

И он манил. Звал. Притягивал. Желание коснуться магии, разделяющей миры, можно было сравнить лишь со страстным желанием окунуться в чистейшую лазурную воду уединенной морской бухты после невыносимо долгого жаркого дня.

Усилием воли я стряхнула оцепенение и поднялась.

Сон оказался лишь сном. С Дэвалем ничего не случилось, он просто свалил. Решил подшутить или пройтись. Превращение его в кастодиометр выдало мое воспаленное и впечатленное сознание, а что до шепота и Предела... Самаэль говорил, душа его матери заключена в дом, и именно ее я слышу. Но, похоже, снова врал или не договаривал. Это определенно не дом, а шепот не стихает. Порой кажется, я слышу его даже в оживленном гуле колледжа или в рабочем шуме министерства. Но только стоит прислушаться — и все стихает.

Но я все же решила пройтись по ближайшим коридорам и его поискать. Вдруг что-то случилось? Я нарушила уже добрый десяток правил стража, но и Дэваль хорош! Самаэль четко предупреждал: оставлять напарника нельзя!

- Если это проверка, то я тебя убью, - пробормотала я, осторожно ступая в тоннель.

Почти уверена, что проверка. Дэваль проснулся, обнаружил меня спящей, решил, что негоже его ученице на рабочем месте отдыхать, и по-тихому свалил, чтобы потом поржать, как я в панике мечусь по коридорам.

Пусть это будет проверка!

В вещи сны я не верю, но порой ничего другого не остается.

В коридоре, который привел нас к прорехе, никого не оказалось, в смежных помещениях тоже. И я бы повернула назад, послушно, как полагается стажеру, ждать, когда за мной придут (почему не дали инструкций на случай исчезновения напарника?!), но вдруг услышала странные звуки откуда-то из недр подземелий.

В звуках мне почудился голос Дэваля, и я прислушалась. Шаг за шагом продвигаясь туда, откуда они звучали, я все больше и больше распаляла любопытство. Что там Дэваль делает? Привел Шарлотту? Позвал друзей и рассказывает, какая я бездарность? Получает от Самаэля от нас двоих за сон на рабочем месте? Нет, это уж совсем маловероятно.

Когда звуки стали громче, я остановилась и осторожно заглянула в зал, к которому они меня привели. Открывшаяся картина сначала показалась однозначно понятной и простой: вырвавшаяся из аида темная душа и страж, не позволяющий ей прорваться обратно.

Но что-то было не так.

Дэваль действовал яростно и грубо. Душа, нечто непонятного пола и вида, грязная и обезумевшая, редела, пытаясь ухватить парня, но он ловко уворачивался и смеялся. Впечатляющее и одновременно ужасающее зрелище. Умом я понимала, что это существо, лишь напоминающее человека, воплощенное зло, отправленное в аид во благо всех миров, но сердцем жалела рвущегося к свободе беднягу. Он совсем не был похож на того мужчину, что пришел в бар. И, кажется, я знала причину.

А потом я вдруг поняла, что делал Дэваль.

Когда душа рванулась к Пределу, отчаянно протянула руки к завесе, Грейв за шкирку оттащил его и выбросил обратно в центр пещеры.

- Я еще не закончил, - рыкнул он, закатывая рукава. - Давай усложним задачу. Ну?! Давай! Забери меня с собой!

Не выдержав, я рванулась вперед.

- Ты что творишь?! - рявкнула так, что замерли оба — и Дэваль и душа. - Он же человек!

- Что ты здесь делаешь, я велел тебе оставаться у прорехи!

- Думала, ты попал в беду! А ты... боги всех миров, Дэваль, что ты делаешь?! Что ты такое?! Это для тебя развлечение? Его страдания? Это весело? Да он рвется обратно в аид, лишь бы ты прекратил! Так нельзя!

- Он — зло.

- Но это не повод его мучить.

- О, ты ошибаешься, Аида Даркблум.

- Даркблум, - словно эхом повторила душа.

- Должны быть границы! Между издевательствами и наказанием пропасть, хотя ты об этом вряд ли знаешь! Но даже в тебе должно быть сострадание! Нельзя играть так с теми, кто осужден на вечные муки.

- Надо же, говоришь прямо как хорошая послушная девочка, - криво усмехнулся Дэваль. - Но я не спрашивал совета. Вернись к прорехе.

- Нет. Я пойду к Самаэлю и все ему расскажу, потому что иначе ты себя погубишь. Станешь камушком в дурацких весах, решающих, кто из нас насколько хорош.

При взгляде в стремительно темнеющие голубые глаза невольно вспоминались другие, из сна, застывшие в одной точке. Кожа покрылась мурашками.

- Даркблум... - снова раздался шепот, но на этот раз вовсе не из Предела.

Мы оба перевели взгляд на душу. Я отшатнулась: существо жадно меня рассматривало, медленно расплываясь в улыбке.

Оно меня словно... узнало? По фамилии?

- Уходи! - крикнул Дэваль, и на этот раз послушаться приказа не пришло в голову.

Я бросилась в коридор, и успела бы, если бы душа в один нечеловеческий прыжок не оказалась рядом со мной. Я даже не знала, что люди могут так прыгать. Да в существе и не осталось ничего человеческого. В отличие от прошлой вырвавшейся души, он слишком долго пробыл в аиде, потеряв и сущность и облик.

Так вот какое наказание ждет тех, кто не заслужит право на вторую попытку. В конечном итоге они превратятся в монстров?

Холодные руки обхватили мои запястья раньше, чем я успела отреагировать.

Болезненное, мучительно долгое прикосновение. Достаточно долгое. Даже слишком.

- Аида!

Дэваль впервые назвал меня по имени.

Уже знакомое ощущение холодной тьмы, тянущейся откуда-то из расщелины в пространстве, на этот раз не исчезло так же резко, как появилось. Дэваль не схватил меня за руку, не выдернул в последний момент из объятий аида. Я даже не знаю, попытался ли он сделать хоть что-то, потому как сознание померкло в тот же момент, когда мир

вокруг исказился до предела, превратившись в нечто, подобное сгоревшему дому Вельзевула.

Последнее, что я подумала, было сожаление.

Теперь я точно не найду папу. И больше никогда не встану на коньки.

Потом я открыла глаза. Надо мной простиралось кроваво-красное небо аида. С тяжелыми серыми тучами, словно написанными грубой кистью художника, давно забывшего, как выглядит небо.

Эпилог

Дэвалю никогда не нравилось бывать в мастерской Дара. С десятков полотен на него смотрели лица. Множество лиц, десятки. Некоторых он помнил - когда-то лично провожал в аид. Многие наверняка уже потеряли свой человеческий облик, превратились в монстров, одержимых жаждой смерти. Некоторые казались ему светлыми, и порой Дэваль размышлял: значит ли это, что они оказались достойны Элизиума? Или он все же совсем не разбирается ни в душах, ни в иных.

То, что он сделал, определенно служит этому доказательством.

Будь его воля, он перевернул бы холсты так, чтобы видеть только пейзажи. Окошки в невероятные миры.

Дэваль никогда не был ни в одном из немагических миров. Отец строго запретил ему это, справедливо боясь, что единственный наследник, способный занять его место, выберет мир душ, навсегда откажется от проклятого дома. Лишь однажды, когда появилась Аида и Повелитель сделал ее своей наследницей, Дэваль подумал, что получит свободу.

Но нет. Для дочери Вельзевул приготовил место принцессы, а отверженный принц должен стать ее цепным псом.

Он без труда нашел нужный холст. Ее портрет лишь обрел первые узнаваемые черты, набросанные углем. Скоро появятся цвет и свет — то, что в работах Дара любят больше всего. В карих глазах зажжется огонь, с которым Аида бросается в битву, на губах заиграет улыбка. Портрет оживет, а на обратной стороне появится окошко в ее мир. В непонятный, пугающий, но тот, за который стоит бороться.

- Дэв?

Брат явно не ожидал его здесь увидеть в такое время. Дэваль редко заглядывал к нему по утрам.

- Что-то случилось?

- Ничего. Хочу купить у тебя картину.

- Купить? - Дар фыркнул. - Вряд ли тебе есть, чем оплатить.

- Назови цену. Любую.

Дарий посмотрел с интересом. Дэваль никогда не интересовался его работами. Карты прорывов, что он просил рисовать, не в счет, они всегда были рутиной.

- Ты знаешь цену. Хочу увидеть ее.

Медленно Дэваль кивнул. Он и не сомневался в том, что Дарий попросит. Всегда просил. Но до сих пор у брата не было ничего настолько ценного, чтобы пойти на риск.

- Хочу увидеть маму, - повторил он.

- Увидишь. Но не жди, что она ответит или как-то отреагирует на твой приход. Ты же знаешь, что в аиде сложно остаться собой.

- Я знаю, Дэв, я не ребенок. Что за работа тебе нужна?

Медленно Дэваль кивнул на портрет Аиды. Дар рассмеялся.

- Серьезно? Зачем она тебе? Хочешь метать в нее ножи?

- Не хочу, чтобы он достался отцу.

Дар хорошо его знал. Лучше, чем кто-либо. Лучше, чем отец и Самаэль. Брат умел различать все оттенки его настроения. Понял и сейчас. Осекая, нахмурился, посмотрел почти с мольбой.

- Дэв, что ты сделал?

Вместо ответа Дэваль провел кончиком пальца по угольным линиям портрета. Вдоль пряди волос на лице, по губам. Задумчиво посмотрел на черный след на пальце и пожал плечами.

- Что ты сделал?! - рыкнул Дар. - Что ты с ней сделал?!

Так и не добившись ответа, он вылетел из мастерской, оставив Дэваля в одиночестве.

С холстов на него смотрели чужие лица. Ему показалось, с осуждением и презрением. Может, то были игры воображения, а может, всего лишь еще одно проявление таланта Дария.

И только она смотрела иначе.

Аида Даркблум, невозможная принцесса.

Которую отверженный принц отчаянно ненавидел. И в которую совсем немного был влюблен.

Конец первой книги
От автора
Дорогие читатели! На этом я завершаю первую книгу истории Аиды. Понимаю, нервно)) Вторую часть постараюсь начать сегодня, если мне позволит интернет (я пока не в России, еще и в горах, в общем грузит не очень) Подписывайтесь на мою страничку, чтобы не пропустить